ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ

#4 '03

ПОКРОВСКИЙ

ЛЕ ГУИН

КОЗИНЕЦ

БЕНЕДИКТОВ

ФЕДОТОВ

МАРКОВ

ГОССЕН

БУЛЫЧЕВ

ОБМАНУТЫЙ РАЗУМ

ВЕСТИ С «НАУЧНОГО ФРОНТИРА»

ЗВЕЗДНАЯ ДОРОГА

журнал фантастики # 4 '03

Содержание

Главный редактор *Александр Ройфе*
Редактор *Василий Мельник*
Издатель *Игорь Огай*

Над номером работали: Сергей Кабанов, Алевтина Горева, Александр Набоков. **Использованы фотографии** Д.Новикова (Митрича). **На обложке** – работа Д.Мак-Кина «Континуум-1».

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-3212 от 20.04.2000. Лицензия ИД № 02440 от 24.07.2000. Юридический адрес: 143400, Московская область, г. Красногорск, ул. Ленина, 53.

Почтовый адрес редакции: 143400, Московская область, Красногорск-8, а/я 105. **Тел./факс** 563-55-54. **Электронный адрес:** starroad@rusf.ru. **Интернет:** www.rusf.ru/starroad.

Подписано в печать 29.03.2003. Формат 60x88 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1500 экз. Зак. № 1267.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»: 140010, г. Люберцы, Октябрьский просп., 403. Тел. 554-21-86.

Комиссия по контактам

Перво-наперво, уважаемые читатели, разрешите представить вам наш новый проект — «газету в журнале» «Научный фронтир» (см. стр. 149). На ее страницах вы найдете информацию о новейших изобретениях и открытиях, популярные статьи о тенденциях развития современной науки... Почему мы открыли эту «газету»? Ну, во-первых, об этом просили нас вы сами: во многих анкетах, присланных вами в журнал, содержится просьба регулярно рассказывать о том, чем занимаются сейчас ученые. Что ж, ничего удивительного: аудитория любителей фантастики и аудитория энтузиастов науки во многом пересекаются. Так было раньше, так это и сегодня... А во-вторых, мы рассудили, что материалы, публикуемые в «Научном фронтире», могут стать для наших молодых фантастов источником вдохновения. И кто знает, не приведет ли это к ренессансу отечественной НФ, об упадке которой пролито столько слез... Впрочем, об основной миссии журнала редакция забывать не намерена, и потому «газета» будет выходить пока раз в два месяца — вплоть до увеличения объема «ЗД», каковое рано или поздно случится.

А теперь — фрагменты еще из двух откликов на статью С.Красикова «Эскапизм со взломом» («ЗД» № 1 с.г.). Вот что написал нам некто Chein:

Вам не нравятся Че Гевара и Леон Троцкий? Тогда вот вам на выбор Эрнст Рем и Адольф Шикльгрубер. Не нравится такая альтернатива? Извините, но другой нет. Старого мира не сохранить, молодые европейцы и латиноамериканцы – почти сплошь «красные».

В России все по-другому. Власть сталиных, брежневых и горбачевых десятилетиями уничтожала традиции 1917-го года, традиции независимого мышления и способности отстаивать свой выбор до конца. От революции к концу 20-х остались только обрядность и фразеология, которой новые власть имущие прикрывали свое господство. Зато вбивались «гордость» за свою страну, «радость» повиновения вышестоящим... С тех пор изменилась только фразеология. Поражение в «холодной войне» привело к тому, что во всех слоях общества появилась ностальгия по «державе», которая всем воздает по справедливости –

недовольных «мочит», преданных награждает. Эти настроения уже отразились в литературе. Достаточно вспомнить эпопею Х. ван Зайчика, роман Дивова «Выбраковка», всякие «альтернативные» истории, где «благородные» белые обязательно, непременно побеждают красных... Мне лично, правда, гораздо интереснее, как жажда социальной справедливости отражается в современной западной фантастике. К сожалению, я не настолько хорошо знаю языки, чтобы читать в оригинале...

А вот мнение Ольги Захаровны (дорогие читатели! Вы как сговорились! Указывайте же свои фамилии полностью, никто вас не съест):

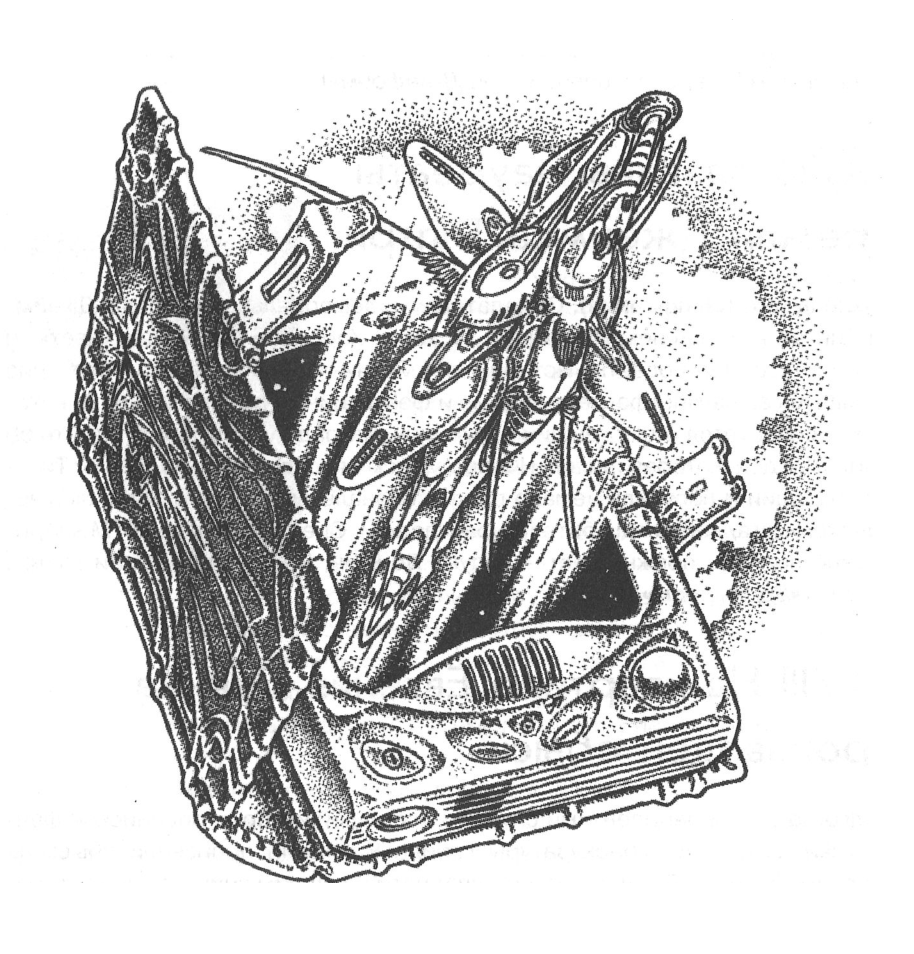
Фантастику превозносят за то, что она не сковывает авторскую фантазию. Прекрасно, я всецело за расширение возможностей автора. Но когда прием становится самоцелью, литература перестает быть таковой. Фантастика как «искусство невозможного, невиданного, недостижимого» по определению есть эскапизм. Глупо выделять один прием в область литературы, тем более что прием этот известен издавна. Он не то, чем стоит кичиться автору. Он то, что еще более обязывает. Почему? Именно потому, что позволяет легко и безболезненно сбежать. Однако вот что представляется мне интересным: только сейчас фантастика приобретает размах, наращивает крылья, на которых действительно далеко можно улететь...

И наконец — комментарий самого Сергея Красикова:

Скажу вам по секрету, что я читаю книги исключительно ради получения удовольствия. Удовольствия, заключающегося в погружении в новую реальность, интригу, людей, удовольствия интеллектуальной игры. Соответственно, если книга меня не увлекает ни одним из вышеперечисленных компонентов, я говорю, что эта книга плохая. К примеру, «Чужак в земле чужой» – плохая книга потому, что сюжет там никакой, герои неживые, а идеи недостаточно интересны. Или, к примеру, «Осенние визиты» – плохая книга оттого, что автор не просто рассказывает историю, как он умеет, а то и дело проповедует и обличает.

Читатели статьи сетуют: что, мол, я так ополчился на «партийно-революционную» составляющую фантастики? Очень просто: мне эта составляющая неинтересна. Это только по крайней молодости каждый обладающий душою человек борется за социальную справедливость. Подобное мироощущение позже вытесняется мудростью и здоровым консерватизмом. А то, что фантастика прежде всего – литература для подростков, совсем другая история...

БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ



6/III Джек Уильямсон продолжил наставлять молодежь

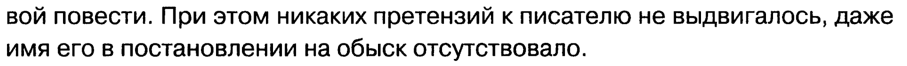
Порталес (шт. Нью-Мексико). 27-я ежегодная лекция патриарха американской НФ Джека Уильямсона (ему сейчас 95 лет) по традиции была прочитана в Восточном университете Нью-Мексико. Ее тема на сей раз звучала так: «Празднуя 75» (имеется в виду 75-летие первой фантастической публикации патриарха – рассказа «Металлический человек»). Читать лекцию Уильямсону помогали более молодые коллеги – писатели Джо Холдман и Конни Уиллис. В развернувшейся дискуссии о прошлом и будущем фантастики среди прочих участвовали Фред Саберхаген и Уолтер Джон Уильямс. Крепка в заокеанской НФ связь поколений... ***(«ЗД-информ»)***.

14/III Названы лауреаты премии Джеймса Типтри

Оукленд (шт. Калифорния). Обладателями Мемориальной награды Джеймса Типтри в нынешнем году стали М. Джон Харрисон (за роман «Свет») и Джон Кессел (за повесть «Истории для мужчин»). Как известно, этот приз вручается за научно-фантастические и фэнтезийные произведения, в которых «исследуется роль женщин и мужчин». Награда учреждена в память об Элис Шелдон, которая писала НФ под мужским псевдонимом Джеймс Типтри-младший и получила немало профессиональных премий, оставаясь человеком-загадкой для любителей фантастики. Среди обладателей Мемориальной награды прежних лет – Урсула Ле Гуин, Нэнси Спрингер и Гвинет Джонс ***(«ЗД-информ»)***.

21/III На квартире Евгения Лукина произведен обыск

Волгоград. Беспрецедентный случай в новейшей истории российской фантастики: сотрудники прокуратуры города Волжский произвели обыск на квартире Евгения Лукина – автора двадцати с лишним книг, изданных тиражом около полумиллиона экземпляров. В результате обыска был изъят системный блок компьютера, на жестком диске которого записано начало но-



вой повести. При этом никаких претензий к писателю не выдвигалось, даже имя его в постановлении на обыск отсутствовало.

Далее цитируем потерпевшего: «В чем же дело? А дело-то, оказывается, вот в чем: существует в городе Волжском сводный брат моей супруги прокурор области по экологии Сосновщенко Геннадий Николаевич. И разбирается оный прокурор с бывшим женихом моей падчерицы. Этот бежит, а тот его догоняет. Были у них там какие-то общие дела, и кто-то кого-то, выражаясь нынешним языком, обул. Смекаете теперь, откуда ноги растут?

Как сообщил следователь Логинов, прокурор написал на бывшего жениха заявление. И пошло-поехало! Из постановления явствует, что 21 марта в моей квартире искали следы несостоявшегося прокурорского (а стало быть, и моего) родственника, которого я последний раз, если память мне не изменяет, видел года полтора назад, причем в компании того же прокурора...»

Для того чтобы понять, что в компьютере писателя нет ничего, что могло бы заинтересовать прокуратуру, ее сотрудникам понадобилась неделя. После чего они предложили Лукину самому забрать системный блок. Однако когда Евгений приехал в город Волжский, то никого из прокурорских работников на месте не оказалось. И писатель «пошел на принцип»:

«В данный момент те, кого мы не застали, готовы доставить системный блок на дом в обмен на мою подпись, что, дескать, "претензий не имею". Увы, поздно. После визита к тетеньке-невропатологу, где я, кстати, вел себя смирно и даже никого не укусил, решено было от дел меня отстранить в срочном порядке. Через нотариуса я передал право представлять мои интересы адвокату, который, надеюсь, выпьет из наших приказных примерно столько же крови, сколько они за эту неделю выпили из меня. Сам я намерен расчехлить свой старенький ноутбук, выкинуть (по возможности) из головы всю эту тягостную бредь и уйти на... короче, в анахореты. Повесть теперь вряд ли удастся продолжить, и не только из-за отсутствия первых глав, – просто я напрочь вышиблен из текста. Поэтому попробую начать что-нибудь новое.

И напоследок самое пикантное: следователь Константин Логинов готов вернуть все изъятое, кроме... фотографии Святослава Логинова. Теперь вот сижу и думаю: может, и впрямь ни при чем тут прокурор Сосновщенко? Может, дело-то как раз в следователе, а? Ну неловко ему показалось прямо обратиться за автографом – вот он и решил столь замысловатым образом выйти на своего знаменитого однофамильца!» ***(«ЗД-информ»)***.

21/III «Лунариане» чествовали астрофизика

Нью-Йорк. Мемориальная награда Айзека Азимова, которую учредили и вручают члены Нью-Йоркского общества научной фантастики («Лунариане Инкорпорейтед»), досталась астрофизику Йоджи Кондо, публикующему фантастическую прозу под псевдонимом Эрик Котани. Согласно своему статуту эта премия присуждается не только авторам художественных произведений, но всем тем, чье творчество «внесло значительный вклад в дело общественного просвещения и улучшило понимание науки». Список обладателей награды говорит сам за себя: Артур Кларк, Фред Пол, Бен Бова, знаменитый физик Стивен Хокинг... ***(«ЗД-информ»)***.

МАРТОВСКИЙ МАРТИРОЛОГ

Вторая неделя марта навсегда будет окрашена в черный цвет для всех любителей фантастической литературы. Неожиданно ушел из жизни киевский писатель и переводчик **Владимир Заяц** – автор многих ярких произведений, в том числе полюбившейся читателям повести «Гипсовая судорога». Не успели осознать эту скорбную весть – перестало биться сердце **Евгения Панаско**, человека, сделавшего очень много для ставропольской фантастики. Поклонники жанра бережно хранят в своих библиотеках сборник «Десант из прошлого», выпестованный и, несмотря на все препоны, выпущенный в свет Евгением. А в субботу, 15 марта, пришло новое страшное известие: в Симферополе умерла **Людмила Козинец**...

Она участвовала в «малеевских» семинарах, тогда же в одном из «молодогвардейских» выпусков «Фантастики» был опубликован ее блестящий рассказ «Я иду!». Чувствовалось, что в литературу пришел настоящий писатель. И Людмила не разочаровывала поклонников своего таланта. «Ветер над Яром», «Черная чаша», «Гадалка», «Последняя сказка о “Летучем Голландце”» – это лишь часть маленьких шедевров, вышедших из-под ее пера и ставших гордостью нашей фантастики конца прошлого века. Потом были «Полеты на метле» – повесть, которая никого не могла оставить равнодушным. А еще семинары...

В 1988 году Людмила Козинец пришла в ВТО МПФ, была ответственным секретарем по Украине, заведующей отделом рукописей. Искала одаренную молодежь, тормошила, вытаскивала на семинары. Сколько нынешних профессионалов сделали свои первые шаги в литературе благодаря Людмиле!

К ней шли с радостью, к ней несли свое горе и проблемы. Она щедро делилась с друзьями теплом души...

Совсем недавно в издательстве «Вече» вышла книга Людмилы «Качели судьбы»; роман «Лилии фортуны», написанный в соавторстве, находится в типографии. О ее творчестве спорят и будут спорить критики, а любители фантастики опять и опять будут знакомиться с трепетным и искренним миром произведений Людмилы Козинец.

Одна из ее героинь в поисках смысла жизни, потерянного братства уходит за тревожный и неизведанный Океан. В иной мир уходят от нас Людмила, Евгений, Владимир... А нам остается – память ***(Виталий Пищенко)***.

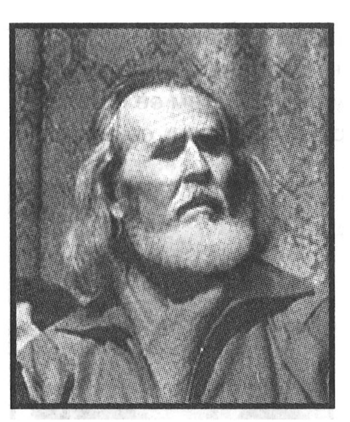
* * *

В ночь с 17 на 18 марта после тяжелой и продолжительной болезни в Москве скончалась **Нина Матвеевна Беркова**. Ей было 78 лет. Трудно назвать кого-либо еще, кто сделал столько для нашей фантастики...

Она была блестящим редактором, работала в издательстве «Детская литература» и «пробивала» там первые книги Стругацких. Затем ее пригласили на работу в аппарат СП, и во многом благодаря ей появилась секция фантастики при Московском отделении Союза писателей. После организации в Ленинграде и Москве семинаров молодых фантастов у нее и покойного Дмитрия Александровича Биленкина возникла идея проводить подобные мероприятия в масштабе страны. С 1982-го по 1992-й проходили такие семинары – сначала в Малеевке, а потом в Дубултах, под Ригой (в них участвовали также и молодые писатели-детективщики). Д.А.Биленкин, Г.И.Гуревич, С.А.Снегов, Е.Л.Войскунский, В.Д.Михайлов, Г.М.Прашкевич руководили семинарами, через которые за десять лет прошло свыше полутора сотни фантастов (и не меньше сотни детективщиков). Их список – панорама современной фантастики: Б.Штерн, Л.Козинец, В.Заяц (Киев), В.Жилин, С.Логинов, В.Рыбаков, А.Столяров (Санкт-Петербург), М.Веллер (Таллин), Е.Лукин (Волгоград), М.Успенский, А.Лазарчук (Красноярск), Ю.Брайдер, Н.Чадович (Минск)... Кто знает, как сложились бы их писательские судьбы (и судьбы таких ныне известных авторов детективного жанра, как Д.Корецкий, А.Маринина, Б.Руденко), если бы не эти семинары, немыслимые без таланта, энергии и самоотверженности Нины Матвеевны Берковой... А еще она была наделена редкостным даром дружить... ***(Владимир Гопман, Виталий Бабенко)***.

18 марта скончался классик украинской фантастики **Олесь Павлович Бердник**. Он родился в 1927 году в селе Вавилове Николаевской области в семье кузнеца. Рядовым участвовал в Великой Отечественной войне, был ранен. После демобилизации окончил экстерном среднюю школу и поступил в театральную студию при Киевском театре им. Ивана Франко. Работал актером, затем – декоратором-витражистом в объединении «Художник». В 1949 году был арестован, в 1950-м осужден на 10 лет заключения «за антисоветскую деятельность», почти сразу же получил новый срок. После освобождения в 1955-м занялся писательством, с 1957 года – член Союза писателей Украины.

Первая публикация Олеся Бердника в фантастике – повесть «Поза часом і простором» (1956). Автор книг «Серце Всесвіту» («Сердце Вселенной»), «Діти Безмежжя» («Дети Беспредельности»), «Чаша Амріти» («Чаша Амриты»), «Стріла часу» («Стрела времени»), «Покривало Ізіди» («Покрывало Изиды»), «Зоряний корсар» («Звездный корсар») и других. По мнению некоторых исследователей, Бердник «подхватил футурологические новации Ивана Ефремова, создав свой вариант коммунистического будущего. Но вселенная Бердника не похожа ни на Великое Кольцо, ни на миры Стругацких. Бердник – прежде всего философ, и Будущее интересует его не само по себе, а в тесной связи с Прошлым... В лучших его произведениях... самые важные проблемы – не технические, не социальные, а моральные. По тем временам эта смелость не могла привести ни к чему хорошему...»



С 1974 года Бердник пытался получить разрешение на выезд из СССР, что привело к изъятию его книг из библиотек и их практическому запрету, тогда же он был исключен из Союза писателей. В 1977-м он опубликовал обращение «До письменників України і світу» и участвовал в подготовке документов Украинской Хельсинкской группы. За правозащитную деятельность был снова арестован и осужден на шесть лет заключения и три года ссылки с формулировкой «за антисоветскую агитацию и пропаганду». В 1984-м помилован решением Верховного Совета УССР. В 1989-м основал гражданскую организацию «Украинская духовная республика».

Произведения Олеся Бердника выходили в переводах на русский, английский, польский, японский, чешский, немецкий и другие языки ***(Сергей Бережной)***.

ОЖЕРЕЛЬЕ МИРОВ

Дмитрий Федотов

УСПЕХ ГАРАНТИРУЕТСЯ

Дмитрий Федотов — не новичок в фантастике. Дебют его состоялся аж в 1980 году в альманахе «Собеседник». Затем было полтора десятка публикаций в сборниках и журналах. Первая авторская книга — «Этот мир придуман не мной» — вышла только в 2001-м, а в 2002-м издательство «Вече» выпустило роман «Ветер смерти». Будучи врачом и психологом по образованию, Дмитрий отдает предпочтение не внешнему, но внутреннему космосу человека. Его рассказ «Успех гарантируется», затрагивающий тему управления человеческой психикой, заставляет задуматься о нашей эпохе, которую автор считает эпохой победившего конформизма...

В пятницу, двадцать пятого июня, Николай Иванович Столов, бывший инструктор обкома комсомола, бывший коммерческий директор совместного предприятия, а ныне — скромный бухгалтер провинциального инвестиционного фонда, закончил рабочий день ровно в семнадцать часов, тщательно уложил финансовые документы в сейф, выключил компьютер и окунулся в душное и пыльное городское марево.

Стоя на крыльце офиса и покуривая дежурную сигаретку, Коля лениво размышлял о том, где и с кем провести надвигающийся уик-энд.

В свои тридцать пять лет Столов так и не удосужился обзавестись семьей и детьми. Нет, конечно, опыт семейной жизни у него был, но... скажем так, не очень удачный. И ведь разошлись-то из-за пустяка! Просто Коля любил ходить в сауну с массажем — по старой комсомольской привычке, а жене почему-то это невинное хобби не нравилось. Коля искренне возмущался, пока однажды супруга не увидела его выходящим из бани в обнимку с юной массажисткой. И хотя и так было ясно, что Коля элементарно «перепарился», а невинное дитя согласилось проводить его до такси, но жена такое объяснение не приняла...

С тех пор – уже шестой год – Николай Иванович вдыхал полной грудью ветер свободы, но иногда, вот как сегодня, возникало неприятное чувство собственной никчемности, что ли... И тогда требовалось срочно его чем-нибудь нейтрализовать, пивом, например, и лучше в хорошей компании. А такой компанией в пятницу вечером мог стать только один человек – Андрюха Черных, старый и добрый приятель, бывший одноклассник. Теперь Андрей работал в Союзе ветеранов войны в Афганистане, который находился буквально в пяти минутах ходьбы от офиса Столова.

Приободрившись от принятого решения, Коля выбросил окурок в мусорницу и быстрым шагом направился к зданию Союза ветеранов, дабы успеть перехватить друга на выходе. Проходя мимо знакомого лотка с газетами и журналами, он решил купить свежий номер «Вечерки», чтобы потом за кружечкой пивка «обсосать» с закадычным приятелем свежие новости и сплетни. Столову очень нравились точные и хлесткие характеристики и выводы Андрея по поводу деятельности городского и губернского начальства, его язвительные комментарии к жизни провинциального бомонда и критические замечания о деятельности правоохранительных органов. Коля уже не раз советовал Черных отбросить «ложную стыдливость» и заняться журналистикой, убеждая приятеля, что у него дар владения словом и острый глаз, а это для «работников пера и пиара» самые главные качества.

Развернув газету, Столов тут же наткнулся на яркий, в три краски, текст посередине страницы: «Уважаемые молодые дамы и господа! Кому из вас не хотелось поймать свою Синюю Птицу Удачи и стать уважаемым и самодостаточным членом общества, руководителем солидной фирмы, директором банка или крупного супермаркета? Сегодня мы предоставляем вам такую возможность и приглашаем в Экспериментальную школу менеджмента и управления. Для поступления вам не понадобится проходить изматывающую процедуру сдачи конкурсных экзаменов. Все, что вам потребуется, – это уверенность в своих силах и личное обаяние при прохождении всего лишь ОДНОГО экзамена-собеседования! Трудоустройство в престижные фирмы и учреждения по окончании ЭШМУ гарантируется на 100%! Прием документов будет производиться 28 июня с 10 до 18 часов по адресу...» Интересно! (Коля даже приостановился.) Неужто в самом деле Синяя Птица наконец-то махнула ему крылом? Неужто закончатся его унизительные мытарства в роли «генерала без армии»? Уж чего-чего, а уверенности в собственных силах и личного обаяния Столову было не занимать! Да и Андрюхе тоже не пристало каким-то охранником корячиться с его-то способностями и волей. Ободренный вновь открывшимися перспективами,

Николай Иванович аккуратно свернул газетку и поспешил к зданию Союза ветеранов.

Андрей Черных, капитан ВДВ в отставке, участник двух чеченских войн, а ныне – начальник охраны Союза ветеранов, также закончил свой рабочий день в семнадцать ноль-ноль, однако в последний момент ему пришлось задержаться, потому как неожиданно выяснилось, что один из сменных охранников заболел и его нужно кем-то подменить. Поэтому, когда Андрей вышел на улицу, Николай уже поджидал его, сидя на лавочке перед входом в здание и покуривая сигаретку.

Хмурый и немногословный Черных со стороны выглядел полной противоположностью Столову – упитанному, вальяжному и болтливому, порой не в меру. Наверное, все-таки правы психологи, когда утверждают, что наиболее комфортные и крепкие отношения завязываются между совершенно непохожими людьми исключительно в силу любопытства и желания приобрести то, чего у тебя самого никогда не было. Это называется «принципом дополнения». Так или иначе, но наши герои были «не разлей вода» где-то класса с пятого-шестого, и с той поры большинство их знакомых постоянно удивлялись этому необычному альянсу честности и прямолинейности одного с хитростью и изворотливостью другого.

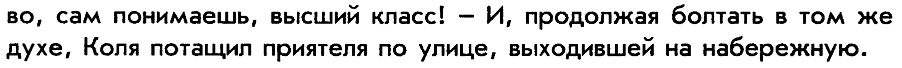
Увидев приятеля, Коля поспешно вскочил, выбросил недокуренную сигарету и даже помахал перед собой ладонью, потому что Андрей совершенно не выносил запаха табачного дыма, а портить ему настроение перед важным разговором Столов не хотел. Прекрасно зная крутой нрав бывшего десантника, Коля тем не менее был уверен, что сумеет убедить в своей правоте друга, которого втайне считал чем-то вроде талисмана. По крайней мере, еще не было случая, чтобы Черных ошибся в оценке ситуации или человека и не выдал правильного решения. А если Столов начинал упрямиться, Андрей спокойно пожимал плечами, предоставляя тому полную свободу действий, и всякий раз Коля, что называется, «вляпывался по уши в это самое...»

Сегодня же Колина интуиция чуть ли не вопила о том, что второго такого шанса у них обоих больше не будет. Поэтому, крепко пожав другу руку и хлопнув его по плечу, Столов сразу решил взять быка за рога:

– Слушай, Дюха, есть обалденная идея! Что-то жарковато к вечеру стало. Пошли, махнем по пиву, и я тебе все расскажу.

– Может, лучше искупнемся? – поморщился бывший капитан, предпочитавший в жару более естественный способ отдыха.

– Отлично! Потом и окунуться не грех. Пошли к мосту, там как раз по дороге новый киоск поставили, фирменный, от завода. Так что пи-



во, сам понимаешь, высший класс! – И, продолжая болтать в том же духе, Коля потащил приятеля по улице, выходившей на набережную.

Пиво действительно оказалось отменным, а Столов превзошел самого себя по части красноречия, то и дело взывая к разуму, логике и честолюбию и размахивая газетой с загадочным объявлением. В итоге через полчаса Андрей, слегка осоловевший от жары, пива и многословия друга, кивнул отяжелевшей головой и сказал:

– Ну ладно, уболтал! Давай попробуем – чем черт не шутит, авось и не выгонят.

– Отлично, Дюха! Я всегда говорил, что у тебя не голова, а дом правительства! – расцвел от удовольствия Коля. – Значит, в понедельник встречаемся без четверти десять у этой самой Школы. Лады?

– Согласен...

– А теперь – за удачу, по последней и...

– Э, нет! – Черных решительно хлопнул по столу тяжелой дланью и поднялся. – Теперь моя очередь – водные процедуры.

И, как бы не хотелось упитанному Коле выходить из-под уютного тента летнего кафе и тащиться едва ли не километр до городского пляжа, но перечить бывшему капитану в данной ситуации, да еще после столь успешной «вербовки в менеджеры», он не решился и покорно поплелся купаться.

В понедельник утром скромный бухгалтер Николай Столов, быстренько выпроводив «воскресную приятельницу», принял душ, тщательно побрился, выпил стакан свежевыжатого апельсинового сока (в целях борьбы с лишним весом), облачился в свой лучший костюм и отправился поступать в Школу менеджеров.

Андрей уже поджидал приятеля слева от входа в старинный особняк под скромной, строго блестевшей золотом на синем вывеской «Экспериментальная школа менеджмента и управления. Министерство экономического развития России».

– Привет! – улыбнулся, подходя, Столов. – Давно ждешь?

– Долго спишь, – нахмурился в ответ бывший капитан. – Ты опоздал на целых семнадцать минут! Прием уже начался.

– Извини, действительно проспал. – Коля постарался изобразить искреннее раскаяние, коего на самом деле не испытывал. – А что, много народу пришло?

– Да нет, человек двадцать пока...

– Тогда не все еще потеряно. Вперед! – Столов приободрился и первым шагнул к раскрывшимся дверям.

Друзья очутились в просторном прохладном холле перед широкой

ной каменной лестницей на второй этаж, застланной темно-зеленой ковровой дорожкой. Справа от входа за изящной стойкой сидел молодой парень в строгом сером костюме, оказавшийся местным «секьюрити». Он вежливо предложил приятелям оставить на стойке паспорта и подняться на второй этаж в приемный зал.

«Зал» представлял собой довольно вместительное помещение. У дальней стены стояли два стола, отделенные друг от друга полупрозрачной перегородкой. За столами сидели приветливые молодые девушки, перед обеими стояли небольшие плазменные дисплеи с клавиатурой. Люди в зале собрались самого разного возраста. Они по очереди подсаживались за столы, протягивая девушкам свои документы. Опрос каждого длился не более одной-двух минут, ответы претендентов заносились в компьютер, сразу после опроса человек получал небольшую цветную карточку и уходил со счастливой улыбкой.

– Неужели всех принимают? – засомневался Коля.

– Вряд ли, – откликнулся Андрей. – Это же просто регистрация. Наверное, собеседование проводится в другом месте.

Столов встряхнулся, сотворил на физиономии самую обаятельную улыбку, на какую был способен, и направился к симпатичной белокурой девушке в строгом темно-синем костюме за ближайшим освободившимся столом. Черных последовал его примеру и уселся перед жгучей брюнеткой в модном полупрозрачном топике.

– Доброе утро! – обворожительно улыбнулась Коле блондинка. – Присаживайтесь, пожалуйста. Будьте добры, ваши документы?

– Здравствуйте! – Столов сел и доверительно сообщил: – Вы прекрасно выглядите... Извините, я запамятовал, как вас зовут?

– Это не имеет к вам никакого отношения. – Улыбка девушки ничуть не изменилась, но Коле показалось, что его окунули в ледяную прорубь.

Между тем блондинка, едва заглянув в диплом и пару свидетельств о повышении квалификации, что-то быстро набрала на клавиатуре и подняла на Столова большие зеленые глаза.

– Ваша фамилия, имя, отчество?

– Столов Николай Иванович.

– Возраст?

– Тридцать пять лет.

– Вы хотели бы прославиться?

– Ну-у... – Коля замялся от неожиданного и нескромного вопроса. – В общем-то, конечно... хотя с другой стороны...

– Вы не переносите вида крови? – невозмутимо продолжала «ледяная» красотка.

– В ка-каком смысле? – икнул окончательно сбитый с толку Коля.

– В прямом. – Желтые кошачьи глаза смотрели серьезно и равнодушно, как на стул или тумбочку, но не на живого мужчину в самом расцвете сил, каким считал себя до сих пор Столов.

– Да, – вынужден был признаться Коля, понимая, что все его обаяние пошло прахом и что шансы на поступление тают с каждой секундой.

– Благодарю вас, – снова, как ни в чем не бывало, лучезарно улыбнулась девушка. – Это – приглашение на собеседование, – протянула она Столову небольшую коричневую пластиковую карточку, похожую на магнитную карту таксофона, – время там указано. Всего хорошего!

– До свидания. – Все еще не пришедший в себя Коля механически взял карточку и медленно пошел к выходу.

Андрей уже поджидал его на крыльце и тоже в задумчивости крутил в руках такой же пластиковый прямоугольник, только красного цвета. Столов при виде друга постарался встряхнуться и принять бодрый вид, хотя на душе по-прежнему скребли кошки: больно уж необычным оказался прием документов в этой Школе – как бы не кинули господа экспериментаторы!

– Ну как, менеджер, о чем думу думаешь? – Коля внимательно вгляделся в озабоченное лицо бывшего капитана.

– Вот, соображаю, на что потратить два часа до собеседования. – Черных посмотрел на совершенно безоблачное небо, на поднявшееся уже над крышами, истекающее жаром солнце и предложил: – Айда искупнемся, что ли?

– Да ты прямо Ихтиандр какой-то! – изумился начавший потихоньку потеть Столов. – Дай тебе волю, из воды бы не вылезал...

– Эт-точно! – хмыкнул Андрей. – А ты предлагаешь опять пивом наливаться? Смотри, вон, и так уже весь мокрый. Пошли, пошли, освежимся!

И, сунув карточку в нагрудный карман рубашки, не оглядываясь, он направился в сторону пляжа.

– Эй, водоплавающий! – спохватился вдруг Коля. – Тебя тут ни о чем странном не спрашивали?

Черных обернулся, окинул приятеля отрешенным взглядом:

– Спросили, во что я верю.

– И как ты ответил? – ехидно прищурился Столов.

– В разум и в человека. Ты идешь?..

И Андрей вновь неторопливо двинулся по улице, не дожидаясь ответа.

«А вот фиг тебе! – рассердился про себя Коля. – Никуда я не пойду! Сяду сейчас где-нибудь в тенечке, хотя бы на бульваре, пивка дерну, журнальчик мужской полистаю...» И, соблазнившись собственным планом, он решительно направился в противоположную от реки сторону.

«Внимание! Объекты НС-1942 и АЧ-1255 разошлись на исходные... Операторам фан-объемов Системы Тестирования Личности активировать базовые драйверы через индивидуальные карт-проекторы объектов...»

Коля расположился на скамейке бульвара под раскидистым столетним тополем со всеми возможными удобствами: тихо, тепло, кружечка свежего пива в правой руке, журнал «For Men» – в левой. Он так увлекся процессом отдыха, что не сразу обратил внимание на изменение погоды. Лишь когда порыв холодного ветра едва не вырвал журнал из пальцев и на аллее явно потемнело, Столов в изумлении поднял голову и обнаружил, что небо затянули тяжелые сизые тучи, бульвар опустел, а откуда-то издалека уже накатывается грозный рокот. Перспектива промокнуть и получить простуду посреди лета Коле не понравилась. Он быстро допил остатки пива, сунул журнал в карман пиджака и рысцой припустил к перекрестку, где, как он прекрасно знал, за поворотом располагалось чудесное маленькое кафе, будто специально созданное для таких вот одиноких путников, застигнутых непогодой вдали от дома.

Однако, выскочив с аллеи на улицу, Столов не сразу сообразил, куда попал. Под ногами почему-то оказался дощатый тротуар, дома выстроились какие-то кособокие, угрюмые и почти все – деревянные! Коля хорошо знал родной город, но никак не мог припомнить того приземистого каменного здания впереди, на перекрестке, к которому он сейчас подходил. Правда, у него возникло ощущение, что где-то, когда-то он уже видел и эти аляпистые колонны по фронтону, и пузатый облупленный балкон над входом. А над высокими резными дверьми шлепала на ветру плохо прикрепленная белая вывеска с черным кантом и какой-то черной надписью. Но из-за начавшегося мелкого поросячьего дождика прочитать ее не удалось.

Коля хорошо помнил, что на перекрестке ему нужно свернуть налево, чтобы добраться до заветного кафе. Однако за поворотом вместо яркой цветной витрины он вдруг увидел шагах в пятидесяти две рослые фигуры весьма странного вида: длинная темная одежда, вроде пальто или шинелей, а головы какие-то большие, квадратные...

И тут у Николая Ивановича против воли подогнулись колени. Обе фи-

гуры впереди действительно были в шинелях, но они же были и в касках! Как когда-то у...

«Не может быть!»

Коля привалился к стене, ватные ноги не держали отяжелевшее от ужаса тело, сердце готово было выпрыгнуть прямо через рот, холодный воздух едва не разорвал грудь.

«Фашисты?!.. Бред! Галлюцинация! Откуда?.. Больше полувека после войны!..»

Фигуры приближались. Теперь Столов ясно различал у них в руках черные короткие автоматы, а на груди тускло поблескивали полумесяцы блях — патруль оккупационных войск.

Еще не до конца осознав всю дикость и фантастичность ситуации, Коля инстинктивно попытался шмыгнуть обратно за угол в слабой надежде, что его не успели заметить. Увы, он ошибся! Послышался громкий окрик «хальт!», враз прикончивший остатки сомнений насчет реальности происходящего, и следом — тяжкий топот сапог по доскам тротуара.

Коля приналег. Звериное чувство опасности, проснувшееся в нем, моментально привело организм в состояние сжатой пружины и бросило по какому-то совершенно немыслимому маршруту. Почему-то вспомнилось, что в институте у него был первый разряд по бегу, правда, на короткие дистанции. Мысль не вдохновила.

За спиной сухо ударила автоматная очередь. Пули с визгом рикошетили по камням мостовой справа, и Коля метнулся поближе к домам. Хуже всего было то, что он потерял ориентировку. Столов понял это, лишь пробежав пару кварталов. Память подсказывала, что где-то здесь должен быть проулок, уводящий вниз, к реке. Неожиданно, когда Коля потерял уже всякую надежду, он увидел на другой стороне улицы желанный ход, темневший между покосившимися двухэтажками. Страх заставлял его жаться к стенам, но все тот же звериный инстинкт самосохранения приказал: пригнись и беги!

Снова забила тяжелая дробь, однако Столов успел нырнуть в спасительную темноту. Он задыхался — сказывалось длительное увлечение пивом в сочетании с малоподвижным образом жизни, — но продолжал бежать, оступаясь и рискуя каждую секунду сломать ногу. Наконец шум преследования затих, и Коля решил, что оторвался. Он перешел на шаг и даже начал подумывать о том, чтобы остановиться и сделать перекур, но стоило ему выглянуть из проулка на набережную, как перед ним выросла огромная черная фигура.

«Русише швайне!» — и железная рука, намертво ухватив его за шиворот, выдернула его наружу, как пробку из шампанского. На краткий

миг Коля увидел необычную, горбатую, тоже черную машину у обочины, а потом страшный удар в живот вышиб из него весь воздух, и гражданин Столов провалился в счастливое небытие...

«Внимание операторам фан-объемов! Базовые режимы объектов отработаны. Объект НС-1942 — первичная стресс-реакция нормализована на уровне инстинкта самосохранения. Объект АЧ-1255 — первичная стресс-реакция неадекватно завышена по социальному и этическому векторам, возможен эмоциональный выброс! Запустить индивидуальные ситуационные драйверы! Индексация пошаговая...»

Очнулся он в сыром тесном помещении, прямо на полу. Половину камеры занимала низкая лежанка из неструганых досок. «Нары» — припомнилось зловещее неуютное слово. Под потолком на голом проводе болталась крохотная тусклая лампочка, освещавшая лишь кусок самого потолка, но почти не позволявшая разглядеть остальное помещение.

Пол в камере был сырым и очень холодным. Коля напрягся, подтянулся и заполз на лежанку. Резкая боль в животе окончательно вернула его к мрачной действительности и напомнила, что все это — не сон.

Он с ужасом обвел глазами свое узилище.

«Влип!.. Невероятно! Дико! Так же не бывает?! — Взгляд уперся в ржавую бугристую поверхность двери. — Кошмар!.. А может быть, я все-таки сплю? Конечно! — крошечные обрывки рассудка попытались уцепиться за эту призрачную идею. — Сплю!.. Но ведь во сне не бывает **такой** боли, я сейчас проснусь! Человек не может **так** страдать во сне, он сразу просыпается. Ну же!..»

С лязгом и скрежетом распахнулась дверь.

— Ауфштеен! — Перед Колей возвышался тот самый эсэсовец, который поймал его у выхода на набережную.

К Столову вернулась вдруг отчаянная решимость.

«Гады! Фрицы проклятые! Яйки-млеко! Шнапсы недоделанные! Ну, я вам сейчас покажу, что значит русский патриот! А-а, сволочи!..»

— Не встану! Плевать я хотел...

— Мольчать! — И мощная оглушительная оплеуха буквально смела Колю на мокрый каменный пол, заткнув рот, будто ватой. — Русише швайне! Встать!

«Внимание! Индекс сопротивления внушению объекта НС-1942 по шкале Алберта — 0,5. Соответствует психо-социальному архетипу

"Чиновник"... Индекс сопротивления внушению объекта АЧ-1255 по шкале Алберта — 0,9. Соответствует психо-социальному архетипу "Мыслитель"... Оператору фан-объема АЧ-1255 усилить сенсорный вектор внушения до уровня прямого физического контакта с объектом!..»

Патриот Столов еще попытался отвернуться, но перепуганный насмерть обыватель оперся руками на нары и через секунду уже стоял навытяжку перед этим страшным черным человеком, вмиг ставшим его господином и повелителем.

– Виходи! Шнеллер!

Коля и глазом моргнуть не успел, как оказался в узком коридоре с множеством таких же дверей – ржавых, клепаных, жутких... Он хотел оглянуться, но получил сильный тычок дулом автомата между лопаток и едва снова не полетел на ненавистный пол.

– Форвертс!

В Коле вновь проснулся спасительный звериный инстинкт – и принялся лихорадочно искать выход из той иррациональной ситуации, в которой оказался его хозяин. Мысли колотились в голове, словно мухи в банке.

«Что делать? Надо выкручиваться! Они же не знают, кто я?.. Ну, от патруля побежал – испугался, темно было, не разобрал... Документов, слава Богу, никаких опасных с собой нет: паспорт российский – так я и есть россиянин, диплом экономиста – ну и что ж, специальность такая... Хорошо еще, что партбилет вовремя выбросил, а то полные кранты были бы!.. Так что, может быть, и договоримся по-хорошему. Я ведь, в принципе, не против – коммунизм, фашизм, либерализм... Экономисты везде нужны...»

«Внимание! Индекс адаптации объекта НС-1942 к индивидуальному ситуационному драйверу — 0,5. Соответствует адаптационному уровню "Обыватель"... Индекс адаптации объекта АЧ-1255 к индивидуальному ситуационному драйверу — 0,1. Соответствует адаптационному уровню "Еретик"... Оператору фан-объема АЧ-1255 немедленно активировать первый защитный контур Системы Тестирования Личности. Зафиксировано превышение порога пассионарности объекта на 25%...»

Колю втолкнули в ярко освещенную просторную комнату. Прямо напротив двери стоял громадный дубовый стол. За ним, на стуле с высокой готической спинкой и нацистским орлом наверху, сидел тощий не-

складный немец в пенсне и эсэсовской форме. Перед ним на столе лежали вещи из карманов Столова: документы, сигареты, зажигалка, ключи, деньги. И первая же вещь, которую Николай Иванович, обладавший прекрасным зрением, разглядел с порога, вогнала его в оторопь.

«Билет! Партийный!.. Мой?!.. Откуда?! Я же его выбросил!.. – Ноги стали деревянными, а ботинки будто отлили из свинца. – А если все-таки мой?.. Ну, всё, пропал! Ни за грош пропал! С коммунистами здесь не договариваются. Прощай, товарищ Столов, вечная тебе память! – Коля поежился. – Нет!.. За что?.. Не хочу!..»

Тощий эсэсовец тем временем вышел из-за стола, махнул рукой стоявшему сзади охраннику, потом показал бывшему «функционеру» на стул посреди комнаты и произнес на чистом русском языке:

– Ну, здравствуй, Николай Столов! Садись!

Коля сел. В опустевшей голове теперь застряла только одна мысль: жить!.. И, словно угадав ее, немец спросил:

– Жить хочешь?

– Х-хочу... – хрипло выдавил из себя Николай Иванович.

– Гут! Хорошо. Тогда рассказывай!

– А-а... что рассказывать? – Коля судорожно сглотнул: язык прилип к небу. – Я... я ничего не знаю! Здесь какая-то ошибка! Это... это не мой билет! Поверьте, честное слово!..

– Неужели? – картинно всплеснул руками эсэсовец, повернулся к столу и взял раскрытый партбилет. – Почитаем... «Столов Николай Иванович, одна тысяча девятьсот шестого года рождения... дата выдачи билета – двадцать девятого апреля одна тысяча девятьсот тридцатого года...»

– Вот видите! – с облегчением воскликнул воспрявший духом бывший коммунист и инструктор обкома комсомола, позабыв, где находится. – Это не мой билет! Я здесь случайно, я родился...

Страшная боль и звездоворот в глазах прервали его излияния. Столов очутился на полу. На этот раз он не потерял сознания и сквозь хоровод цветных пятен разглядел, как эсэсовец достал белый кружевной платок и, морщась, вытер с руки кровь.

Кровь?!

Что-то теплое побежало по щеке на пол. Коля со страхом и удивлением смотрел на алую лужицу, быстро растекавшуюся по паркету рядом с его лицом.

«Это же моя кровь! – вспыхнуло в гудящей голове. – Это же меня бьют! За что?!»

– Встать! – послышалась негромкая команда, и... Николай Иванович

поспешно вскочил и сам вытянул руки по швам. – Н-ну, вспомнил, что нужно говорить? Или еще помочь?

Эсэсовец был ниже Коли на полголовы, но бывшему инструктору показалось, что он возвышается над ним черной, жуткой горой.

– Не надо! – Слезы боли, обиды и страха, безмерного и всеобъемлющего, ручьем хлынули из глаз по пухлым щекам, перемешались с кровью из разбитых губ и закапали на пол. Столов даже не подумал вытереть их. – Я... все скажу! Только не бейте!

«Внимание! Индекс сопротивления внушению объекта НС-1942 по шкале Алберта — 0,0. Соответствует психо-социальному архетипу "Исполнитель"... Индекс сопротивления внушению объекта АЧ-1255 по шкале Алберта — 1,0. Соответствует психо-социальному архетипу "Демиург"... Оператору фан-объема АЧ-1255 срочно ввести в Систему Тестирования Личности психофизический корректор "Удав"... Фиксируемое превышение порога пассионарности объекта 50%. Реальная угроза перегрузки Системы...»

И он действительно рассказал. Благо, память у Коли была отличная, как и зрение. И занятия в краеведческом музее, еще в школьные годы очень нравившиеся ему, представлявшему себя то отважным партизаном, то неуловимым разведчиком в тылу врага, то руководителем подполья, теперь пришлись весьма кстати. Он очень подробно и связно рассказал о сопротивлении, действовавшем во время оккупации в его родном городе, точно припомнив имена всех руководителей, где они жили, чем занимались. Особенно красочно Столов расписал, в чем заключалась деятельность подпольщиков, какие наиболее опасные для оккупантов акции должны были быть проведены в первую очередь. Потом, без остановки, Николай Иванович перешел к сослуживцам и современникам...

Он назвал всех, кого знал, и даже тех, о ком только слышал. Он боялся одного – остановиться, забыть кого-нибудь, чтобы этот страшный человек за столом не подумал, что Коля что-то скрывает!..

Довольный эсэсовец быстро писал и подбадривал Столова: гут! гут! И когда наконец тот иссяк, заискивающе и с подобострастием пожирая глазами своего повелителя, немец вышел из-за стола, достал серебряный портсигар, не спеша прикурил сам и предложил сигарету Коле. Бывший коммунист осторожно взял сигарету, однако закурить так и не решился.

Эсэсовец ободряюще похлопал его по плечу, вернулся за стол и сказал:

– Молодец, Николай Столов! Далеко пойдешь! А теперь подпиши вот эту бумагу и иди. – Он ткнул пальцем в плотный серый лист с распластанным орлом вверху.

– Что это? – осипшим голосом рискнул спросить Коля, не смея поверить в свое спасение.

– Твое обязательство и впредь регулярно снабжать нас подобной информацией. Теперь ты – наш агент. Подписывай!

И Коля подписал. Он получил назад свои вещи, в том числе и партийный билет, и беспрепятственно покинул приземистое здание на перекрестке, в котором, как он вспомнил, во время войны размещалась городская военная комендатура. Позже его снесли по многочисленным просьбам жителей.

Коля с минуту постоял на тротуаре, приходя в себя и пытаясь унять дрожь в коленках, потом опомнился и бросился бежать в ту сторону, где должен был быть его дом...

«Внимание! Индекс адаптации объекта НС-1942 к индивидуальному ситуационному драйверу – 1,0. Соответствует адаптационному уровню "Зомби"... Индекс адаптации объекта АЧ-1255 к индивидуальному ситуационному драйверу – 0,0. Соответствует адаптационному уровню "Лидер"... Пассионарность объекта превысила предел защитных контуров Системы. Психофизический корректор "Удав" нейтрализован волей объекта... Личность оператора фан-объема АЧ-1255 уничтожена... Внимание! Угроза дезинтеграции Системы! Требуется немедленный аварийный сброс всех тестируемых фан-объемов. Повторяю...»

Захлопнув за собой дверь, Николай Иванович привалился к косяку, закрыл глаза и принялся восстанавливать дыхание: медленный глубокий вдох...

«Спокоен. Я абсолютно спокоен. Это был сон, наваждение, следствие переутомления. Я спокоен...»

Теперь резкий выдох до отказа – уфф! Хорошо, повторим...

Он попытался вдохнуть носом и не смог: пронзила боль. Зашел в ванную комнату, глянул в зеркало: нос превратился в сизую бульбочку, а губы стали похожи на оладьи. На мгновение вернулся ледяной страх: значит, не сон?!..

Столов присел на край ванны и машинально пустил воду.

«Так, Николай Иванович, давай разберемся. Был ты в комендатуре или нет?.. Был... Рассказывал ты там... кое-что?.. Рассказывал... Ну и что? Ведь **это** было в прошлом, больше полувека назад, никто теперь

ничего не знает!.. А ты?.. Но ведь человек же не железный, в конце концов! Любого сломать можно. Ведь от того, что я **там** сказал, никто не пострадал! Я же воспользовался **историческими** знаниями, и только!.. Значит, договорились, Николай Иванович?.. Договорились, товарищ Столов!..»

Потом Коля снял и тщательно вычистил свой лучший костюм, принял ванну с тонизирующим травяным экстрактом, наложил немного грима на помятую физиономию, не спеша пообедал в знакомом кафе напротив дома и пошел на собеседование к указанному на коричневой пластиковой карточке времени.

Но возле особняка, в котором располагалась Школа, его ждал сюрприз. У подъезда почему-то была припаркована машина «скорой помощи», а на самом крыльце перед раскрытыми дверями топтались в недоумении несколько парней и девушек. Вход же загораживал давешний, но теперь хмурый и озабоченный «секьюрити». Коля, спиной чуя недоброе, поднялся на крыльцо.

– Можете вы все-таки объяснить, в чем дело? – раздраженно спрашивал охранника энергичный рыжий парень в светлом летнем костюме и сандалиях на босу ногу, размахивая рукой с зажатой в ней синей карточкой-приглашением. – У меня... у нас у всех, – он мотнул головой на сотоварищей, – назначено собеседование. А вы говорите...

– Собеседование перенесено на другой день, – глухо бубнил «секьюрити», глядя поверх головы рыжего, – сейчас к вам выйдет представитель администрации и даст необходимые пояснения. Школа закрыта по техническим причинам...

Кто-то тронул Колю за плечо, он нервно обернулся и обмер. Перед ним стоял Андрей Черных в какой-то нелепой черной рубахе с разорванным воротом. В глазах его пульсировал странный свет. Но особенно Столова поразил свежий темно-красный рубец, стянувший правую щеку бывшего десантника от виска до подбородка.

– Что с тобой? – с трудом выдавил из себя Коля, холодея от догадки.

– Уже ничего, – хриплым и одновременно каким-то гулким голосом произнес Андрей. – Пойдем отсюда, здесь нам больше делать нечего.

– Но собеседование... – растерянно кивнул Столов на здание, зачем-то протягивая другу свою карточку. – Нам же назначено...

– Выброси.

– Но почему?!

– Человеку она просто не нужна, а животному и так хорошо. – Бывший капитан Черных развернулся и медленно, но уверенно двинулся прочь.

Коля некоторое время всматривался в широкую спину друга, потом хмыкнул, аккуратно спрятал коричневую карточку во внутренний карман пиджака и обернулся к раскрытым дверям Школы...

В полутемной комнате за изящно изогнутым пультом сидели трое. Полная, безраздельная тишина царила вокруг. Ни один звук не возникал в пространстве этого помещения, и ни один не проникал снаружи.

Крупный седой мужчина в строгом темно-сером костюме расположился в центральном кресле и, слегка прикрыв глубокие, в тон костюма, проницательные глаза, внимательно следил за сложной игрой огней на панели, изредка протягивая тяжелую руку и касаясь подсвеченных клавиш пульта. Слева и справа от мужчины сидели две девушки-ассистентки – белокурая и жгучая брюнетка. Обе держали ладони на небольших прозрачных полусферах, выступавших из основной панели. В полусферах клубился жемчужный туман, в котором временами вспыхивали и гасли разноцветные звезды, и тогда на главном плоском экране над пультом появлялись короткие зеленоватые строчки сообщений.

Наконец игра огней стала замедляться, пока не замерла совсем, а вместе с ней погасли последние звезды в полусферах: у блондинки – зеленая, а у брюнетки – алая. И следом на центральном экране зафиксировалось короткое резюме:

«Система Тестирования Личности полностью восстановлена. Структура фан-объемов сканируется. Выход на рабочий режим через 72 часа. Данные по последним испытуемым...

Кандидат НС-1942. Фан-объем реализован на 50%. Индекс достоверности 0,8. Индивидуальный ситуационный драйвер: допрос в военной комендатуре. Индекс адаптации к драйверу — 1,0. Индекс сопротивления внушению по шкале Алберта — 0,0. Психосоциальный архетип "Исполнитель". Рекомендация: принять на полный курс обучения без дополнительной коррекции...

Кандидат АЧ-1255. Фан-объем реализован на 100%. Индекс достоверности 1,0. Индивидуальный ситуационный драйвер: суд святой инквизиции. Индекс адаптации к драйверу — 0,0. Индекс сопротивления внушению по шкале Алберта — 1,0. Психо-социальный архетип "Демиург". Рекомендация: отказать в приеме без права повторного поступления...»

Урсула Ле Гуин

СЕЗОНЫ АНСАРОВ

Когда этот номер «Звездной дороги» поступит к подписчикам, знаменитой американской писательнице Урсуле Ле Гуин, автору «Волшебника Земноморья» и «Хайнского цикла», на «Небьюла-банкете» вручат диплом, где будет написано, что в 2003 году ее признали Грандмастером жанра. Живой интерес современных читателей к ее творчеству не случаен: непостижимым образом произведения Ле Гуин не стареют, но становятся все актуальнее. Можно предположить, что такая же судьба ждет ее новый рассказ, который печатает «ЗД». Некий народ пытается заставить другие народы жить по единому образцу, объявленному самым «прогрессивным», — нужно ли объяснять, против чего выступает здесь писательница? И нужно ли удивляться, что она оказалась среди тех, кто протестует против войны в Ираке?

Скопам долины реки Маккензи*, чей образ жизни вдохновил меня на эту историю.

Однажды мы долго беседовали со старым ансаром, с которым я познакомилась в его «Межпланетном отеле» – на громадном острове, расположенном в Великом Западном океане, вдали от маршрутов миграции ансаров. В наши дни это единственное место, куда допускаются визитеры с других планет.

---

* Скопа – крупная хищная птица, питается рыбой. Маккензи – река в штате Орегон, в котором живет Урсула Ле Гуин (прим. ред.).

Кергеммег был здешним хозяином и гидом, дающим возможность прикоснуться к местному колориту, ибо во всем остальном этот остров похож на любой тропический остров любой из сотен планет – солнечный, ветреный, ленивый, прекрасный, с перистыми деревьями, золотыми песками и большими голубовато-зелеными, белогривыми волнами, которые разбиваются о рифы сразу за лагуной. Большая часть гостей приезжает, чтобы походить под парусом, порыбачить, побродить по пляжу и отведать ферментированного «ю»; ничто другое здесь их не интересует, включая единственного аборигена, которого они видят. Впрочем, поначалу они разглядывают его и, конечно, фотографируют, поскольку у него поразительная фигура: почти семи футов роста, он худощав, силен, угловат, слегка сутул от возраста, с узкой головой, громадными черно-золотыми глазами и клювом. Лицо с клювом в принципе не может быть столь же выразительным, как лицо, где нос и рот разделены, однако глаза и брови Кергеммега говорили о его чувствах весьма ясно. Возможно, он и был стариком, но при этом оставался страстным человеком.

Ему было скучно и одиноко среди нелюбопытных туристов, и когда он обнаружил во мне внимательного слушателя (конечно, не первого и не последнего, но в тот момент единственного), он с удовольствием начал рассказывать мне о своем народе, пока долгими нежными вечерами мы сидели с высокими бокалами ледяного «ю» в пурпурном мраке, который сверкал блеском звезд, сиянием морских волн, полных светящихся существ, и пульсирующим мерцанием целых туч светлячков в ветвях деревьев.

С незапамятных времен, говорил он, ансары следовали Пути. Мадан – так он называл его. Это Путь моего народа, это Способ, которым все создано, это Форма, в которой все существует, это Тропа, которой нужно держаться, это Дорога, которая скрыта в слове «всегда»: как и в нашем языке, в его «Мадане» содержались все эти значения. «Потом мы уклонились от нашего Пути, – сказал он. – На какое-то время. Теперь мы опять поступаем так, как поступали всегда».

Люди любят повторять «мы делали так всегда», а потом обнаруживаешь, что их «всегда» означает поколение-другое, век-другой, самое большее – тысячелетие-другое. Культурные обычаи и привычки – это мыльные пузыри по сравнению с обычаями и привычками тела или расы. На самом деле очень мало найдется такого, чего бы человеческие существа на нашей планете делали «всегда», если исключить еду, питье, сон, пение, разговор, рождение и вскармливание детей, – и, вероятно, все перечисленное в известной степени взаимосвязано. Фактически это можно считать сутью человека – сколь немногим поведенче-

ским императивам мы следуем. Как гибки мы в нахождении новых задач, новых дорог, как настойчиво, изобретательно, отчаянно ищем мы правильный путь, истинный путь, тот Путь, который, как нам кажется, мы давно потеряли в хаосе новинок, возможностей и выбора...

У ансаров другой спектр выбора, нежели у нас, – вероятно, более ограниченный. Но в нем свой смысл.

Их мир расположен на большем расстоянии от солнца, которое гораздо крупнее нашего, поэтому, хотя скорость вращения планеты почти такая же, как у Земли, их год длится около двадцати четырех наших лет. И времена года соответственно больше и медленнее, каждое из них – это шесть наших лет.

На любой планете и в любом климате существует весна. Весна – это время размножения, когда рождается новая жизнь, а для созданий, живущих всего несколько сезонов или несколько лет, ранняя весна – это еще и брачный период, когда начинается новая жизнь. Так это и для ансаров, продолжительность жизни которых по их исчислению составляет всего три года.

Они населяют два континента – один на экваторе и немного к северу от него, другой простирается до самого северного полюса; как наши Америки, они соединены узким гористым перешейком, хотя масштабами все это заметно мельче. Остальную часть их мира покрывает океан с немногими архипелагами и отдельными островами покрупнее, ни на одном из которых люди не живут. Кроме того единственного, которым пользуется Межпланетное Агентство.

Год начинается, говорил Кергеммег, когда в городах равнин и пустынь Юга жрецы произносят Слово и толпы собираются, чтобы посмотреть, как солнце замирает на вершине Башни Года или пронизывает Цель стрелой света на заре, – это момент солнцестояния. Теперь растущая жара начнет выжигать южные травянистые степи и прерии с их дикими злаками, и в долгий сухой сезон реки потекут медленно, а колодцы в городах иссякнут. Весна следует за солнцем на север, растапливая снега на дальних холмах, расцвечивая долины зеленью... И народ ансаров следует за нею.

«Ну, я отчаливаю, – говорят старые приятели друг другу на улице, – до встречи!» А молодые, почти одногодки (для нас это люди двадцати одного – двадцати двух лет), уходят из своих квартир, от приятелей, из колледжей и спортивных клубов – и ищут среди лабиринта многоэтажек, коммунальных жилищ и отелей города кого-нибудь из своих родителей, с которыми они расстались в конце прошлого лета. Небрежно войдя, они говорят «Привет, папа!» или «Здравствуй, мама! Похоже, все возвращаются на север!». И родители, стараясь не оскорбить от-

прыска предложением помощи на долгом пути, отвечают: «Да, конечно, я и сам об этом подумываю. Было бы прекрасно, если бы ты пошел с нами. Твоя сестра в соседней комнате – собирается».

И так по одному, по двое и по трое люди покидают город. Исход – это долгий процесс, которым никто не командует. Некоторые уходят почти сразу после солнцестояния, а другие говорят о них: «Ну, какая здесь спешка?» – или: «Шенненны, конечно, побежали первыми, чтобы она смогла занять старое обиталище». Иные же медлят в городе, пока он почти не опустеет, и все никак не могут собраться с духом, дабы покинуть жаркие и тихие улицы, печальные пустынные площади без признака тени, которые были наполнены людьми и музыкой долгие полгода. Но первыми или последними – все выходят на дороги, ведущие к северу. А раз уж двинулись в путь, то идут быстро.

Большинство берет с собой только то, что можно унести в рюкзаках или погрузив на рубу (из описания Кергеммега следует, что руба – это что-то вроде небольшого ослика с перьями). Некоторые торговцы, разбогатевшие во время Пустынного Сезона, отправляются с целыми караванами руб, груженых скарбом и ценностями. Хотя большинство путешествует в одиночку или маленькими семейными группами, на популярных дорогах ансары идут очень близко друг к другу. В тех местах, где идти тяжело и где пожилым и ослабевшим требуется помощь в собирании и переноске еды, временно образуются большие группы.

Детей на дорогах к северу не бывает.

Кергеммег не знал, сколько ансаров участвует в походе, но предполагал, что несколько сотен тысяч, может быть, миллион. Все присоединяются к миграции.

Достигнув гор на Срединных Землях, они не теснятся вместе, но расходятся по сотням троп. По некоторым из них следуют многие, по другим – лишь несколько человек; некоторые обозначены ясно, другие так скрыты, что только тот, кто был на них прежде, может найти места поворотов. «Вот когда хорошо иметь рядом трехлетних, – говорил Кергеммег, – таких, кто шел этим путем дважды». Они путешествуют очень легко и быстро. Живут тем, что находят на земле, кроме бесплодных горных районов, где, как он выразился, «приходится облегчать рюкзаки». Добравшись до высоких каньонов и перевалов, тяжело нагруженные рубы из караванов торговцев начинают спотыкаться и дрожать, изнемогая от усталости и холода. А если торговец все же пытается гнать их вперед, то оказавшиеся рядом люди отпускают животных на волю и позволяют собственным вьючным рубам уйти вместе с ними. Маленькие животные, хромая и спотыкаясь, бредут обратно на юг – в пустыню. Скарб, который они несли, остается лежать на обочинах для

любого, кто подберет; но никто не берет ничего, кроме еды, если она нужна. Никто не хочет ничего нести, чтобы не замедлять движение. Весна наступает, холодная весна, сладкая весна, она приходит в долины с травой и рощами, она приходит к озерам и чистым рекам Севера, и люди хотят быть там, когда наступит это время.

Слушая Кергеммега, я думала о том, что если бы можно было взглянуть на эту миграцию с высоты, увидеть всех этих людей, пробирающихся по тысячам тропинок и дорог, то это было бы похоже на наше Северо-Западное побережье пару веков назад, когда весной каждый поток – от реки Колумбии шириной в милю до крошечного ручейка – становился красным от идущего на нерест лосося.

Лососи мечут икру и умирают, достигнув своей цели, и некоторые ансары тоже идут домой, чтобы умереть, – те, кто участвует в третьей миграции на север, трехлетние, в которых мы бы видели людей семидесяти с лишним лет. Кое-кому из них весь путь уже не под силу. Вымотавшись от лишений и тяжкого перехода, они остаются позади. И если люди проходят мимо старика или старухи, сидящих у дороги, то говорят им слова утешения, могут помочь построить маленькое укрытие, оставить еду, но они не уговаривают стариков идти вместе с ними. Если старик очень слаб или болен, люди могут подождать ночь-другую, пока какие-нибудь другие мигранты не займут их место. А если старика находят у дороги мертвым, то люди хоронят тело. На спине, ногами на север – идущим домой.

Много, очень много могил вдоль дорог к северу, говорил Кергеммег. Никто никогда не совершал четвертой миграции.

А более молодые, те, кто идет на север в первый или второй раз, торопятся дальше, собираясь толпами на высоких горных перевалах, расходясь по мириадам узких троп в прериях, которые простираются по ту сторону гор. К тому моменту, когда они достигают собственно Северных Земель, великие людские реки распадаются на тысячи потоков, отклоняясь к западу и к востоку.

Дойдя до прекрасной холмистой равнины, где трава уже зелена, а деревья оделись листвой, одна из этих маленьких групп делает остановку. «Ну, вот мы и прибыли, – говорит мать, – это здесь». Слезы выступают у нее на глазах, и она смеется мягким, чуть трескучим смехом ансаров: «Шуку, ты помнишь это место?»

И дочь, которой было меньше полугода, когда она это место покинула, – или примерно одиннадцать наших лет, – с изумлением смотрит вокруг, и смеется, и плачет: «Тогда все было такое большое!»

Потом Шуку, наверное, разглядывает эти смутно знакомые луга, где она родилась, замечает на самом горизонте крышу ближайших со-

седей и думает, не там ли уже Кимиммид и его отец, которые путешествовали рядом с ними, разбивали совместный лагерь на несколько ночей, а затем ушли вперед. И если они уже там, придет ли Кимиммид поздороваться?

Ибо люди, которые жили в такой тесной близости, в таком неустанном и хаотическом общении в Городах-под-Солнцем, деля комнаты, постели, работу и игру, все делая вместе, группами и толпами, теперь разделились: семья оторвалась от семьи, приятель – от приятеля. Каждый оказался в маленьком и уединенном доме здесь – в стране лугов, или дальше на север – в стране холмов, или еще дальше – в стране озер. Но даже если все они рассыпались ныне, как песок из разбитых песочных часов, узы, что их объединяли, не разорвались – они лишь изменились. И сейчас люди сходятся вместе, но не группами или толпами, не десятками, сотнями и тысячами, а попарно.

«Ну, вот и ты! – говорит мать Шуку, когда отец Шуку открывает дверь домика на краю луга. – Должно быть, опередил нас на несколько дней».

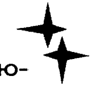
«Добро пожаловать!» – торжественно отвечает отец. Его глаза сияют. Оба взрослых берут друг друга за руки и слегка поднимают свои узкие, увенчанные клювом головы в приветствии столь же интимном, сколь и официальном. Шуку внезапно вспоминает, что видела, как они делали это, когда она была маленькой девочкой. Давным-давно, когда они жили здесь.

«Как раз вчера Кимиммид спрашивал о тебе», – говорит Шуку отец и тихо смеется трескучим смехом.

Весна приходит, весна наступает на них. И теперь они будут исполнять церемонии весны.

Кимиммид приходит через луг с визитом, и они с Шуку разговаривают и гуляют по лугам и вдоль речки. А потом, на следующий день или через неделю-другую, он спрашивает ее, не желает ли она танцевать. «О, я не знаю», – отвечает она, но видит, что он уже стоит высокий и прямой, с головой, чуть запрокинутой назад, в той позе, с которой начинается танец, и она тоже встает; поначалу голова ее опущена, хотя стоит она прямо, прижав руки к бокам, но затем ей вдруг тоже хочется запрокинуть голову. Запрокинуть и развести руки широко-широко... чтобы танцевать и танцевать с ним...

А чем занимаются родители Шуку и родители Кимиммида в саду возле кухни или в старом ягоднике, как не тем же самым? Они смотрят друг другу в лицо, они вздымают свои гордые узкие головы, а потом он прыгает, воздевая руки над головой... большой прыжок и поклон, низкий поклон... и она кланяется тоже... Так он и длится – этот



танец ухаживания. По всему северному континенту сейчас танцуют люди.

Никто не вмешивается в жизнь старых пар, никто не пытается перекроить их брак. Однако Кимиммиду стоит быть настороже. Как-то вечером через луг приходит молодой человек, которого Шуку никогда раньше не встречала; его место рождения в нескольких милях отсюда. Он наслышан о красоте Шуку. Он сидит и разговаривает с нею. Он рассказывает ей, что строит новый дом в роще – милое местечко, и ближе к ее дому, чем к его. Он хотел бы попросить ее совета о том, как строить этот дом. А как-нибудь он хотел бы и потанцевать с нею. Может быть, даже этим вечером, самую малость, один или два шажочка, прежде чем он удалится?

Он чудесный танцор. И, танцуя с ним на траве поздним вечером ранней весны, Шуку словно летит, подхваченная великим ветром. Она закрывает глаза, ее руки плывут в этом ветре и встречаются с его руками...

Ее родители останутся жить в доме на лугу. Детей у них больше не будет, ибо их время прошло, но любовью они будут заниматься так же часто, как в те дни, когда они только поженились. Шуку выберет одного из своих поклонников – вообще-то говоря, нового. Она уйдет, чтобы жить с ним в доме, который они заканчивают строить вместе. Они строят, они танцуют, они занимаются садом, едят, спят, и все, что они делают, превращается в любовь. И в положенное время Шуку становится беременной, и в положенное время она рождает двух детей. Каждый появляется на свет в прочной белой мембране, или скорлупе. Оба родителя разрывают эту защитную оболочку руками и клювами, освобождая крошечную, свернувшуюся в комочек новорожденную, которая поднимает свой микроскопический клювик и слепо смотрит по сторонам, широко разевая рот, – жадная до еды, жадная до жизни.

Второй ребенок, тоже девочка, гораздо меньше и не такая жадная. Не такая преуспевающая. Хотя Шуку и ее муж питают обоих с нежной заботливостью, а мать Шуку приходит, чтобы присмотреть за маленькой, покормить ее из собственного клюва и без устали укачивать ее, когда она заплачет, все же младенец слабеет и чахнет. И однажды утром, лежа на руках у своей бабушки, ребенок начинает задыхаться и корчиться. А потом замирает. Бабушка горько плачет, вспоминая маленького братика Шуку, который даже столько не прожил, и пытается успокоить Шуку. Отец ребенка копает могилку позади нового дома, среди усыпанных почками деревьев долгой весны, а слезы все катятся и катятся из его глаз, пока он копает. Однако другой ребенок, крупная девочка Кикирри, щебечет, щелкает, ест и благоденствует.

Примерно к тому времени, когда Кикирри научится вставать и кричать «Па!» отцу, «Ма!» матери и бабушке и «Не!», когда ей говорят перестать что-то делать, у Шуку опять рождается ребенок. Как и в большинстве вторых зачатий, он рождается один. Прекрасный мальчик. Маленький, но очень жадный. Он растет быстро.

И он будет последним из детей Шуку. Они с мужем продолжают заниматься любовью, когда бы им ни захотелось, – продолжают, пока не закончится легкое и счастливое время цветения и плодоношения. Теплыми днями и нежными ночами. В прохладной тени деревьев и в жаркий летний полдень на лугу под жужжание насекомых. Но это, как они выражаются, любовь-роскошь: она не приносит ансарам ничего, кроме самой любви.

Дети у ансаров рождаются только ранней весной на севере – вскоре после того, как они вернутся к местам своего рождения. Отдельные пары производят четверых детей, многие – трех; но часто случается, что если первые двое выживают, то второго зачатия не происходит.

«Вы избавлены от проклятья сверхразмножения», – сказала я Кергеммегу, когда он поведал мне обо всем этом. И он согласился, когда я рассказала ему немного о своей планете.

Однако ему не хотелось, чтобы я думала, что ансары совсем лишены сексуального или репродуктивного выбора. Создание пары – это правило, но человеческие желания и упрямство могут его изменить, деформировать, поломать. Кергеммег рассказал мне о подобных исключениях. Нередко брачные узы образуются между двумя мужчинами или двумя женщинами. Такие пары, как и те, кто остался бездетным, часто «одалживают» ребенка у пар, у которых трое или четверо детей, или берут на воспитание сироту. Есть люди, у которых супруга нет, а есть и такие, у которых их несколько – одновременно или последовательно. И, конечно, существует адюльтер. И существует насилие. Плохо оказаться девушке среди последних мигрантов, идущих с юга, ибо сексуальный подъем у них уже чересчур силен, молодых женщин часто насилуют целыми бандами, и они прибывают к месту своего рождения, жестоко настрадавшись, без надежды на пару, да еще и беременными. Мужчина, который не нашел себе пары или разочаровался в собственной жене, может покинуть дом и уйти бродяжничать в качестве торговца иголками и нитками, точильщика ножей или лудильщика; таких странников ценят за их навыки, однако не доверяют им.

Когда мы проговорили несколько мерцающих пурпуром вечеров на веранде, продуваемой легким морским бризом, я спросила Кергеммега о его собственной жизни. «Я следовал Мадану во всех аспектах, кроме одного», – ответил он. Он нашел пару после своей первой мигра-

ции на север. Его жена родила двух детей, обоих после первого зачатия, девочку и мальчика, которые, конечно, в должное время отправились с ними на юг. Семья воссоединилась во время его второй миграции на север, а оба ребенка подыскали себе пару по соседству, так что он хорошо знал пятерых своих внуков. Большую часть третьего сезона на юге они с женой провели в разных городах: она, учитель астрономии, отправилась еще дальше на юг в обсерваторию, тогда как он остался в Терке-Кетере заниматься с группой философов. Совершенно неожиданно она умерла от сердечного приступа, и он присутствовал на ее похоронах. Вскоре после этого он снова пришел на север со своим сыном и внуками. «Я не скучал по ней, пока не возвратился домой, – сказал он, констатируя факт. – Но жить там без нее я не смог. Мне довелось услышать, что здесь, на этом острове, нужен человек, чтобы общаться с чужаками. Я размышлял о лучшем способе умереть, и такая жизнь показалась мне чем-то вроде точки на полпути. Остров среди океана, где больше нет ни единой души из моего народа... не вполне жизнь, не вполне смерть. Идея привлекла меня. И я оказался здесь». Ему было далеко за три ансарских года, почти под восемьдесят по нашим меркам, хотя только легкая сутулость и чистое серебро гребня выказывали его возраст.

На следующий вечер он рассказывал мне о южной миграции, описывая, что ощущает ансар, когда теплые дни северного лета начинают слабеть и укорачиваться. Все работы по уборке урожая сделаны, зерно сохранено в непроницаемых для воздуха емкостях до следующего года, медленно растущие съедобные корни посажены, чтобы пережить зиму и созреть к весне; дети стремительно вытянулись вверх – активные, все более беспокойные и скучающие от жизни на одном месте, все более склонные куда-то исчезать и заводить друзей среди соседских детей. Жизнь здесь сладостна, но ведь она одна и та же, всегда одна и та же, да и любовь-роскошь потеряла свою притягательность. И как-то ночью, облачной ночью с морозцем в воздухе, жена в постели рядом с вами вздыхает и бормочет: «Ты знаешь? Я скучаю по городу». И вдруг все нахлынет на вас гигантской волной тепла и света: толпы народа, ущелья улиц и высокие дома, набитые людьми, а надо всем – Башня Года. Спортивные арены под ослепительным солнечным светом; ночные скверы, полные огней и музыки, где вы сидите за столиком в кафе, пьете «ю» и говорите, говорите чуть ли не до утра; старые друзья, о которых вы совсем не думали все это время, и незнакомцы – сколько уже прошло с тех пор, как вы увидели новое лицо? Сколько прошло с тех пор, как вы услышали новую идею, обзавелись новой мыслью? Настает время города, время следовать за солнцем!

«Дорогая, – говорит мать, – мы не можем взять на юг *всю* твою коллекцию камней, выбери только самые необычные». Дочь протестует: «Но я *понесу* их! Я обещаю!» Вынужденная в конце концов сдаться, она ищет особое, тайное место, где камни будут дожидаться ее возвращения. Едва ли она представляет, что на следующий год, когда они вернутся, она даже не хватится своей детской коллекции, – и едва ли осознает, что начала постоянно думать о большом путешествии и о неизвестных землях впереди. Город! Что делают в городе? А коллекции камней там есть?

«Есть, – отвечает отец. – В музее. Отличные коллекции. Вас отведут во все музеи, когда ты будешь учиться в школе».

Школа?

«Ты ее полюбишь», – говорит мать с абсолютной уверенностью.

«Школа – это самое лучшее время в мире, – добавляет тетя Кекки. – Я любила школу так сильно, что подумываю в этом году пойти работать учительницей».

Миграция на юг совсем не похожа на миграцию на север. Это не рассыпание, но собирание. Она не хаотична, но упорядочена; она планируется всеми семьями в округе за много дней вперед. Ансары отправляются по пять, по десять, по пятнадцать семей и вместе останавливаются на ночь. На ручных тележках и тачках они везут еду, кухонные принадлежности, топливо для очагов на безлесных равнинах, теплую одежду для горных перевалов и лекарства для заболевших в пути.

В этой миграции нет стариков – никого из тех, кому за семьдесят наших лет. Те, кто уже совершил три миграции, остаются позади. Они собираются вместе на фермах или в маленьких городках, что вырастают возле ферм, либо доживают остаток дней со своими супругами или в одиночку в доме, где провели весну и лето своей жизни. (Мне кажется, когда Кергеммег сказал, что следовал Пути ансаров во всех аспектах, кроме одного, имелось в виду, что он не остался дома, а перебрался на остров.) «Зимнее расставание» отбывающих на юг молодых и остающихся дома стариков проходит болезненно. Оно проходит стоически. Так, как и должно быть.

Только те, кто останется, увидят величие осени Северных Земель, голубую ширь сумерек, первые признаки льда на озере. Некоторые рисуют картины или оставляют письма, описывая все это для детей и внуков, которых они уже никогда не увидят. Большинство умирает еще до наступления долгой, долгой тьмы и зимнего холода. Зиму не переживает никто.

Когда группы мигрантов достигают Срединных Земель, они объединяются с другими, которые идут с востока и с запада, и мерцание ко-

стров покрывает ночью всю великую прерию от горизонта до горизонта. У костров ансары поют – их тихая музыка парит во тьме между огоньками и звездами.

Путешествуя на юг, никто не торопится. Люди идут прогулочным шагом, за день одолевают небольшое расстояние, хотя все время продолжают идти. Добравшись до подножья гор, гигантские толпы снова растекаются по множеству разных дорог, истончаются, редеют, ибо приятнее идти маленькой группой по тропе, чем плестись за огромной оравой в пыли и мусоре, который после нее остается. На высотах и перевалах дорог немного, и потому ансарам снова приходится путешествовать вместе. Они стараются извлечь из этого максимальную пользу, радостно приветствуя друг друга и делясь едой, огнем и ночлегом. Все добры к детям-полугодкам, которым тяжело идти по горным тропам и которые часто пугаются; ради детей все замедляют шаг.

И однажды вечером, когда кажется, что они будут топтаться в этих горах вечно, они выходят на высокий каменистый перевал и перед ними разворачивается перспектива – Южный Склон, или Скалы Божьего Клюва, или Пик. Там они останавливаются и смотрят вдаль и вниз на золотистые, залитые солнцем равнины Юга, на бесконечные поля диких злаков и на какие-то слабые пурпурные пятна у горизонта – стены и башни Городов-под-Солнцем.

Спускаясь, они идут быстрее, едят меньше, и за их спинами громадной тучей висит пыль.

Городов всего девять, Терке-Кетер самый большой среди них. Когда приходят ансары, города стоят занесенные песком, тихие, освещенные солнцем. Ансары вливаются внутрь через ворота и двери, они заполняют улицы, зажигают фонари, они несут воду из заполненных до краев колодцев, они швыряют свои постели в пустых комнатах, перекрикиваются из окна в окно и с крыши на крышу.

Жизнь в городах настолько отличается от жизни на фермах, что дети поначалу не могут в это поверить; они беспокоятся и сомневаются, они не одобряют ее. Здесь так шумно, жалуются они. Так жарко. Здесь нигде нельзя побыть одному, говорят они. Первое время они даже плачут по ночам от тоски по старому дому. Но потом, как только организуются школы, дети отправляются туда и встречают других детей своего возраста; все они обеспокоены, все сомневаются, все не одобряют, все стесняются, все нетерпеливы и все в диком восторге. Еще дома они научились читать, и писать, и считать, и немного плотничать, и ухаживать за растениями; но здесь они попадают в продвинутые классы, здесь есть библиотеки, музеи, художественные галереи, музыкальные концерты, здесь учат искусству, литературе, математике, астроно-

мии, архитектуре, философии, здесь занимаются всеми видами спорта, играми, гимнастикой, а где-то в городе каждый вечер водят хороводы – и, самое главное, здесь находятся все люди мира, все толпятся в окружении этих желтых стен, все встречаются, и говорят, и работают, и думают сообща в бесконечном возбуждении ума и тела.

В городах родители редко остаются вместе. Жизнь здесь проживают не по двое, а в группах. Они плывут по жизни по отдельности, следуя дружеским связям, пристрастиям, профессиям, и видятся друг с другом лишь изредка. Дети поначалу остаются с кем-то из родителей, но через некоторое время ими тоже овладевает желание жить по-своему, и они уходят, чтобы поселиться в одной из коммун для молодежи, в общежитии, в дортуаре колледжа. Молодые мужчины и женщины живут вместе, как и взрослые мужчины и женщины. Когда отсутствует сексуальность, пол не слишком-то важен.

Ибо чем угодно занимаются они в Городах-под-Солнцем, только не занимаются любовью.

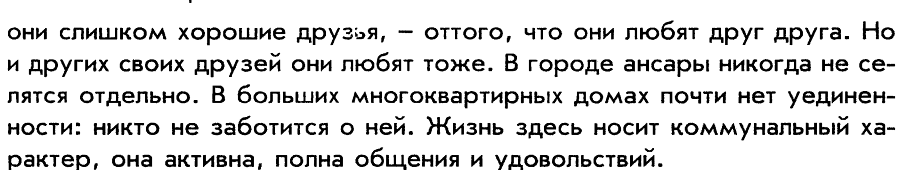
То есть они любят, они ненавидят, они учатся, работают с полной отдачей, думают с полной отдачей, играют, они страстно наслаждаются и отчаянно страдают, они живут полнокровной человеческой жизнью. Но у них никогда не бывает даже мыслей о сексе – если, конечно, как сказал мне Кергеммег с непроницаемым лицом игрока в покер, они не философы.

Все достижения и памятники ансаров как народа находятся в Городах-под-Солнцем, чьи башни и общественные здания, увиденные мной в альбоме, который мне показал Кергеммег, варьируются от строгой простоты до пышного великолепия. Там написаны их книги, там столетиями формировалась их общественная мысль и религия. Их история, их своеобразие как носителей культуры целиком южного происхождения.

Их своеобразие как биологических особей, напротив, проявляется на севере.

Кергеммег сказал, что, живя на юге, они совсем не скучают по своей сексуальности. Мне пришлось поверить ему на слово, а говорил он, как ни тяжело нам это представить, совершенно обыденно.

Было бы неверным охарактеризовать их жизнь в городах как целибат или воздержание, ибо эти понятия предполагают насильственное или добровольное сопротивление желанию. Но там, где нет желания, нет и сопротивления, нет воздержания, а скорее есть то, что можно назвать невинностью – в буквальном смысле слова. Они не думают о сексе, они не скучают по нему, для них это просто не проблема. Брачная жизнь превращается в пустое и бессмысленное воспоминание. Если пара остается на юге вместе или часто встречается, то лишь оттого, что



они слишком хорошие друзья, – оттого, что они любят друг друга. Но и других своих друзей они любят тоже. В городе ансары никогда не селятся отдельно. В больших многоквартирных домах почти нет уединенности: никто не заботится о ней. Жизнь здесь носит коммунальный характер, она активна, полна общения и удовольствий.

Но постепенно дни становятся теплее, воздух – суше, появляется ощущение беспокойства. Тени начинают падать по-другому. И толпы собираются на улицах, чтобы услышать, как жрецы объявят о солнцестоянии, и увидеть, как солнце остановится, помедлит и повернет на юг.

Теперь люди покидают города – сегодня один, завтра другой, послезавтра целое семейство... Все снова шевелится, бродит гормональный хмель в крови, пробуждая первые смутные намеки или же воспоминания, пробуждая знание тела о том, что наступает его царство.

Молодые люди следуют этому знанию слепо, не ведая, что оно у них есть. Семейные пары соединяются, движимые своей пробудившейся памятью – необычайно сладкой памятью. Домой, идти домой и быть там вместе!

Все, чему они научились и чем занимались на протяжении тысяч дней и ночей в городах, остается позади, пакуется и откладывается в сторону – до той поры, пока они снова не вернутся на юг...

«Вот почему нас было так легко сбить с толку, – сказал Кергеммег. – Наша жизнь на севере и на юге столь различна, что кажется вам, другим, несвязной и незавершенной. А мы не можем рационально связать эти половинки. Мы не можем объяснить или оправдать наш Мадан для тех, чья жизнь всегда одинакова. И когда бейдеры прилетели на нашу планету, они сказали нам, что наш Путь – всего лишь инстинкт и что мы живем наподобие животных. И нам стало стыдно».

(Я позднее поискала «бейдеров» Кергеммега в «Планетарной энциклопедии», где обнаружила статью о бейдрах с планеты Юнон – агрессивном, предприимчивом народе с высокоразвитой материальной технологией, у которого не раз возникали сложности с Межпланетным Агентством из-за вмешательства в дела других планет. В туристическом путеводителе бейдры помечены символами, которые означают «особая предрасположенность к инженерному делу, компьютерному программированию и системному анализу».)

Кергеммег говорил о них с болью. Боль изменила его голос, ставший более напряженным. Он был ребенком, когда они появились – первые (так уж получилось) гости с другой планеты. Он думал о них до сих пор.

«Они сказали, что мы должны контролировать свои жизни. Что мы должны жить не двумя отдельными "полужизнями", но одной полно-

ценной – все время, весь год, как делают все разумные существа. Бейдеры были великим народом, располагавшим обширными познаниями, развитой наукой, умевшим существовать с большим комфортом и роскошью. Воистину, в их глазах мы немногим отличались от животных. Они рассказывали и показывали нам, как живут на других планетах. Мы увидели, как глупо мы поступаем, половину жизни обходясь без радостей секса. Мы увидели, как глупо тратить так много времени и сил на пешие переходы между севером и югом, тогда как можно сделать корабли, или дороги с машинами, или самолеты – и ездить туда-сюда хоть сотню раз в год, если нам так нравится. Мы увидели, что могли бы построить города на севере и фермы на юге. Почему бы и нет? Наш Мадан был иррациональным и расточительным, нами управляли животные импульсы. И все, что нам надо было сделать, чтобы избавиться от них, это принимать лекарства, которые нам предлагали бейдеры. Нашим детям лекарства не предлагались, поскольку само их существо могло быть изменено генетической наукой Бейдера. Такая переделка позволила бы им жить, не лишаясь сексуального желания до тех пор, пока они не станут совсем старыми, как это происходит у самих бейдеров. Такая переделка дала бы женщинам возможность забеременеть в любое время вплоть до менопаузы – даже на юге. И число детей было бы неограниченным... Да они просто рвались дать нам эти лекарства. Мы знали, что их доктора мудры. Едва прибыв к нам, они снабдили нас чудодейственными средствами от некоторых наших болезней, и средства эти излечили многих. Бейдеры столько всего знали! Мы видели, как они летают на своих аэропланах, и завидовали им, и стыдились.

Они дали нам разные машины. Мы попробовали ездить на их автомобилях по нашим узким каменистым дорогам... Тогда они прислали инженеров, и мы начали строить гигантское Шоссе прямо через Срединные Земли. Мы взрывали горы взрывчаткой бейдеров, чтобы Шоссе могло идти широко и ровно с юга на север и с севера на юг. Мой отец был рабочим на этом строительстве. Тысячи людей строили ту дорогу. Мужчины с северных ферм... Только мужчины. Женщин не просили помогать строителям. Женщины бейдеров такой работой не занимаются. Это не женское дело, говорили нам. Пока мужчины работают, женщины должны быть дома с детьми».

Кергеммег задумчиво пригубил свой «ю» и посмотрел на мерцающее море и усыпанное звездной пылью небо.

«Но женщины пришли с ферм и поговорили с мужчинами, – произнес он. – Они сказали, чтобы мужчины слушали их, а не одних только бейдеров... Наверное, женщины не испытывали того стыда, который ощущали мужчины. Возможно, их стыд был другим и относился боль-

ше к телу, чем к уму. Казалось, женщин не слишком волнуют автомобили, аэропланы и бульдозеры, зато их очень сильно беспокоят лекарства, которые должны изменить нас, и новые порядки, определяющие, кто какую работу должен делать. В конечном счете, женщины у нас рожают детей, но выкармливают их оба родителя. Почему мать должна заниматься ребенком одна? – спрашивали они. Может ли женщина в одиночку воспитать четырех детей? Или больше четырех? Это же бесчеловечно! И потом, почему семьи должны оставаться вместе в городах? Дети к тому времени уже не нуждаются в родителях, родители – в детях, у всех свои дела... Женщины сказали все это нашим мужчинам, и вместе с ними те попытались потолковать с бейдерами.

Бейдеры ответили: "Все это изменится, вы увидите. Сейчас вы не можете рассуждать правильно. Это всего лишь воздействие ваших гормонов, вашей генетической программы, которую мы исправим. И тогда вы будете свободны от своих иррациональных и бесполезных поведенческих стереотипов".

Но мы сказали: "А будем ли мы свободны от ваших иррациональных и бесполезных поведенческих стереотипов?"

Мужчины, работавшие на строительстве, побросали ручной инструмент и большие машины, которыми обеспечили нас бейдеры. Они говорили: "Зачем нам это Шоссе, если у нас имеются тысячи собственных путей?" И они отправились на юг по этим старым путям и тропам.

Понимаете, все это произошло – к счастью, как мне кажется – незадолго до конца Северного сезона. На севере, где мы жили врозь и столько времени тратили на ухаживание, занятия любовью и воспитание детей, мы были... как бы поточнее выразиться... более близорукими, более впечатлительными, более уязвимыми. Тогда мы только начинали собираться вместе. Когда же мы пришли на юг, когда оказались в Городах-под-Солнцем, мы смогли собраться, посоветоваться, поспорить, выслушать аргументы и принять во внимание все, что будет лучше для нас как для народа.

Сделав это, мы поговорили с бейдерами и позволили им поговорить с нами, а потом прибегли к Великому Согласию – так, как об этом говорится в легендах и древних записях Башен Года, где хранится наша история. Каждый ансар подходил к Башне в своем городе и голосовал по следующему вопросу: "Должны ли мы следовать Пути Бейдера или Пути Мадан? Если мы последуем их Пути, то бейдеры останутся с нами, если же мы выберем собственный Путь, то им придется уйти". Мы выбрали наш Путь... – Кергеммег рассмеялся, его клюв при этом тихо постукивал. – В тот сезон я был полугодком. Я тоже голосовал».

Я не осмелилась спросить, за что он голосовал, но поинтересовалась, согласились ли уйти бейдеры.

«Некоторые из них начали спорить, другие угрожали, – ответил он. – Они рассказывали о своих войнах и своем оружии. Я уверен, они смогли бы уничтожить нас всех. Но они этого не сделали. Может быть, так сильно нас презирали, что просто не пожелали связываться. А может, собственные войны позвали их прочь. К тому времени нас посетили люди из Межпланетного Агентства, и, скорее всего, именно благодаря им бейдеры оставили нас в покое. Многие ансары были крайне встревожены и потребовали нового голосования. Мы все согласились тогда, что не желаем больше никаких визитеров. Потому-то Агентство и следит теперь, чтобы чужаки посещали только этот остров. Хотя я не уверен, что мы сделали правильный выбор. Иногда мне кажется, что он был правильным, иногда я сомневаюсь. Почему мы так боимся других народов, других Путей? Все чужаки не могут быть похожими на бейдеров».

«По-моему, ваш выбор был правильным, – сказала я, – хотя я о нем сожалею. Мне так хотелось бы познакомиться с вашими женщинами, с вашими детьми, побывать в Городах-под-Солнцем! Я так хочу увидеть ваши танцы!»

«Ну, что ж, это возможно», – произнес он и встал. Наверное, той ночью он выпил немного больше «ю», чем обычно.

Он стоял на веранде возле пляжа – очень высокий в мерцающей тьме. Он выпрямил плечи, и голова его стала запрокидываться. Хохолок на голове превратился в жесткий плюмаж, который в звездном свете казался серебристым. Кергеммег поднял руки над головой. Эта была поза древнего испанского танцора, элегантная, энергичная и мужественная. Он не стал прыгать (как-никак, ему было под восемьдесят), но каким-то образом он создал ощущение прыжка, сменившегося глубоким грациозным поклоном. Его клюв застучал в быстром двойном ритме, он сделал два шага на месте, а потом его ноги замелькали в сложной комбинации движений, в то время как верхняя часть тела оставалась неподвижной и прямой. Затем его руки протянулись ко мне, словно собираясь меня обнять, и я едва не испугалась красоты и насыщенности его танца.

А потом он остановился и засмеялся. Сел, провел ладонью по лбу и груди, совсем запыхавшись. «Вообще-то говоря, – сказал он, – сейчас не брачный сезон».

Перевод Евгения Гужова

Кирилл Бенедиктов

ЧУЖАЯ КВАРТИРА

Кирилл Бенедиктов родился в Минске, окончил истфак МГУ, после обучения в Колледже Европы несколько лет проработал за границей, в том числе в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Сейчас живет в Москве. Два года назад в издательстве «Центрполиграф» вышел дебютный роман Кирилла «Завещание Ночи». В этом его произведении, как и в ряде других, отразился интерес автора к «темным сторонам» действительности, которые могут поджидать нас буквально за соседним углом. Или в обычной городской квартире, как это произошло в небольшой повести, предлагаемой вниманию читателей «ЗД»...

1

«СДАМ КОМНАТУ в этом доме СТУДЕНТКЕ медицинского училища. НЕДОРОГО. Звонить ПОСЛЕ 19.00».

Клочок бумаги прилепился к углу нового семнадцатиэтажного красавца-дома. Объявление было напечатано на принтере, скорее всего – на струйном: буквы расплылись и отрастили неряшливые хвосты, так что написанный от руки номер телефона наполовину скрылся под грязными потеками. «Опоздала, – подумала Жанна, срывая объявление со стены. На пижонском розовом кирпиче остался сероватый, похожий на лишай след. – Если оно висит здесь хотя бы пару дней, кто-нибудь из девчонок наверняка уже сориентировался... Ну и пусть. Все равно позвоню. Домик-то какой классный. И училище в двух шагах».

Жанна нашла ближайший таксофон, извлекла из кармана карточку и набрала номер. В трубке потекли медленные ленивые гудки. До 19.00

оставалось еще пять часов; понятное дело, никто не собирался бежать со всех ног, чтобы ответить на одинокую телефонную трель.

– Ну и пусть, – повторила Жанна, показав аппарату язык, и в этот момент трубку сняли.

– Алло, – сказал сонный голос.

Мужчина. Почему-то Жанна с самого начала была уверена, что комнату сдает предпенсионного возраста тетушка, заинтересованная в студентке-медичке главным образом в силу проблем со здоровьем. Мужской голос испугал Жанну. Она оторвала трубку от уха и несколько секунд смотрела на нее, как на случайно попавшую ей в руки ядовитую змею, не зная, что с нею делать – отбросить подальше или попытаться свернуть шею. Потом ей пришло в голову, что, возможно, комнату действительно сдает женщина, но она как раз появляется после семи, а сейчас к телефону подошел ее муж или сын. Жанна глубоко вздохнула и вновь поднесла трубку к уху.

– Я по объявлению, – сказала она, от волнения забыв поздороваться. – Это вы сдаете комнату?

2

– Лучше сиреневый костюмчик надень, – посоветовала Альмира. – Ты в нем не так бл...ки смотришься.

До ответа Жанна не снизошла. Она сосредоточенно подводила губы помадой «WaterShine». Действительно классная помада, но стоит совершенно запредельных денег – каждый день такой пользоваться не станешь. Впрочем, сегодня не совсем обычный день. Кажется.

– Смотри, не теряйся там, – продолжала Альмира. – Если крендель нормальный, подинамь его недельку-другую, а потом ставь условие: или так, или никак. Сделаешь все по-умному, к Новому году станешь полноценной москвичкой, с нами, лимитой позорной, и знаться не захочешь...

«Это ты-то лимита», – вздохнула про себя Жанна, но вслух ничего говорить не стала. Альмира и вправду происходила из местечка с гордым названием Мухославск-Верхневолжский, однако в Москве у нее обитала родная тетка, так что проблема жилплощади была для нее неактуальна.

– А если увидишь, что парнишка урод или с прибабахом, – даже в квартиру не заходи, – продолжала свои наставления Альмира. – Тетушка в отъезде, до понедельника живи здесь. А за это время или еще чего найдешь, или с девчонками договоришься – сейчас многие снимают

втроем однокомнатные хаты, чтоб дешевле. Ну, будете вместе спать, подумаешь, великое дело! Особенно если соседки попадутся симпатичные, так и вообще красота: мужики не нужны...

Терпение Жанны кончилось.

– Альмирка, – сказала она, – достала уже, слышишь? Ты лучше скажи, мне сережки какие надеть – гвоздики или висюльки?

– Эй, я не поняла, подруга, ты комнату идешь смотреть или на свидание?

Жанна критически осмотрела свое отражение в стеклянной дверце шкафа-купе. Ну, прическа вроде ничего – длинные белые волосы волнами падают на плечи, почти красиво. Тушь у Альмирки тоже оказалась классная, ресницы выглядят раза в два длиннее, чем на самом деле. Так, спускаемся ниже – кофточка с надписью «Two my best friends»; как объяснила Альмира, имеется в виду то, что скрывается под тканью. Жанна собиралась надеть топик, но подруга запретила. Не на Тверскую идешь, сказала. Ну что ж, кофточка так кофточка.

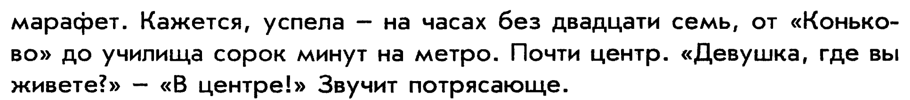
Еще ниже – не очень короткая кожаная юбочка. Не очень короткая с точки зрения Жанны. Возможно, у хозяина квартиры будут свои соображения на этот счет. Пояс с большой золоченой пряжкой – в просвете пряжки был бы виден пупок, если бы его не закрывала навязанная Альмиркой кофточка. С топиком выглядело бы сногсшибательно, но нет топика, нет и пупка. Колготки Жанна решила не надевать: во-первых, тепло, во-вторых, летом удалось загореть почти дочерна, обидно будет, если никто не оценит. На ногах – только босоножки на пятисантиметровой платформе, с модными в этом году перевязочками до икры.

Непонятно, зачем я так вырядилась, в который раз сказала себе Жанна. Если там живет его мама, она меня и на порог в таком виде не пустит. Если он живет там один, у меня есть хороший шанс быть изнасилованной на журнальном столике в прихожей. Чего я хочу добиться? Чтобы он цену снизил? Да ведь и без того написано – НЕДОРОГО. Специальные скидки для одиноких блондинок? Фу, дурочка.

«Приходите к половине восьмого, – сказал ей сонный голос в телефонной трубке. – Раньше, пожалуйста, не надо. Посмотрим, подходят ли вам мои условия...»

Он специально не договорил, подумала Жанна. Слова «...и подходите ли вы мне» просто звенели у нее в ушах, когда она выходила из кабинки таксофона. Но ведь не произнес же он их. Разве что мысленно.

Но именно из-за этих непроизнесенных слов она помчалась к подруге Альмире, упросила ее поделиться кофточкой, юбочкой и косметикой, а потом два часа просидела перед огромным зеркалом, наводя



марафет. Кажется, успела – на часах без двадцати семь, от «Коньково» до училища сорок минут на метро. Почти центр. «Девушка, где вы живете?» – «В центре!» Звучит потрясающе.

Жанна еще раз прошлась взад-вперед перед зеркальными панелями шкафа, крутанулась на каблуках, чтобы волосы разлетелись Пушистым Белым Облаком, и отправилась договариваться насчет комнаты. Или встречаться с хозяином квартиры. Это как посмотреть.

3

– Добрый вечер, – произнес человек, открывший ей дверь. – Вы Жанна?

– Жанна, – храбро сказала девушка. – А вы?..

– Леонид. Очень приятно, Жанна. Проходите, пожалуйста.

«Слава Богу, интеллигент, – решила она. – Изнасилование на столике отменяется».

Обдуманным движением она сняла с плеча сумочку, опустила ее на калошницу. Прихожую срисовала мгновенно: низкий, изогнутый сводом потолок, на стенах – светильники в виде факелов. Никаких шкафов, только стойка для обуви и крючки для одежды, вбитые прямо в стену. Крючки в форме оскаленных волчьих голов – не страшных, но неприятно ухмыляющихся.

– Вы позволите? – Леонид потянулся за ее курткой, ухватил за петельку и повесил на клык одной из морд. – Тапочки?

«Зануда», – подумала Жанна. Присела на калошницу и принялась распутывать ремешки своих босоножек. При желании это тоже можно делать достаточно выразительно. Леонид стоял и терпеливо ждал, пока она закончит, тактично глядя в сторону. Жанна, наоборот, воспользовалась случаем, чтобы получше его рассмотреть. Лет тридцать – тридцать пять. Высокий, под метр девяносто. Красавцем не назовешь, но и уродом тоже. Ни бороды, ни усов. Карие глаза, крупный, с горбинкой, нос. Красные, немного припухшие губы. Твердый подбородок. Что ж, очень хорошо.

– Пойдемте, – сказал он, когда Жанна закончила переобуваться и пришла к выводу, что внешность хозяина квартиры не вызывает у нее рвотного рефлекса. – Я думаю, беседовать нам будет удобнее в гостиной.

Квартира оказалась большой. Направо по коридору располагалась кухня, прямо – гостиная, но была еще и дверь слева. «Неужели один живет? – подумала Жанна, вспомнив родную двухкомнатную квартир-

ку в Софрино, где она провела свою юность в компании с матерью, бабушкой и сестрой. – Везет же некоторым...»

В гостиной два широких кресла, как сторожевые псы, расселись по бокам огромного уютного дивана.

– Итак, вы хотите снять комнату? – Леонид указал ей на кресло.

– Хотелось бы. В общаге мест нет, а училище наше тут, за забором...

– Я знаю, – мягко перебил он. – Сам я врач, и проблемы студентов-медиков мне близки. Потому и дал объявление.

– Там было написано «студентке». – Жанна лукаво улыбнулась. – Значит, проблемы студентов мужского пола вас не волнуют?

– Почти все они много пьют. – Леонид поморщился. – А я не переношу пьяных, тем более у себя дома. К тому же у меня есть причины сдавать комнату именно девушке.

– И какие же?

– Видите ли, Жанна, – сказал Леонид. – В объявлении я написал «недорого», но на самом деле я готов сдавать эту комнату бесплатно. Мне только нужно, чтобы кто-то вел мое хозяйство и ходил за продуктами – вот, собственно, и все.

– Вы домработницу ищете, что ли? – усмехнулась Жанна. – Так студенты для этого народ неподходящий, им учиться надо, а не хозяйство вести...

– Вы меня не поняли, – снова перебил ее хозяин. – Ничего такого, что требовало бы от вас больших затрат времени и сил. Пару раз в неделю сходить в магазин. Поддерживать чистоту – только не говорите, что если бы вам пришлось снимать квартиру, вы не стали бы там убираться. Нет, нет, ничего сверх того, что вы делали бы для себя сами, я от вас не потребую. Взамен живите бесплатно в отдельной комнате со своим замком. По-вашему, это несправедливо?

– Да нет, – сказала Жанна, подумав. – Отчего же... Вопрос можно?

Леонид тепло улыбнулся.

– Сколько угодно.

– А зачем вам домработница? Сами не справляетесь?

По вытянутому лицу хозяина пробежала тень. Или ей показалось?

– Понимаете, Жанна, у меня несколько необычный распорядок дня. Вы же наверняка слышали, что по биологическим ритмам люди делятся на сов, жаворонков и голубей? Так вот, я сова в квадрате. Я ложусь спать с петухами и просыпаюсь только под вечер. Мне приходится тяжело, но изменить годами сложившийся распорядок означает навлечь на себя угрозу тяжелого нервного расстройства. Я вынужден работать

дома, в основном по ночам. Как это ни печально, остальной мир придерживается иного расписания, и это сильно осложняет мне жизнь. Многие магазины ночью закрыты, даже уборку дома не сделаешь: пылесос жужжит слишком громко, соседи жалуются. Вот поэтому мне очень не хватает помощника. Помощницы. Впрочем, если вы считаете мои требования излишне суровыми, я готов извиниться за то, что отнял у вас столько времени.

Жанна помотала головой.

– Нормальные требования... А комнату посмотреть можно?

– Разумеется. – Леонид извлек из кармана ключи. – Бросьте взгляд на ваше будущее обиталище. Надеюсь, оно вам понравится.

Жанна думала, что придется возвращаться назад, в прихожую, но дверь в «обиталище» оказалась спрятанной за тяжелой темно-фиолетовой портьерой, драпировавшей одну из стен гостиной. Плоский блестящий ключ два раза повернулся в замке. Дверь открылась.

«Я хочу здесь жить, – поняла Жанна, перешагнув порог. – Этот тип определенно с прибабахом, но я буду последней дурой, если откажусь от такой комнаты!»

В отличие от гостиной, здесь было очень светло. Закатное солнце пробивалось сквозь легкий, похожий на золотистую паутинку тюль, расцвечивало кремовые обои. В луче, падавшем на медового цвета паркет, плясали пылинки. Жанне захотелось сбросить тапочки и пройтись по медовым дощечкам босиком – они, должно быть, теплые-теплые, чуть шершавые на ощупь. Великолепно.

У окна, выходившего на здание медучилища, стоял большой письменный стол с придвинутым кожаным креслом на колесиках. Жанна представила, как откидывается в этом кресле, вытягивает длинные загорелые ноги, кладет их на стол... Почему-то хотелось, чтобы Леонид тоже это представил. Она обернулась. Хозяин стоял в гостиной, наблюдал за ней, покачивал на пальце брелок с ключами.

– Осматривайтесь, осматривайтесь, – поощрительно улыбнулся он. – Мне кажется, вам тут понравится.

– А вы не зайдете? – спросила Жанна, представив на секунду, как Леонид с хищной ухмылкой захлопывает за ней дверь, поворачивает ключ и оставляет сидеть взаперти, как какую-нибудь кавказскую пленницу. Нет, глупость, конечно, окно-то вот оно. С пятого этажа, конечно, не прыгнешь, но позвать на помощь всегда можно.

– Нет, – твердо ответил Леонид. – Если вы согласитесь, это будет ваша и только ваша комната. Ключ от нее я отдам вам. Надеюсь, это вас успокоит.

– А сколько всего у вас комнат?

– Четыре, – буднично сказал Леонид. – Но вам придется убирать только в двух, ну и, конечно, еще на кухне. Одной комнатой я никогда не пользуюсь, а в моем кабинете я вам хозяйничать не позволю. Ваша задача, таким образом, упрощается.

«Красиво говорит, – подумала Жанна. – И хорошо, что врач. Может, подскажет чего-нибудь полезное перед экзаменом».

В этот момент она поняла, что решение принято окончательно. Для порядка прошлась по своей – да, теперь уже точно своей – комнате, оценила заваленный мягкими подушками диван, изящный напольный светильник, похожий на поджавшего ногу фламинго, серебристый телевизор в углу. Такая роскошь – и бесплатно? Одно из двух, дорогая, сказала себе Жанна, либо тебе сказочно повезло, либо тебя где-то очень крупно накололи.

– Устраивает? – спросил от дверей Леонид. За порог он так и не перешагнул, лицо его пряталось в тени, но Жанне показалось, что он снова улыбается.

– Так не бывает, – решительно сказала она. – Вы наверняка захотите от меня чего-нибудь еще. Комната мне нравится, но если...

– Вы правы, – перебил хозяин. – Есть еще несколько мелких деталей. Я сообщу их вам прямо сейчас и обещаю, что никогда не попрошу ничего сверх этих условий. Первое: вы никого сюда не будете приводить. Ни подруг, ни мальчиков, ни родителей, если они вдруг решат вас навестить. Ключ от квартиры, который вы получите, будет храниться только у вас. Согласны?

Жанна почувствовала, как по спине побежали мурашки. Вроде бы ничего страшного, подумаешь, она и не собиралась никого сюда водить... хотя приятно было бы посмотреть, как вытянется Альмиркина физиономия...

– Согласна, – выдавила она, проглотив застрявший в горле комок.

– Очень хорошо. Второе: вам нельзя заходить в мой кабинет в мое отсутствие. Кроме того, есть еще запертая комната... вы, наверное, заметили, налево по коридору. Туда вы тоже никогда не будете заходить. Даже пытаться не стоит. Договорились?

– Договорились. – Это условие показалось Жанне смешным. – А можно узнать почему?

– Можно, – легко согласился Леонид. – Я не терплю, когда кто-то трогает мои книги. Что касается запертой комнаты, то в ней вам просто нечего делать. Собственно, это все. Видеться мы с вами будем редко, в основном по вечерам. Приходить вы можете в любое время, главное – делать это следует тихо и ни в коем случае не будить меня днем. Как видите, все просто.

Жанна вздохнула. В голове вертелась слышанная где-то фраза «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке», но вместо того, чтобы произнести ее вслух, она спросила:

– Если я завтра перевезу вещи... нормально будет?

4

Первую неделю, проведенную в новой комнате, Жанна постоянно нервничала. Вздрагивала от малейшего шороха, подпрыгивала до потолка, если начинала вдруг гудеть вода в трубах, ловила себя на том, что бессознательно прислушивается к звукам, доносящимся из глубин квартиры. Масла в огонь подливала Альмира, затаившая обиду после решительного отказа пригласить ее посмотреть доставшееся на халяву жилье. «Да маньяк он, точно тебе говорю, – зудела она, как комар. – Тихий-тихий, а потом как прыгнет... Вон, я в "СПИД-инфо" читала, один тоже девчонку пригласил к себе на палочку чая... а потом в ванной к батарее наручниками приковал и держал полгода, опарышами кормил...» – «Чем-чем кормил?» – не поняла Жанна. «Опарышами! И голубями сырыми... по праздникам». – «А зачем?» – «Ну так маньяк же!» Но видно было, что Альмира пытается нагнать на нее страху в основном от злости.

С каждым днем Жанна все больше убеждалась в том, что ей на самом деле неправдоподобно повезло. Леонид действительно был странным, отрицать это она не могла. Но его странности носили вполне безобидный характер, и на маньяка он совершенно не походил. Леонид просыпался не раньше семи часов вечера, шел в ванную, затем возвращался к себе в кабинет. Из кабинета он выходил около десяти – поесть. Жанна довольно быстро приноровилась к этой его особенности и стала готовить ужин на двоих. В еде Леонид оказался неприхотлив, с одинаковым аппетитом поглощал яичницу, пельмени и тушеное мясо с грибами и никогда не забывал похвалить Жанну за качество стряпни. Прокол вышел только однажды: Жанна купила на рынке чудесные крымские помидоры и, нарезав их кружочками, украсила сверху сыром, перетертым с чесноком. Получилось очень оригинально. Леонид рассеянно поднес вилку с наколотым розовато-белым кружком ко рту и вдруг отбросил помидор в сторону, так что тот с влажным шлепком разбился о стену над разделочным столиком. В этот момент он показался ей похожим на эпилептика: длинное бледное лицо искажено гримасой, руки дрожат. Жанна перевела взгляд с прыгающей прямо перед глазами вилки на расплывшееся розовое пятно на стене и почувствовала, как ле-

дяные пальцы паники касаются ее шеи. Впрочем, в следующее мгновение Леонид уже пришел в себя.

– Извини, пожалуйста, – сказал он. – Это моя вина... я забыл предупредить... у меня страшная аллергия на фитонциды. Лук, чеснок – я не переношу даже запаха. Не обижайся, ладно? Не сомневаюсь, вкус у этих помидоров потрясающий.

Было обидно, но понятно. Будущему медработнику не стоит объяснять, чем опасна аллергия. Отек Квинке, удушье, анафилактический шок... Разумеется, это крайние случаи, но кто знает, что пришлось пережить Леониду в прошлом. Больше Жанна чеснок не покупала, а тот, что остался после неудачного кулинарного опыта, выкинула в мусоропровод.

Чем Леонид занимался ночью, Жанну не очень интересовало. Наверное, работал у себя в кабинете. В тех редких случаях, когда ей приходилось выбираться из своей комнаты по ночам, она видела, что у него горит свет. Иногда после ужина (а для Леонида, соответственно, завтрака) он куда-то уходил. Облачался в строгий темный костюм, надвигал на глаза широкую шляпу-борсалино, брал плоский черный «дипломат» с кодовым замком и исчезал, не говоря Жанне ни слова. Она не слышала, когда он возвращался. Леонид вообще был очень тихим – передвигался почти бесшумно, никогда не повышал голоса, не чихал и не кашлял, не сморкался – не производил ни одного из тех звуков, к которым волей-неволей привыкаешь, если приходится жить в коллективе, ограниченном небольшим жизненным пространством. И он действительно ни разу не попытался к ней пристать. Жанну это даже немного разочаровало.

Конечно, он был старым – наверняка годился ей в отцы. Однако, с другой стороны, в нем чувствовался шарм... особый шарм одинокого, но следящего за собой мужика, явно немало повидавшего в жизни. В отличие от всех известных Жанне мужчин, в Леониде была какая-то загадка, и иногда ей казалось, что если эту загадку не разгадать, жизнь пройдет зря. К концу первого месяца она перестала ждать от хозяина квартиры неприятных сюрпризов, а потом всерьез стала задумываться над тем, что небольшая доза внимания с его стороны ей не повредила бы. В конце концов, это свинство – жить с молодой красивой девушкой и обращаться с ней как с домработницей. Альмирка постоянно допытывалась, как продвигается процесс приобретения московской прописки, но Жанна предпочитала отшучиваться. А что она могла ответить? Что за все время он до нее и пальцем не дотронулся? Что, увидев однажды, как она выходит из ванной, завернутая лишь в большое пушистое полотенце, Леонид покраснел, как школьник, и тут же спрятался за

дверью своего кабинета? Что, какие бы наряды она ни надевала, он продолжает смотреть на нее корректно? И смешно, и грустно.

В конце октября Альмирка потащила Жанну на ночную дискотеку в какой-то центровой клуб. Там подруги познакомились с двумя нормальными с виду пацанами, один из которых, как оказалось, жил недалеко от училища. Они весело провели время, а когда в половине четвертого утра уставшая и полупьяная Жанна заныла «хочу домой», пацан сказал, что без проблем доставит ее прямо к подъезду. Доехали действительно быстро, вот только подъездом дело не ограничилось. Пацан, которого, кажется, звали Мишей, по-хозяйски взял пошатывающуюся Жанну под локоток и повел к лифту. На лестничной площадке Жанна вдруг вспомнила свой договор с Леонидом.

– Постой, – сказала она, отпихивая обнимавшего ее за талию кавалера. – Погоди. Я не могу... там хозяин, он не разрешает мне никого приводить.

– Да и хрен бы с ним, с хозяином, – весело ответил Миша. Он поднял руку и сжал ее в кулак размером с небольшую астраханскую дыню. – Давай, киска, открывай скорее, не томи мою нежную душу.

– Нет, – твердо повторила Жанна, трезвея прямо на глазах. – Ты ему наваляешь, а мне потом на улице жить?

Миша больно схватил ее за плечи.

– Ладно, киска, уговорила. Не хочешь в койку – твои проблемы. Сойдет и подоконник.

Он потащил ее вниз по лестничному пролету, туда, где между этажами располагалось высокое смотровое окно. Грубо развернул лицом к стеклу, бросил грудью на подоконник.

– И смотри, чтоб не орать, – на куски порежу!

Что-то острое и холодное коснулось шеи Жанны, и девушка протрезвела окончательно. Миша расстегнул ей молнию на джинсах, свободной рукой стащил их вниз. Лезвие у шеи опасно подрагивало, и Жанна зажмурилась, представив, что будет, если этот кретин в самый ответственный момент начнет дергаться.

– Ах, какие мы загорелые, – промурлыкал Миша, отпустив ее. Теперь Жанна могла бы попробовать убежать, но далеко ли ускачешь по лестнице со спущенными штанами? – Где же мы так загорели? Ну что, трусики сама снимешь или помочь?

Трусики-танго Жанна купила за большие деньги у Альмиры, на которую они не налезали. Козел Миша порвет их, это уж как пить дать. Она просунула непослушные пальцы под тугую резинку, потянула вниз...

– Отставить, – прозвучал за ее спиной чей-то негромкий голос. Жанна почувствовала, что опасный холод перестал леденить шею. Преодо-

левая страх и внезапно накатившую слабость, вывернула голову, чтобы увидеть, кто пришел к ней на помощь.

Леонид. Он поднимался по лестнице, как всегда, очень тихо, в кожаном плаще, неизменной шляпе, с «дипломатом» в руке. Лицо у него было бледное и усталое, полные красные губы смотрелись на нем инородным пятном, словно он сжимал во рту бутон алой розы.

– Вали отсюда, чмо, – добродушно посоветовал Миша. В руке у него блестел хирургический скальпель. – Не видишь, я делом занят.

– Отпусти ее, – сказал Леонид безразличным, холодным голосом. В глазах его не было ни страха, ни обыкновенного волнения – казалось, он разговаривает не с вооруженным амбалом, а со старушками у подъезда.

К своему удивлению Жанна увидела, что Миша шагнул в сторону, давая ей возможность оторваться от подоконника и натянуть джинсы. На большее у нее не хватило сил – едва застегнув молнию, она почувствовала, как подгибаются ноги, и опустилась на корточки, привалившись спиной к батарее.

– Брось скальпель, – произнес Леонид все тем же невыразительным тоном. Жанна заметила, что Миша сделал какое-то движение ему навстречу, но вдруг остановился, словно налетев на невидимую стену. Кулак разжался, блестящий скальпель, звеня, покатился по ступенькам. – Вот так, молодец. А теперь уходи и забудь об этой девушке. Навсегда.

Глаза Жанны неожиданно стали мокрыми от слез. Сквозь туманную пелену она видела, как коренастая фигура ее ночного знакомого медленно спускается вниз по лестнице, ударяясь боком о перила.

Леонид легко, словно ребенка, взял девушку на руки и поднялся на лестничную площадку. Там аккуратно, будто хрустальную вазу, поставил на пол и, повозившись с замком, впустил ее в квартиру.

– Он... он войти хотел, – пролепетала Жанна, внезапно испугавшись его гнева. Ей вдруг представилось, что Леонид может обвинить ее в нарушении договора и выгнать на улицу. – Я не разрешала, я думала, он только проводит, и все... Честно, я даже не думала...

Он приложил ладонь к ее губам.

– Тш-ш-ш, – сказал он мягко. – Я все знаю, девочка. Я все знаю.

Он помог ей снять куртку и ботинки, отвел в гостиную и усадил в кресло. Включил приглушенный свет.

– Посиди минутку, я сейчас.

Вернулся из кухни с высокой керамической кружкой, сунул ей в ледяные ладони. Жанна подумала было, что это какой-то алкоголь, и хотела отказаться, но из кружки поднимался густой травяной запах. Глот-

нула – вкус оказался необычным, но приятным, по телу сразу же разлилось дурманящее тепло. Дрожь в коленях постепенно проходила.

– Постарайся выпить все, – посоветовал Леонид. – И выспись как следует. В училище можешь не ходить, справку я тебе нарисую.

– Какой ты заботливый, – глупо хихикнула Жанна. – Прямо как папочка...

Леонид улыбнулся.

– Я тебе сейчас и папочка, и мамочка. Ты выспишься, а когда проснешься – то, что случилось сегодня, не будет тебя больше беспокоить. Договорились?

— Договорились. – Она сделала большой глоток и икнула. – А ты гипно... гипнотизер? Как ты Мишку... заставил нож бросить?

Леонид погладил ее по голове. Провел своей твердой, пахнущей ароматным табаком ладонью по ее гордости – Пушистому Белому Облаку.

– Об этом мы еще успеем поговорить, девочка. Допила? Вот и умница.

Жанна подумала, что заснет сейчас прямо в кресле: травяная настойка, оказывается, валила с ног лучше любого коктейля. Она хотела попросить, чтобы Леонид помог ей добраться до дивана, но тут произошло странное. Леонид зашел ей за спину, наклонился и поцеловал Жанну в макушку, прямо в центр Пушистого Белого Облака. Точнее, почти поцеловал. Жанна чувствовала, что он замер прямо над ней, видела его тень, падавшую из-за спинки кресла и пересекавшую комнату, кожа ее ощущала тепло его дыхания. Однако на этом все и закончилось. Его губы так и не коснулись прекрасных белых волос, а сам Леонид, резко выпрямившись, вышел из гостиной.

– Шиза, – пробормотала Жанна, закрывая глаза.

Последние силы покинули ее, и она заснула прямо в кресле, так и не добравшись до своей комнаты.

5

Перед ноябрьскими праздниками Жанна решила провести генеральную уборку вверенной ей территории. За работу принялась прямо с утра: в училище идти не надо, впереди четыре выходных, почему бы не посвятить пару часов общественно-полезному труду? Сначала убирала валявшиеся повсюду случайные вещи – книги, лазерные диски, каким-то образом попавшие в гостиную из кухни чашки и блюдца. Потом взяла пылесос и добросовестно прошлась по всем углам, а под конец сменила

щетку и вычистила шторы и портьеры. Пылесос, конечно, шумел, но Жанну это не слишком беспокоило: Леонид как-то сказал ей, что поскольку днем все равно никуда не деться от посторонних звуков, он пользуется берушами.

Немного передохнув, Жанна набрала в таз воды, взяла из пакета чистую тряпку и принялась мыть пол. Тут-то все и произошло.

Она стояла во второй позиции, пытаясь оттереть пятно с паркетной доски в прихожей, когда сережка-гвоздик выскочила из мочки правого уха и, весело брякнув о паркет, укатилась под дверь. Не иначе как замочек разболтался, подумала Жанна, и тут до нее дошло, что сережка нашла себе убежище в запретной комнате. Той самой, про которую Леонид говорил: «Я не пугаю, я просто предупреждаю». Вот ведь подлянка. Сережка была Альмиркина, рано или поздно ее пришлось бы отдавать. Можно, конечно, дождаться вечера и за ужином попросить Леонида достать пропажу... Только вот как-то глупо беспокоить человека из-за пустяка. Наверняка лежит на самом пороге, даже в комнату заходить не придется. Ключ от двери висел на большой связке, которую Леонид обычно оставлял в прихожей, на волчьих клыках. Нельзя сказать, чтобы у Жанны ни разу не возникало соблазна нарушить запрет... но до сегодняшнего дня она успешно с этим соблазном боролась. Возможно, предчувствуя, что рано или поздно настанет момент, когда она сможет придумать себе оправдание.

Ключ повернулся в замке, оглушительно щелкнула пружина. Дверь, безжалостно скрипя, приоткрылась.

Беглая сережка действительно лежала в пяти сантиметрах за порогом. Жанна наклонилась, чтобы поднять злополучный гвоздик, и взгляд ее зацепился за что-то блеснувшее тусклым эмалированным боком под низкой, застеленной грубошерстным одеялом кроватью.

Судно. Обыкновенное больничное судно. С казенным черным номером на зеленой эмали.

Жанна быстро окинула взглядом комнату. Небольшая, темноватая. Окна завешены зелеными шторами, под потолком — белый шар дешевой люстры. Ничего похожего на роскошь гостиной, на изысканный уют ее обиталища. Простой фанерный шкаф, заваленный какими-то узлами и пакетами, стул, кровать с высокой спинкой.

И запах. Едва ощутимый, но вполне реальный. Запах болезни, разложения, тлена.

Стараясь производить как можно меньше шума, Жанна аккуратно закрыла дверь и повернула ключ в замке. На цыпочках вернулась в прихожую, зацепила брелок за клык. Волчьи морды скалились в беззвучной усмешке.

6

На Новый год она поехала домой, в Софрино. Теснота и убожество квартиры, в которой прошли первые семнадцать лет ее жизни, поразили Жанну. Четыре человека на две комнаты – это слишком, решила она и, едва придя в себя после новогодней пьянки, отправилась обратно в Москву.

Стояли жуткие, сорокоградусные, как водка, морозы. Дыхание замерзало в сантиметре от губ. Пока добиралась от метро до дома, уши и кончик носа превратились в ледышки.

Отмороженные пальцы не слушались Жанну. Ключи два раза вываливались из рук, вставить их в замочную скважину и повернуть оказалось непосильной задачей. Наконец, отчаявшись справиться с ключами, Жанна надавила на кнопку звонка.

Леонид открыл почти сразу, словно и не спал вовсе. Чисто выбрит, черные волосы влажно блестят, благоухает какой-то туалетной водой. Пушистый банный халат аккуратно запахнут на груди.

– Привет, – сказала Жанна, с трудом подавив желание вытянуться на цыпочках и чмокнуть его в щеку. – С Новым годом! Я тебе подарочек привезла.

Подарочек она заготовила еще в середине декабря, но предусмотрительно прятала его у себя в комнате, а уезжая в Софрино, забрала с собой. Ничего особенного – просто красиво упакованный набор для бритья: бритва, пена, гель. Но Леонид, кажется, обрадовался.

– Спасибо, Жанночка. И тебя с Новым годом. Подожди, у меня для тебя тоже кое-что есть...

Достал откуда-то из-за спины коробочку. Протянул ей с таким смущенным видом, будто там лежало что-нибудь из ассортимента магазина «Интим».

Ничего подобного. Серебристый плоский CD-плеер. Офигенно дорогая штука, Жанна о такой и мечтать не смела.

– Ой, прелесть какая! Леонид, ты лапочка!

Не удержалась, чмокнула все-таки куда-то в район подбородка. Он благожелательно улыбнулся и вдруг побледнел.

– Ты что, обморозилась? Ну-ка, дай посмотреть...

Развернул – довольно бесцеремонно, – дотронулся до одного уха, до второго...

– А ну марш в ванную! Быстро, быстро, сапоги потом успеешь снять. Хочешь без ушей остаться?

Ошеломленная Жанна даже не слишком сопротивлялась. Леонид

приволок ее в ванную, открыл горячую воду, сунул под струю руки, а потом схватил девушку за уши. Сначала она вообще ничего не чувствовала, но постепенно обморожение прошло, и боль впилась в уши раскаленными щипцами.

– Пусти, – пискнула Жанна, – больно же!

– Ах, больно? – удивился Леонид. – Кто бы мог подумать!

Он открыл шкафчик и извлек оттуда пузырек со спиртом. Плеснул в пластиковый стаканчик.

– Не пить, – строго предупредил он. – Только растирать. Если не хочешь, чтобы это делал я, изволь спасать себя самостоятельно. Я буду консультировать.

Потом отвел Жанну обратно в прихожую, усадил на калошницу, заставил вытянуть ноги и стащил с нее сапоги. Было безумно приятно, все время вспоминался какой-то старый фильм, где вроде бы показывали нечто подобное. Леонид растер остатками спирта узкие Жаннины ступни, вытащил откуда-то толстенные шерстяные носки и натянул ей на ноги.

– Что ж, – усмехнулся, – воспаления легких вам, сударыня, все равно не избежать, но с ампутацией конечностей, пожалуй, пока повременим.

– Давно хотела спросить, – обрела дар речи Жанна, – ты какой врач? Хирург или ортопед? А может, ветеринар?

– Изначально я педиатр, – ответил Леонид. – По узкой специализации – вирусолог, а кандидатскую защитил по некоторым инфекционным заболеваниям, встречающимся в странах тропического пояса. Впрочем, моих профессиональных навыков вполне достаточно, чтобы отрезать обмороженное ухо или пятку в домашних условиях.

– Упс, – сказала Жанна. – Ну, тогда я в надежных руках. Кандидат наук. Ничего, что я сижу?

– Сиди, сиди. Только лучше тебе, пожалуй, переместиться в гостиную, а я пока сварю чего-нибудь согревающего.

Пока Леонид гремел на кухне чашками и кастрюлями, Жанна пришла к выводу, что в гостиной ей оставаться совсем не хочется, и перебралась к себе в комнату. Удобно устроилась на диване, подоткнув под спину подушку, и, завернувшись в теплый клетчатый плед, включила светильник-фламинго и принялась рассматривать новенький плеер.

– Ты здесь? – удивился Леонид, останавливаясь на пороге. Он уже успел переодеться – вместо халата облачился в бежевые спортивные брюки и голубую рубашку из тонкой джинсовой ткани. В руках у него был поднос, на котором стояли две высокие керамические кружки. Над кружками витал ароматный парок. – Почему не в гостиной?

– Так, – мотнула головой Жанна. – Здесь уютнее. Проходи, располагайся, чувствуй себя как дома...

«Стоп-стоп-стоп, – осадила она себя. – Не зарывайся, девочка. Ты тут еще не хозяйка».

– Ты меня приглашаешь? – неуверенно спросил Леонид.

– Да ты прости, я пошутила. – Жанна состроила виноватую гримаску. – Ну, как я могу тебя приглашать или не приглашать? Это же...

– Это твоя комната, – перебил он. – Мы договорились, помнишь? Я обещал не заходить к тебе без приглашения.

– Ну, тогда я тебя приглашаю. Проходи, располагайся поудобнее. Хочешь – в кресло, хочешь – на диванчик. Я бы лично предпочла на диванчик, согреешь бедной девочке ножки...

– Хорошо. – Леонид наклонил голову и переступил порог. Первый раз с тех пор, как Жанна жила у него в доме. – Вот, это тебе горячительное. – Он протянул ей дымящуюся кружку.

– Выпьем за Новый год? – Жанна принюхалась и поняла, что и на этот раз обошлось без алкоголя. Сплошные травы, одна другой душистее. Ну и ладно, подумала она, вспомнив родное Софрино, не век же водку глушить.

– Давай, – кивнул Леонид. Поднял кружку и отсалютовал Жанне. – Пусть он принесет нам больше удачи, чем старый.

Жанна рассмеялась.

– Еще больше? Да у меня такой прухи, как в прошлом году, в жизни не было. В училище поступила, классное жилье бесплатно нашла, с человеком интересным познакомилась...

Леонид поднял бровь.

– С тобой, с тобой, не надо шлангом прикидываться. Кстати, мне знаешь как хочется узнать про тебя побольше? Где учился, как жил, кого лечил? А то про меня ты все знаешь, а я про тебя – ноль...

– А ты уверена, что хочешь это услышать? Обычно дети твоего возраста не слишком жалуют стариковские рассказы.

– Ха! – сказала Жанна. – Дети моего возраста! Дети моего возраста, если хочешь знать, вообще предпочитают слушать только слова любви, желательно страстным шепотом на ушко. Но если говорить конкретно обо мне, то я с детства обожала всякие страшные истории. Слабо развлечь замерзшую девушку страшилкой?

Леонид усмехнулся странной ухмылкой. Осторожно присел на край дивана.

– Жизнь и без того страшная штука, моя милая. Пока я был маленьким, мне казалось, что в мире полно всяких ужасных созданий, о которых так любят рассказывать дети, – ну там, Черные Перчатки, Крас-

ная Рука, Глаза-в-Зеркале... Все время боялся открыть дверь чулана и увидеть за ней Буку. А потом, когда подрос, понял, что дети, конечно, ничего не знают наверняка, но о многом догадываются. И все их наивные страшилки – только попытка объяснить ужасы взрослого мира...

– Ой, а можно то же самое, только по-русски? Я девушка простая, мне, как менту, все надо объяснять медленно и два раза...

– Чудовища существуют, – сказал Леонид. – Не такие, как в детских сказках... намного страшнее. Вот представь: ты идешь по улице, у тебя падает перчатка, а навстречу идет человек, поднимает ее и с улыбкой протягивает тебе. Ты ее берешь, благодаришь... и невдомек тебе, что ты только что встретилась с монстром. Есть такие... ему достаточно один раз заглянуть тебе в глаза – и все, ты уже у него в коллекции. Теперь, стоит ему захотеть, он припомнит твое лицо в мельчайших деталях и придет к тебе во сне. А там уже сможет делать с тобой все, что захочет, – просыпаться будешь вся в синяках, избитая, исцарапанная... а то и вовсе пойдешь на его зов ночью, не раскрывая глаз. Слышала про лунатиков? Думаешь, они просто так по крышам гуляют? Просто так, девочка, в этом мире ничего не происходит: каждое движение продиктовано чьей-то волей. Или твоей собственной, или чужой. И тут уж чья сильнее...

Жанне стало зябко. Она обхватила ладошками высокую кружку и сделала несколько глотков.

– А еще есть такие создания... Людьми их назвать трудно, хотя они появляются на свет у обычных родителей... Эти создания похищают человеческие души...

– Зачем?

– Чтобы жить. Питаясь душами, можно прожить неограниченно долгое время... особенно если выбирать доноров помоложе. Энергетический метаболизм помогает таким созданиям развивать их необычные способности, превращаясь во все более совершенных существ... хотя сам процесс трансформации протекает довольно болезненно, а главное – долго.

– А что за способности они получают?

– Не смогу объяснить. Если ты слеп от рождения, ты не поймешь, что значит видеть. Если у тебя нет ног и рук, ты вряд ли представишь себе, каково это – играть в футбол. Люди изредка сталкиваются только с внешними проявлениями. Например, с подчинением чужой воле. В этом нет ничего сложного или таинственного – для *измененного*, я имею в виду. Так же, как для тебя – в том, чтобы протянуть руку и взять с тумбочки кружку... Вот, молодец... Теперь сделай два глотка – два маленьких глоточка. Видишь, как просто?

– Ну, так неинтересно… Расскажи хотя бы, как они это делают.

– Что? Похищают души?

– Ну да, да!

– Очень просто. Могу показать.

7

На мгновение Жанне показалось, что кружка, которую она по-прежнему сжимала в руках, стала обжигающе ледяной. Леонид оставался серьезен и спокоен – слишком спокоен для мужчины, делящего один диван с девушкой, которая то и дело дотрагивается до него пальчиками ног, пусть и одетыми в толстые шерстяные носки.

– Ты шутишь, Ленечка?..

Голос ее потерялся в невыносимой тишине, повисшей в комнате. Неожиданно Леонид поднял руку и положил ладонь Жанне на темя.

– Вот здесь есть место, – произнес Леонид неожиданно севшим голосом. – Особое место. Сюда сходятся все каналы, по которым циркулирует жизненная энергия организма. Давным-давно древние лекари, шаманы и колдуны научились использовать эту точку для излечения болезней. Из нее, как из открытой раны, можно высосать любой, самый страшный недуг. Но вместе с болезнью человек теряет какой-то кусочек энергетической субстанции, которую люди привыкли называть душой.

Леонид по-прежнему держал ладонь над головой Жанны. От ладони исходило тепло, приятное, расслабляющее тепло.

– Первоначальный метод был очень прост. Болезнь высасывалась вместе с кусочком души. Потом болезнь выплевывали, а душу проглатывали. Тут все дело в мере. Если высосать душу из человека быстро и без остатка, он умрет, хотя, умирая, будет испытывать несказанное блаженство. Если высасывать медленно и постепенно, тело начнет интенсивно стареть… иногда случается так, что душа еще на месте, а тело уже скукожилось, как кожаная перчатка в кипятке. А если брать быстро и понемногу, то тело останется прежним, а вот душа… ну, это уже зависит от человека. Может постепенно засохнуть сама по себе, словно дерево, у которого подпилили корни. А бывает, что человек превращается в монстра… вроде тех, которые в глаза тебе заглядывают…

– Бр-р… – Жанна поежилась. Травяной настой уже не согревал, ноги и руки покрылись гусиной кожей. – А откуда ты вообще об этом знаешь?

– Ты просила страшилку? Я тебе ее рассказал.

– Да уж. – Зубы Жанны стукнули о край кружки. – Ты все это придумал?

Что-то произошло. Что-то неуловимо изменилось в комнате, словно лежавшая за пределами светлого круга от лампы тьма сгустилась и приготовилась броситься на них.

– Мне довелось поколесить по миру, – странным голосом ответил Леонид. – Я же занимался тропической медициной, ты не забыла? Повидал всякого...

Ей показалось, что он хотел сказать что-то еще, но остановился, словно зачарованный каким-то воспоминанием. Глаза его стали похожи на два темных суживающихся коридора.

– Иногда я тебя боюсь, – тихо сказала Жанна. Она не собиралась произносить это вслух – просто подумала. Но слова прозвучали – и ударили Леонида невидимым бичом.

Он вздрогнул и вдруг спрятал лицо в ладонях. Сначала Жанне показалось, что он плачет, но Леонид просто сидел, закрыв лицо руками. Наверное, боялся, что из глубины темных коридоров появится что-то жуткое.

– Леня, – тихо сказала Жанна. – Леня, ты чего? Ну, что с тобой?

Она поставила кружку на пол и, не выбираясь из-под пледа, передвинулась ближе к нему. Взяла его руки в свои, прижалась щекой. На этот раз его пальцы пахли не табаком, а каким-то теплым металлом. Жанна подумала, что так должен пахнуть еще не остывший после выстрела ствол пистолета.

– Ленечка, ну что ты... Ну, прости, я не хотела тебя обидеть... Ты иногда бываешь... очень странный, да... но я же знаю, что ты хороший...

Он осторожно высвободился. Посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом.

– Глупенькая ты девочка, Жанна. Неужели ты думаешь, я не понимаю, как выгляжу со стороны? Да я вообще был уверен, что ты здесь и двух недель не протянешь – сбежишь.... А ты осталась. И терпишь меня со всеми моими привычками...

Жанна решилась. Коротко взглянула на него, отвернулась и сказала негромко:

– Не только терплю...

Замолчала на полуслове. Главное произнесено. Теперь его очередь. Если только не откажется принять подачу. Ну, раз, два...

И принял-таки. Посмотрел на нее пронзительно и спросил:

– Ты – меня?

Жанна ответила не сразу. Вспомнила их первую встречу, все свои страхи и переживания, вспомнила, как он залился краской, увидев ее замотанной в полотенце, какими сильными были его руки, когда он нес ее вверх по лестнице... Тихо сказала:

– Тебя.

Обняла его за шею и ткнулась лицом в волосы. Сама, не дожидаясь, пока он раскачается. Хватит, три месяца ждала.

Почувствовала, как напряглись его мускулы под тонкой тканью рубашки. Приятно будет просыпаться утром и видеть рядом такое красивое тело. Ну, что же ты так напрягаешься, дурачок, я же тебя не съем... Ну, расслабься, пожалуйста, Леня, милый, что ж ты дрожишь, как малолетка на первом свидании?..

Он пытался ей что-то сказать, но Жанна запечатала ему губы своим маленьким жадным ротиком. Он все еще сопротивлялся, пытаясь вырваться из ее объятий, но делал это слишком нерешительно, видимо, боясь причинить ей боль. Сопротивление его слабело с каждой минутой, и наступил момент, когда Леонид все-таки ответил на ее поцелуй. Когда спустя минуту – или час – они оторвались друг от друга, до Жанны наконец дошло, о чем он все это время пытался ее спросить.

– Что «зачем», милый? – улыбнулась она, уверенная в том, что услышит в ответ. Но на этот раз она ошиблась.

– Зачем ты пригласила меня войти? – с усилием выговорил он. – Это твоя комната... Зачем ты меня впустила?

– Теперь это наша комната, Леня. Чего ты боишься, дурачок? Иди ко мне... вот так... ты мне очень нравишься, потому и впустила... и вообще, кого хочу, того впускаю... и туда в том числе...

– Не пожалеешь? – странно улыбнулся Леонид. Она готова была поручиться, что в глазах его плеснулась боль.

– А это уже от тебя зависит... постой, ты куда это собрался? Довел бедную девушку до белого каления, и в кусты? Эй, я так не играю!

Леонид осторожно высвободился из ее объятий. Выпрямился и обхватил ладонями ее голову. Жанна почувствовала, как его лицо погружается в Пушистое Белое Облако, как мягкие губы слегка касаются нежной кожи на темени...

Жанна хихикнула, и вдруг ее тело изогнулось в судороге небывалого, почти мучительного наслаждения. Молния, промелькнула мысль, это была молния. Только почему-то бьющая снизу вверх.

– Леня, что это? – спросила она тихо. Голова кружилась, в ушах стоял звон. Коленки дрожали, хорошо хоть под пледом это не бросалось в глаза. – Что ты со мной делаешь?

– Тебе понравилось? – спросил он, вынырнув из Белого и Пушистого. – Хочешь еще?

«Нет», – хотела сказать Жанна. «Второго раза я не переживу», – хотела она сказать. Но вместо этого зажмурилась и замотала головой – скорее утвердительно, нежели наоборот. Замерла, ожидая второго прикосновения, как удара. Сжалась в комок, когда его губы вновь дотронулись до нее там, наверху.

На этот раз все было по-другому. Вместо молнии, ударившей откуда-то из-под земли и ушедшей в потолок, накатила волна, теплая, тугая, захлестывающая с головой. Жанна растворилась в ней, а когда волна схлынула, обнаружила, что ее трясет, как в лихорадке, сердце готово выскочить из груди, а трусики мокры насквозь. «Ничего себе, – подумала она, с трудом приходя в себя. – Что же дальше-то будет, подумать страшно...»

Дальше, однако, не случилось ничего. Леонид уложил дрожащую, всхлипывающую от пережитого наслаждения Жанну на диван, заботливо укрыл пледом и нежно погладил по волосам. Затем до ее слуха донесся слабый щелчок – это Леонид выключил светильник-фламинго. Все погрузилось в темноту, и Жанну мгновенно закрутил водоворот сна.

8

– Классный плеер, – сказала Альмира, впервые увидев Жанну после новогодних праздников. – Откуда такая роскошь?

– Леня подарил, – небрежно ответила Жанна. – Правда, понтовый?

– Ле-е-еня, – со значением протянула Альмира. – Уже Леня. Когда же это случилось, дорогая? Под звон курантов?

– Отстань, – отмахнулась Жанна. – Каждый празднует, как может.

– По тебе видно, подруга. Ты, похоже, целую неделю бухала. Похудела, под глазами круги, бледная, как девушка с косой... Ну-ка, дыхни... странно, а выглядишь так, словно тебя насквозь проспиртовали.

Жанна отвернулась и отгородилась от зануды Альмирки наушниками плеера. После возвращения из Софрино она не брала в рот ни капли спиртного. А круги под глазами... не такие уж они и заметные, особенно под слоем пудры. Конечно, если не спать ночи напролет, урывая минуты для отдыха только днем, между приготовлением еды и уборкой, появятся и круги... А что делать, если Леня уже к семи утра становится сонным и вялым, не способным даже на то, чтобы самостоятельно завесить окно шторами? Однажды под утро они уснули прямо на диване в ее комнате и проспали почти до обеда. Жанну вырвал из забытья

крик боли. Кричал Леня – он сидел на диване, с головой закутавшись в одеяло, а на лице у него распухал огромный розовый волдырь. Такие же волдыри покрывали его руки и плечи. Перепугавшаяся Жанна отвела его в ванную, дрожащими пальцами нанесла на кожу прозрачный гель из тюбика (тюбик был странный, весь исписанный какими-то замысловатыми иероглифами), забинтовала пораженные места стерильным бинтом и помогла добраться до кабинета. Войти внутрь он ей не позволил. Еле выговорил «спасибо» и исчез за дверью.

Целый день ей было не по себе из-за этого странного происшествия, она перерыла все свои учебники, но так и не поняла, что же спровоцировало аллергию. Вечером, однако, выяснилось, что от страшных волдырей не осталось и следа: кожа у Лени вновь стала чистой и мягкой, как у младенца, он вообще выглядел лучше, чем обычно, словно помолодел. Объяснил, что иногда такую реакцию могут вызвать обыкновенные солнечные лучи, и предложил повесить в Жанниной комнате плотные шторы. Теперь там было сумрачно даже днем, как и везде в квартире, но Жанне это не мешало. Дни для нее слились в одну плотную серую череду, скрывавшую фантастическое великолепие ночных праздников. Возясь по хозяйству, пытаясь листать учебники или проваливаясь в короткий, не приносящий отдыха сон, она думала о том, как наступит вечер и ее мужчина выйдет из своего кабинета, подтянутый, свежий и элегантный, поцелует ей руку и скажет что-нибудь ласковое... Потом они сядут ужинать, и она будет любоваться ловкими движениями его тонких пальцев, смотреть, как двигаются его губы, подавать ему салфетку... и чувствовать себя счастливой, абсолютно, нереально счастливой... А потом они пойдут в гостиную и поставят какую-нибудь тихую музыку, и он расскажет о своих странствиях в далеких краях... а еще позже они окажутся в ее комнате, и там, в полутьме, ее мужчина вновь прикоснется к ней и подарит мгновения небывалого блаженства...

Но Альмире этого не объяснишь. Даже если попытаться рассказать все как есть – ну что она может понять? Тупая, серая скотинка, как и все вокруг...

9

До зимних каникул Жанна дотянула с огромным трудом. Заниматься днем удавалось все меньше и меньше, в сон тянуло после первой прочитанной страницы. Если бы не Леня, написавший за нее две курсовые и подтянувший ее по биологии, сессию она завалила бы.

Все каникулы Жанна не выходила на улицу. Попыталась как-то пойти за продуктами на рынок, но на полдороге ей стало плохо, и она, чтобы не упасть, прислонилась к фонарному столбу. Тут же подскочил прилично одетый господин средних лет, участливо наклонился к ней: «Женщина, вам плохо?» Жанне, несмотря на полуобморочное состояние, стало смешно: ее еще никогда не называли женщиной. Помотала головой: нет, мол, нормально, отвали, дядя, – кое-как отдышалась, приплелась домой. Было очень муторно и обидно, хотелось выплакаться Леониду в плечо, но он, как обычно, спал в своем кабинете. Жанна едва удержалась, чтобы жалобно, побитой собакой, не поцарапаться в дверь. Вечером, когда она по возможности с юмором поведала ему эту историю, Леонид сказал:

– Все, Жанночка, похоже, ты перетрудилась. Давай-ка избавим тебя от походов за продуктами. В квартале отсюда недавно открыли ночной магазин, все необходимое я буду закупать там. А тебе надо побольше спать, ты совсем вымоталась за эту сессию.

Жанна разнылась, что ей не в кайф спать одной, что она хочет все время чувствовать его рядом, и упросила Леонида переехать из кабинета в ее комнату. Он долго сопротивлялся, но потом все же уступил, напомнив ей про необходимость плотнее закрывать шторы.

С этого момента для Жанны наступил вечный праздник. Днем она, сделав несложные домашние дела, ощупью пробиралась в свою комнату, где на широком диване спал Леня, раздевалась и забиралась к нему под одеяло, обнимала его, прижималась всем телом и, успокоившаяся и умиротворенная, засыпала. Просыпалась Жанна обычно от легкого прикосновения его ладони к своим волосам – как правило, Леня не целовал ее в темя, когда она спала, но однажды такое все же произошло, и пробуждение показалось ей сказочно прекрасным. Правда, встать после этого она не сумела: в ноги словно натолкали ваты, от низа живота к шее распространялось обессиливающее тепло. Леонид принес ей ужин в постель, покормил с ложечки, как младенца, а потом убаюкал, держа ее окутанную Пушистым Белым Облаком голову у себя на коленях.

Есть Жанне почти не хотелось. Иногда она могла ограничиться одним апельсином в день – желудок не протестовал, принимая такую диету как должное. Леня готовил ей свои травяные отвары, помогал держать тяжелую кружку в ставших почти прозрачными ладонях. Жанна стала проводить в кровати почти все время, поднимаясь только для того, чтобы умыться и сходить в туалет. Ей впервые пришло в голову, что квартира могла бы быть и поменьше: путь через гостиную и коридор отнимал слишком много сил.

Однажды она проснулась и поняла, что лежит не на диване, а на жесткой и узкой кровати. Леонида рядом не было, а в воздухе витал смутно знакомый запах лекарств.

Мысли ее путались, она не могла точно определить, что ее окружает – явь или сон. «Я заболела, – подумала Жанна и неожиданно обрадовалась такому простому объяснению. – Я заболела, а Леня меня лечит...» Она позвала: «Леня», – но из горла вырвался только слабый жалобный стон. Тогда Жанна снова закрыла глаза и попыталась заплакать. Слез не было.

Леня разбудил ее, проведя ладонью по ее волосам. Она замерла от счастья, глядя в его сияющие, искрящиеся жизнью глаза. «Ты красивый, – хотела сказать ему Жанна. – Я люблю тебя». Но голос по-прежнему не слушался ее. Она шевельнула губами, и Леонид поднес к ее рту дымящуюся кружку с травяным настоем.

«Я не хочу пить», – попыталась сказать Жанна, но он не услышал. Она сделала несколько глотков, чувствуя, как горячая жидкость прожигает ее истончившееся тело насквозь. Потом закашлялась, и Леня заботливо вытер ей губы пахнущим валерьянкой платком.

Он постоял немного, глядя на нее сверху вниз, наклонился, обхватив ее голову ладонями, зарылся лицом в волосы и безошибочно нашел губами то самое место на темени.

Над миром, сузившимся до размеров полутемной, пропахшей лекарствами комнаты, поднялась сияющая всеми цветами радуги волна.

Поднялась и гремящей лавиной обрушилась вниз, поглотив плавающую в океане блаженства Жанну.

10

Голоса доносились откуда-то издалека, с трудом пробиваясь через вязкий туман. Жанна открыла глаза – это движение почти обессилило ее. Но с открытыми глазами она почему-то слышала лучше.

– Полгода у вас жила. – Высокий женский голос, отчего-то смутно знакомый. – И теперь вы не знаете, где она?..

– Уверяю вас... – Мужской голос, тихий, но внятный, она тоже знала. Когда-то. Вспомнить, кому он принадлежал, казалось непосильной задачей. – Давно ничего не знаю...

Жанна вздохнула – глубоко в легких что-то засвистело, в горле неприятно булькнуло. Пересохшие губы трескались от ее горячего дыхания.

– С февраля в училище не была! – Женщина почти кричала. – Мне

педагоги обзвонились... вот и Альмира подтвердит: после каникул ни разу ее не видела...

Альмира. Миллион лет назад Жанна слышала это имя. Кого же так звали? Она попыталась сосредоточиться – бесполезно. В голове была вата – много-много белой, пушистой и мягкой ваты. Очень хотелось спать. Спать и не слышать этого грубого, громкого, визгливого голоса, бесцеремонно нарушающего ее покой. Как же они громко кричат! Что им здесь нужно?

– Ты, дядя, нас за лохушек-то не держи! – вмешался молодой, энергичный и наглый голос. – Ты думаешь, мне Жанна про тебя ничего не рассказывала? Вот пойдем сейчас в милицию и заяву на тебя накатаем: мол, педофил ты, дядя, заманиваешь молоденьких девочек к себе под видом бесплатной сдачи комнаты, а потом, может, на кусочки разделываешь и в унитаз спускаешь... ой, извините, Ольга Сергеевна...

Ольга Сергеевна? Еще одно имя за завесой темноты... Жанна опустила веки: глаза почему-то стали влажными.

– Если я не брал с Жанны денег, это еще не значит, что она жила здесь бесплатно, – спокойно возразил тихий голос. – Мы сразу договорились, что она будет помогать мне...

– В чем? – перебила молодая и наглая.

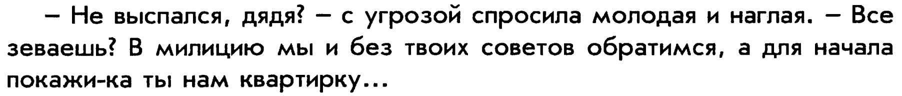
– Ухаживать за моей больной матерью, – невозмутимо продолжал мужчина. – Это очень нелегкое занятие, уверяю вас, и оно, безусловно, стоит тех денег, которые я мог бы получить от сдачи внаем одной комнаты...

– Что ж она мне про твою мать ничего не рассказывала? – ехидно поинтересовалась молодая. – Всеми секретами делилась, а про то, как за больной ухаживает, – ни слова?

– Это входило в наш договор, – терпеливо объяснил тихий голос. – Жанна не должна была сюда никого приводить. Не должна была никому рассказывать о том, что здесь делает.

– Почему это?

– А вам не кажется, что каждый человек имеет право на частную жизнь? Предположим, мне не хочется, чтобы окружающим было известно, в каком состоянии находится моя мать. Она действительно очень тяжело больна, и обслуживать ее нелегко. Скажу откровенно: я думаю, Жанна уехала, потому что не выдержала свалившегося ей на плечи бремени. Мне она ничего не объяснила. Просто собрала вещи и уехала, пока я спал. Вы, разумеется, можете обратиться в милицию – я думаю, вы просто обязаны это сделать, хотя я надеюсь, что с вашей дочерью не случилось ничего страшного...



Голос вдруг растянулся, поплыл, слова стали слышны нечетко.

– Не выспался, дядя? – с угрозой спросила молодая и наглая. – Все зеваешь? В милицию мы и без твоих советов обратимся, а для начала покажи-ка ты нам квартирку...

– Постарайтесь обойтись без хамства, Альмира, – посоветовал мужчина. – Оно вам не к лицу. Что ж, не могу сказать, что мне это будет приятно, но, учитывая ваше положение... Я покажу вам, где жила Жанна.

Голоса удалялись, затихали. Тишина снова обволакивала Жанну, затягивала в глубокие белые пустоты сна.

Скрипнула дверь. Этот звук вырвал Жанну из забытья, в которое она все-таки провалилась. Сердце тяжело бухало в груди, как часто бывает при внезапных пробуждениях, безжалостно разрывающих радужную ткань сна.

– Вы хотели видеть мою мать, – услышала Жанна. – Смотрите, только очень прошу вас – тихо. Она спит...

– А вот спросить бы у нее, – свистящий шепот принадлежал все той же молодой девушке, которую звали Альмира, – когда она последний раз Жанну видела...

– Спросить вы, разумеется, можете. – Мужчина был по-прежнему терпелив и вежлив. – Но ответа не получите. Моя мать, к сожалению, страдает очень тяжелой формой болезни Альцгеймера, в просторечии называемой склерозом. Кроме того, она уже давно не говорит...

Кто-то подошел почти вплотную к кровати Жанны. Скрипнули половицы.

– Эй, вы меня слышите? Слышите меня?

– Не лезь ты к больному человеку, – сказала женщина, стоявшая, судя по всему, у самой двери. – Видишь же – спит она... Старенькая она у вас, седая совсем... Сколько же ей лет?

– Меньше, чем кажется, – сухо ответил мужчина. – Ну, ваше любопытство удовлетворено, наконец? Вы убедились, что Жанны здесь нет?

Он снова зевнул. Бедный, подумала Жанна, ему, наверное, тоже до смерти хочется спать, а они прицепились к нему с какой-то Жанной... Жанной... это же меня звали Жанна – когда-то давным-давно, когда я жила совсем в другом месте, где было светло и красиво и всегда пахло цветами и свежестью... и я любила кого-то... почему я ничего не помню?

– Пойдем, Альмира, – сказала женщина у двери. Голос ее погас, стал бесцветным и тихим, словно из него ушла вся жизнь. – Пойдем, не тревожь больного человека...

Жанна открыла глаза. Ярко горела лампочка под потолком, и в ее безжалостном свете она увидела девушку со смутно знакомым скуластым лицом, сидевшую на корточках напротив кровати, высокого мужчину, стоявшего у нее за спиной, и худую сутуловатую женщину с измученными, больными глазами. Все трое смотрели на нее, словно чего-то ожидая.

– Мама, – прошептала она, чувствуя, как из глаз начинают литься крупные неудержимые слезы, – мама...

– Ничего она нам не скажет. – Женщина отвернулась. – Пойдем, Альмира, только время зря тратим...

– Это я... – Жанна постаралась произнести это, но получился неразборчивый шепот. – Это я – Жанна...

– Ну, извините, – с сожалением сказала Альмира, выпрямляясь во весь рост и зачем-то отряхивая колени. – Да, не хотелось бы мне заболеть склерозом... В милицию мы все равно обратимся, имейте в виду, – повернулась она к мужчине.

– Не буду вам препятствовать, – ответил мужчина и снова зевнул. – Но на сегодня, надеюсь, у вас все?

– До свидания, – Альмира вдруг вновь наклонилась и заглянула Жанне прямо в глаза. – Не сердитесь на нас, хорошо?

Скрипнули половицы, щелкнул выключатель – свет погас. Где-то невообразимо далеко стукнула, закрываясь, тяжелая дверь. Заснуть, подумала Жанна, скорее заснуть и убежать от этого тягостного, непонятного бреда в покой, тишину и пустоту...

Видимо, ей это удалось, потому что когда Жанна вынырнула из забытья в следующий раз, во рту у нее было сухо и мерзко, как после долгого сна. Жанну разбудили странные звуки: кто-то, сидевший у нее в ногах, всхлипывал, закрыв лицо руками. Сначала она не могла разобрать ни слова, но временами прерывистое бормотание становилось понятнее, и тогда ей казалось, что она различает целые фразы.

– Прости, прости меня... я не хотел этого... не хотел... все получилось совсем не так... я не смог остановиться... почему, ну почему ты разрешила мне войти?..

Он хныкал, подвывая, словно обиженный ребенок, и Жанне вдруг стало смешно. Когда-то, миллион лет назад, совсем маленькой девочкой она играла во дворе с соседским мальчишкой в снежки и случайно засветила ему твердым белым шариком в глаз. Мальчишка заплакал, поскуливая, словно щенок, прижав обледеневшую варежку к пострадавшему глазу, и, глядя на него, Жанна не смогла удержаться от смеха. Почему она вспомнила об этом сейчас?

– Мне казалось, что если я люблю тебя, тебе ничего не грозит... с другими было не так, они всегда оставались просто едой... а ты... ты была такой чистой, такой светлой... я боялся за тебя... не хотел заходить на твою территорию... берег... Я берег тебя! – с обидой воскликнул он. – Охотился по ночам, ел только на стороне... А ты... ты сама, своими руками... – Он снова всхлипнул.

«Уходи, – сказала ему Жанна. – Я не люблю плачущих мужчин».

Она произнесла это мысленно: язык не слушался ее, из горла вырывалось только прерывистое горячее дыхание. Но он каким-то образом услышал – прекратил рыдать, выпрямился и быстрым плавным движением переместился ближе к ней. Теперь она видела его лицо. Красивое, бледное лицо, обрамленное длинными черными кудрями. Огромные, широко распахнутые глаза.

– Жанна, – сказал он очень ласково. – Жанна, девочка моя...

Ледяная ладонь легла на обтянутый пергаментной кожей лоб, взъерошила высохшие, словно солома, седые волосы. Рука чуть заметно вздрагивала, и это было неприятно Жанне.

– Прости меня, любимая. Как жаль, что источник почти иссяк...

Он наклонился и легко коснулся губами ее морщинистой кожи.

– Сейчас ты заснешь, девочка. Заснешь и увидишь очень хороший сон. Ты будешь спать долго... и увидишь себя самой красивой, самой счастливой и любимой девушкой на Земле... Спи, моя хорошая... Я буду с тобой... я буду с тобой всегда...

И она послушно закрыла глаза.

11

«ПРИГЛАШАЮ сиделку для ухода за тяжелобольной. Требования: МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА, медицинское образование желательно, возможна подмосковная прописка или регистрация. Звонить ПОСЛЕ 19.00. Леонид».

Александр Марков

МЕССИЯ

Рискнем предположить, что даже те, кто не читал дебютного романа Александра Маркова «Там, где бродит смерть...» («альтернативка» о Первой мировой войне), почти наверняка знают, как выглядит его автор. Дело в том, что он работает специальным корреспондентом на телеканале ТВЦ и занимается политическими новостями. Из Кремля перемещается в Госдуму, из Южной Африки — в Пакистан. Где при таком графике работы можно найти время на сочинительство, абсолютно непонятно. А ведь написан уже и второй роман («Локальный конфликт», скоро должен выйти в издательстве «Вече»), и рассказы. Между прочим, рассказы у этого автора неожиданные и нетривиальные, фантастические события происходят в них как бы за кадром, писательское же внимание приковано к тому, как исподволь, почти незаметно начинает меняться жизнь обычных людей. В принципе таков и рассказ «Мессия», хотя его главного героя обычным человеком назвать никак нельзя.

Они пришли с юга. Примерно двадцать изможденных фигур, которых Тимор и людьми-то назвать побоялся бы. Больше они походили на восставшие из могил скелеты, обтянутые только бледной кожей, да еще грязными лохмотьями, защищавшими от холода, наверное, так же плохо, как осенью листья защищают от холода деревья.

Было слишком рано. В поле еще никто не вышел.

Тимор увидел их первым. Ему не спалось. Дом его родителей располагался на окраине деревни, и в тот момент, когда фигуры раздвинули утренний туман, Тимор сидел на крылечке, о чем-то мечтал, а голова его была повернута как раз в их сторону.

Он смотрел, как они приближаются. Нужно бы броситься помочь, но им овладела какая-то апатия.

Первый шел, опираясь на длинный шест с прикрепленной сверху тряпкой из такой тяжелой ткани, что ветер лишь чуть колыхал ее. Некогда она, вероятно, была яркой, но теперь цвета потускнели, вся она обтрепалась, порвалась и местами обгорела.

Зачем ему шест, понять было еще можно. Чтобы опираться при ходьбе. Но тряпка-то для чего? Она не укроет ни от снега зимой, ни от дождя осенью, ни от солнца летом.

Одежда их тоже была странной. Кое-кто напялил на себя ржавые панцири, точно на черепаху хотел походить. Но тогда делать их надо было никак не из железа, да и передвигаться не на двух ногах, а на четырех. Иногда, правда, они падали и ползли, но и тогда с черепахами их роднила только скорость передвижения. Других покрывала чешуя, но не блестящая, как у рыб, а потускневшая, слегка зеленоватая. Видать, эти возомнили себя ящерицами. Ну, а третьи... рубахи у них были сделаны из множества маленьких скрепленных меж собой колечек. Тимор и припомнить не мог таких зверей.

Теперь у него не было никаких сомнений. Никогда прежде не видел он этих людей. А ведь он знал всех, кто населял этот мир. Выходит, ошибался. Хотя пришли они с юга, а там, насколько знал Тимор, до самых гор, вершины которых упирались в небеса, нет не то что ни одного поселения, а даже домика пастуха или отшельника. Ничего там нет. Там мир заканчивается.

Ветер переменился, стал дуть в спины людей, немного подгоняя их. Он принес такой отвратительный запах, что Тимор поморщился, задержал дыхание, а потом отвернулся. Это был даже не запах давно не мытых тел. Нет. Запах был гораздо хуже. В нем ясно слышался аромат гнили, будто люди эти действительно были вставшими из могил полуразложившимися мертвецами, а если присмотреться, то окажется, что вместе с лоскутами от них отваливаются и куски плоти.

Не дойдя до Тимора метров десять, человек с шестом остановился, потом покачнулся. Его толкнули в спину. Те, кто шел позади него, смотрели только себе под ноги.

Глаза у него не провалились в череп только из-за того, что были слишком большими и застряли в глазницах.

– Чего сидишь?

Голос у него оказался хриплым. Произнеся эти слова, он закашлялся, на губах выступила розовая пена, полетели какие-то ошметки. Похоже, вместе со словами он выплевывал наружу еще и свои легкие. Ему надо было быть очень экономным и говорить только самые нужные слова, ведь легких надолго не хватит.

– Жрать тащи. Побыстрее.

Мысли в голове Тимора перепутались. Он вскочил, отшатнулся, но обернуться не успел. Спина и плечо его натолкнулись на что-то крепкое, и это была не стена и не дверь дома. Сзади стоял отец. Он появился так тихо, что Тимор этого не заметил. Доски под ногами не за-

скрипели, дыхание не ощущалось. Тимор не знал, сколько отец уже стоит здесь и слышал ли он слова человека с шестом.

– Подожди! – это отец сказал Тимору, а потом уже заговорил с обладателем шеста: – Все вы в доме не поместитесь. Часть может остаться здесь, другие могут пойти к моим соседям.

– Да знаем мы таких доброхотов. Напоите каким-нибудь зельем, а потом всех поодиночке перережете. Нет. Мы пока все здесь останемся. Тащи жратву сюда. Здесь есть будем.

– Хорошо.

– Кто это? – тихо спросил Тимор. Страшно ему не было.

– Я не знаю, – ответил отец. Лицо его было скорее напряженным, чем настороженным.

– О чем вы там шепчетесь?! – закричал человек с шестом.

– Мой сын спросил меня, кто вы. Я не смог ему ответить. Я не знаю, кто вы и откуда пришли.

– Так надо было у нас об этом спросить, – засмеялся человек с шестом. Но продолжалось это недолго, потому что он тут же схватился за живот, и его прямо-таки скрутило от боли. Шест он не отпустил. Когда боль немного улеглась, выпрямился.

– Так откуда вы пришли? – спросил отец.

– Из-за гор.

– Из-за гор? Там что-то есть?

– А ты не знал? Там огромная страна.

Отец ничего не мог сказать в ответ. Само появление этих людей доказывало существование неведомых земель, в которых они родились и жили. Но это означало, что модель мира меняется. Прежде считалось, что он окружен горами, словно цветок в горшке, а за его пределами – пустота. Но выходило, что эта модель неверна. Привычный уклад мог теперь измениться. Отцу от таких мыслей стало грустно. Изменения редко приносят что-то хорошее. Обычно от них одни беды и неприятности.

Сердце у Тимора защемило. Он стал гнать прочь плохие мысли.

Где же раздобыть столько еды, чтоб хватило на всех? Придется в подвал наведаться. На полках поискать. Но всё не донесешь. Рук не хватит, а старейшины категорически запретили отращивать дополнительные. Это табу, и вообще внешность человека изменять нельзя. Небольшое послабление было сделано для женщин. Им разрешалось обманывать старость.

О помощи, что ли, попросить?

– Постой-ка, ты хочешь сказать, что вся эта долина окружена горами?

Вопрос был глупым. Человек с шестом и сам бы мог на него ответить, стоило ему только провести взглядом справа налево. Небо было прозрачным. Но человек ленился.

– Наивное заблуждение, – протянул он, потом сказал себе под нос, так что его почти никто не услышал: – Так значит, мы в ловушке... – Посмотрел на отца. – Ты хочешь сказать, что из чужих сюда никто не заходил.

– Нет, никто и никогда, я же говорю, что...

– Ладно, ладно, это я уже слышал. Сколько здесь живет человек?

– Четыреста сорок шесть.

– Неплохо, неплохо. – Настроение у человека с шестом стало улучшаться, а то он совсем было скис, когда узнал, что долина окружена кольцом гор. Он обернулся и сказал своим спутникам: – Райское местечко. Стоит здесь обжиться и отсюда устраивать набеги. Если на перевалах организовать посты, то сюда вообще никто не дойдет.

Он один остался на ногах – наверное, из-за того, что у него, помимо ног, была хоть какая-то опора. Отпусти он шест, тоже упал бы на землю, как и его спутники.

– Ага, – засмеялись ему в ответ, – хорошее местечко.

– Что за странная вещь у тебя в руках? – спросил отец.

– Это? – Человек оглядел свой шест снизу доверху, задержался на тряпке, вновь посмотрел на отца. – Это штандарт моего легиона. Пока он с нами – легион жив.

Он слишком легко отдал тайну о том, где пряталась его жизнь. Опрометчивый поступок.

– А-а-а, – понимающе промычал отец. Он подумал, что жизни этих людей привязаны к штандарту и если он сломается, сгорит там или еще какая напасть с ним приключится, все они тут же умрут. – Ценная вещь.

– Да.

Тимор заметил, что у человека на груди вышит точно такой же зверь, что и на штандарте. Может, на груди у него тоже хранилась часть жизни? Что же, это разумно. Тогда он не умрет, если потеряет штандарт.

Мать еще вчера вечером ушла к родственникам в соседнюю деревню, обещала вернуться лишь к полудню, однако наверняка задержится. Она-то быстро наготовила бы разной снеди, но в доме осталась только сестра Тимора – Дейра, а она в готовке не блистала. Зато на танцах ей равных не было, да и внешностью природа не обделила. Она очень красива. Вечерами под окнами дома собираются ее поклонники, горланят песни и мешают спать. Приходится отцу выходить из дома и просить их помолчать. Они слушаются, поскольку не оставляют надеж-

ду жениться на Дейре и не хотят с будущим родственником ссориться. Тимору они дарят всякие безделушки: может, он чего хорошего сестре про них расскажет. Но Дейра держит их на расстоянии. Похоже, она еще не определилась. Не стоит спешить.

Дейра сложила в плетеную корзинку несколько еще теплых буханок хлеба, овощи и фрукты, но этим не то что всех – половины оборванцев не накормить. Еду они вырывали друг у друга, чуть не подрались, а одну буханку раскрошили. Куски хлеба пришлось поднимать с земли.

Человек с шестом прикрикнул на них. Только тогда они перестали ссориться. Разделили еду поровну и принялись ее уничтожать. Уничтожали очень быстро.

– Кто вами управляет? – Он не спешил забивать рот едой, будто и голоден не был.

– Управляет?

Тимору сделалось чуть обидно из-за того, что отец опять не может ответить на вопрос. Он думал, отец знает все, а выходит, что нет. Впрочем, вопрос действительно был очень странным. Все равно что спросить: «Кто управляет восходом или закатом солнца? Кто разбрасывает осенью дождь, а зимой – снег и кто смотрит за тем, чтобы на горных вершинах он оставался всегда?» А может, это действительно кто-то делает? Тимор даже задрожал от такой мысли.

– Никто не управляет.

– Что же, и армии у вас нет? Скажем, небольшого отряда для подавления волнений и охраны границ?

– Зачем?

– И верно, зачем... От кого вам защищаться? Вы ведь в мире и согласии живете?

– Да.

– Отлично.

На сей раз слова дались ему с трудом, и когда он произнес их, то снова закашлялся, утер ладонью выступившую на губах пену. Для этого ему пришлось-таки отпустить шест. Человек не удержался на ногах и сел. Вся его сила заключалась в этом шесте. Что же с ним будет, если шест отнять?

– Где можно отдохнуть мне и моим людям?

– В доме мест для всех не хватит. Можно в сарае. Там мягкая солома. На ней можно простыни постелить или одеяла. Будет удобно.

Отец подошел к своему собеседнику. Гнилью несло от его ноги, обмотанной чуть выше колена грязной тряпкой, пропитавшейся кровью и гноем. Они засохли, тряпка срослась с кожей, без длительного вымачивания не оторвешь.

Отец присел рядом, покачал головой, поцокал языком.

– У тебя гангрена.

Похоже, человек слышал это слово. Оно показалось ему очень страшным. Прежде он держался, а теперь весь съежился, попытался убрать обратно в сапог высунувшиеся из дырок на носке, почерневшие на кончиках пальцы с отслаивающимися, как чешуя, ногтями.

– И что дальше?

Рана-то была пустяковой. Он получал и посильнее, но эту никто не обрабатывал – так, наспех обмотали тряпками, вот она и воспалилась.

– Будет немного больно.

– Немного?!

Он стискивал зубы, чтобы не кричать. Становилось понятно, что боль он испытывал всегда – и когда говорил, и особенно когда шел, потому что каждый шаг был для него пыткой. Но у него не было выхода. Он проиграл битву, и враги гнали его на север, как собаки, преследующие дикого зверя. Это действительно походило на охоту. Попадись он им в руки, то стрелой не отделался бы. С ним бы позабавились более изощренно. Палачи накопили немалый опыт и могли сохранять в человеке жизнь несколько дней, не переставая ни на минуту пытать его.

Отец провел ладонями по ноге. Над повязкой задержался и стал делать круговые движения. Его собеседник воспринял это с настороженностью, но, чувствуя, что боль его отпускает, расслабился.

– Ты врач? – Впервые за две недели ему было так хорошо.

– Нет. Странно, что ты довел организм до такого состояния.

– У меня не было времени заниматься раной.

– Разве вы не умеете регенерировать?

– Нет. – Похоже, человек не понял, о чем его спрашивают. Теперь пришел его черед удивляться.

– Да, тяжело вам жить.

– Жить вообще нелегко.

– Я пойду посмотрю, что с остальными.

– Посмотри. Обрати внимание вон на того. – Он показал на одного из своих людей. Грудь у него была обмотана тряпками. Сам он передвигаться не мог, товарищи тащили его на руках, а ноги его волочились по земле и оставляли после себя извилистый след, словно две тяжелые змеи. Он все время находился в забытьи. – Его «утренней звездой» ударили... – Когда предводитель увидел, что отец его не понимает, он пояснил: – Ну, это такая круглая штука с железными шипами. Обычно крепится к древку цепью. Опасная вещь. Щит редко выдерживает ее удары. А у него, – он опять кивнул в сторону раненого, – доспехи были хорошие. Очень хорошие. Из карарской стали. Удар они выдержа-

ли, но рана все равно получилась не приведи Господь. Не знаю, почему он еще жив.

Он воткнул штандарт в землю перед сараем.

– Да, забыл тебя спросить, – вновь обратился он к отцу, когда тот уже осматривал остальных чужаков. – Как называется это место?

– Рай.

– Просто и со вкусом. Не думал, что когда-нибудь попаду сюда. Мне, скорее, заказана дорога в другое место, а уж то, что я хозяин здесь буду... м-да, кто бы мог подумать...

Они оставили возле сарая двух человек. Те присели по обе стороны от двери и старались не смыкать глаз. Получалось это у них очень плохо. Периодически кто-то из них или оба сразу впадали в полубессознательное состояние, головы их клонились книзу, подбородки упирались в края панцирей, шейные позвонки начинали затекать, и тогда они просыпались. При желании нагнать на них сон, который не выпустит их, даже если рядом ударит гром, мог и ребенок.

Тимору надоело смотреть, как они мучаются. Он послал им легкий сон с приятными сновидениями. Из сарая доносился храп. Звук этот выбирался из-под дверей, просачивался в щели. Иногда он прерывался вскриками. Кому-то снились кошмары.

Слух о том, что в долину пришли новые люди, быстро облетел деревню. Ее жители стали собираться неподалеку от сарая, да приходили не с пустыми руками. Прослышав, что пришельцы отощали и проголодались, несли с собой караваи хлеба, овощи и фрукты, складывая снедь на крылечке. Вскоре там выросла приличная горка.

– Кто они? – спрашивали отца.

– Я не знаю. – Почти все были ранены. Отцу пришлось лечить их, и он немного устал. – Сами смотрите.

И они смотрели на двух спящих оборванцев, сидевших возле сарая – один в обнимку с топором, а другой с палкой, к концу которой прикреплен обоюдоострый нож, – смотрели, о чем-то перешептывались, чтобы не потревожить спящих, крадучись подходили поближе и морщились от запаха давно не мытых тел.

– Надо их в баню сводить, когда проснутся, – слышались с разных сторон советы.

– Лучше вначале покормить, а потом в баню.

Они проснулись разом, когда начало смеркаться, а заходящее солнце окрасило красным вершины гор. Сперва потягивались, протирали слипавшиеся глаза, а потом увидели людей, схватили выпавшие из рук топор и палку с ножом, выставили их вперед, и в глазах у них появил-

ся страх. Сон из них испарился: все-таки сарай окружала внушительная толпа. Здесь собралось чуть ли не все население этого мира, даже старики, которые редко выбирались дальше собственного сада, притащились, а родители принесли грудных младенцев, словно те могли что-то рассмотреть и запомнить. Но, скорее, просто оставить дома их было не с кем.

Стражники обменялись взглядами, после чего тот, кто стоял справа, бросился в сарай, а другой чуть сместился, занимая положение прямо по центру двери.

Из сарая донесся звон железа, разговоры, удивленные возгласы. Изнутри к щелям припало несколько человек. Они смотрели на улицу, фигуры их угадывались с трудом, зато глаза были хорошо различимы.

Из сарая вышел только один человек – тот, что принес штандарт. Он протер глаза – то ли сон прогонял, то ли увиденному не верил, – но стереть всю эту толпу ему так и не удалось. Он понял, что все происходит на самом деле.

Численный перевес был явно не на его стороне. Но он был уверен, что любой из его солдат, прошедших с ним через множество стычек и сражений, в бою стоит больше, чем все эти люди. Мужчины, женщины, дети – все едино. Он видел драки, когда малолетки, которые, может, и ходить-то научились совсем недавно, с упоением острыми серпами перерезали горла у раненых солдат, а женщины обступали рыцарей, стаскивали их с коней крюками, а потом, когда те пытались встать с земли, молотили по ним все теми же крюками, да цепами, будто зерна из колосьев выбивали. Из-под доспехов только кровь текла. Такая густая кровь. Говорят, на месте боев земля становится плодородной, если, конечно, освободить ее от железа, а мертвые тела либо убрать, либо закопать поглубже.

– Я рад, что вы здесь собрались. Я, Аалон Хорден, повелитель Магденской пустоши и Каменного града, отныне присоединяю Рай к своим владениям и буду править здесь, защищая эти земли от врагов, а вы будете мне повиноваться.

Он не стал говорить о том, что и Магденская пустошь, и Каменный град уже не принадлежали ему. Он увидел гору принесенной еды, улыбнулся. Их приняли крайне дружелюбно. В другом месте чужаков еще до того, как они отдохнут, отойдут от трудного перехода и наберутся сил, подняли бы на вилы от греха подальше, а то хлопот потом не оберешься. Невольно подумалось: может, они на самом деле не одолели эти горы и замерзли там, а теперь попали на небеса? Или они сами дошли до небес?

– Завтра приходите строить замок, – закончил Хорден.

Но на следующий день никто не пришел. Жизнь в деревне катилась по прежнему руслу. Кто-то отправился в поле, кто-то работал в мастерских, а женщины – по хозяйству. Над домами, вырываясь из печных труб, неприкрытых окон и дверей, растекались запахи свежеиспеченного хлеба.

Проснувшись, Аалон Хорден почувствовал, что полностью восстановил силы, потерянные во время битвы, а особенно во время перехода через горы. Кожа его стала мягче и уже не приклеивалась к костям, потому что под ней начала накапливаться жировая прослойка. Он стряхнул с себя несколько соломинок, выбрался из сарая.

Дышалось легко. Легкие совсем не болели, огонь в них потух. Он больше не выплевывал кусочки плоти вместе с розовой пеной. Сдается, воздух здесь целебный и полезнее для организма, чем вода и грязь любого из известных курортов.

Низко висевшее небо походило на крышу, а горы – на стены огромного дома.

Солдаты сбились в кучку. Они что-то обсуждали, но как-то очень спокойно, без ругани и драк. Такое поведение было им совсем не свойственно.

– Командир, они построили нам дома, – сказал солдат. Кажется, его звали Пратосом, но Аалон Хорден уверен в этом не был, потому что вчера солдат напоминал ходячий скелет, а теперь вполне мог сойти за человека.

– Да? И где же?

– Вот же они! – Солдат показал на несколько стоящих на окраине деревни домов – прочных и добротных, как и всё здесь, но без излишеств, будь то горгульи на фасадах или резные наличники на окнах.

Аалон Хорден посмотрел на дома. Потом на солдат – те были без оружия. Нахмурился.

– Где ваши доспехи и оружие?

Голос его посуровел. Ему не нравилось, что солдаты расслабились. Ему не нравилось, что местные жители не выполнили его приказания. Они еще не поняли, кто теперь здесь хозяин. Похоже, им надо это еще раз объяснить.

К сараю прислонили копья, мечи и палицы, рядом сложили кучкой доспехи. Не все сохранили оружие во время перехода. Растеряли его по дороге. Теперь его, наверное, снегом занесло – ищи не ищи, все равно не найдешь. Если только не примешься просеивать снег сквозь сито, как золотоискатель – песок.

Отряд выстроился возле командира.

Прежде изможденные лица солдат походили друг на друга. Теперь,

после отдыха, они вновь обрели индивидуальные черты. Но уставшими солдаты были страшнее. Тогда от них враг бы побежал, как от смерти, а сейчас нет. Придется прятать лица за масками и шлемами... Еще до того, как Аалон Хорден стал пересчитывать своих людей, он понял, что двоих не хватает.

– Где Олаф и Грааб? – Он окинул взглядом отряд. – Кто дежурил ночью? Два шага вперед.

Их встретили слишком радушно. Это было очень подозрительно. Пока он не допускал мысли, что его людей могли убить. Не так-то это просто. Скорее, они сами отправились искать приключений на свою голову. Истосковались по женскому обществу, а здесь было на кого обратить внимание. Аалон Хорден вспомнил Дейру.

– Где Олаф и Грааб? – повторил он. Это еще не дезертирство, потому что уйти здесь некуда, но отряд катастрофически терял дисциплину. Так и оглянуться не успеешь, как все разбегутся по окрестным домам и держать оружие больше не захотят.

– Они ушли утром, – сказали стражники.

Аалон Хорден оставил эту новость без комментариев. Он так и думал. Он проглотил эту пилюлю. От нее стало больно не в желудке, а на сердце.

– Так, все за мной! – И быстро двинулся на противоположный край деревни, за которым располагалось пшеничное поле. Он еще не хотел искать беглецов. Пусть повеселятся. Свое наказание они получить успеют.

Тимор наблюдал за всем из окна. Он слышал все слова – и даже больше, потому что мог читать мысли этих людей. Он знал, куда отправились два солдата, которых Аалон Хорден назвал Олафом и Граабом. Но тот ушел так быстро, что, когда Тимор выбежал из дома, отряд уже удалился на значительное расстояние. Докричаться до него было еще можно. Но Тимор не стал ни кричать, ни тем более догонять отряд.

Штандарт, висевший на вершине шеста безжизненной тряпкой, Аалон Хорден оставил на прежнем месте, поручив его охранять одному из своих людей. Как только отряд скрылся за поворотом улицы, а пыль на дороге, поднятая солдатами, опять улеглась, тот присел на землю, потом прислонился спиной к сараю и почти тут же уснул. Каска скрывала его лицо. Но зычный храп, чуть усиленный металлом, выдавал его с головой. Штандарт легиона мог украсть кто угодно, и тогда все солдаты умрут – так, кажется, сказал Аалон Хорден? У него-то часть жизни – на груди. У других Тимор заметил на шеях цепочки с маленькими

талисманами в виде все того же неведомого зверя, что был вышит на штандарте. Никому не нужен этот штандарт. Может, только ветру. Он оторвет его от шеста и унесет в горы.

Аалон Хорден думал о том, как ему собрать местных жителей. Не посылать же за ними в поле солдат, чтобы они выдергивали их с грядок, точно какие-то овощи – свеклу там или картошку.

Он давно заметил, что у здешнего воздуха хорошая звукопроводимость. Крикнешь погромче и докричишься до другого края этого маленького, плоского, окруженного горами мира. Дно цветочного горшка. Может, на самом деле так оно и есть? А то, что мир похож на шар, – заблуждение? Начни Аалон Хорден доказывать на каждой улице, что мир плоский, его бы не сожгли, как в прошлые времена, но за безумца приняли бы и, чего доброго, упекли бы в какую-нибудь больницу для умалишенных.

Они подошли к полю. Догадайся кто-нибудь обернуться, оторвать глаза от грядок, проблема решилась бы сама собой, но все были так заняты прополкой, что носами уткнулись в землю и не отрывались от нее ни на миг, будто это было самое увлекательное зрелище. А как же горы? А небеса, затянутые облаками? А двадцать солдат со всем оружием, которое они смогли сохранить, наперевес?

Сигнальщик заиграл на горне. Солдаты не слышали этот звук две недели. Этот горн вел их в сражение, которое они проиграли, но до этого он вел их в сражения, которые они выигрывали. Звук горна прочищал барабанные перепонки с таким же успехом, с каким это удается скрипящим дверям, болтающимся на ржавых петлях.

– Повелитель Рая Аалон Хорден приказывает всем немедленно прекратить работу! – закричал сигнальщик, оторвав горн от губ. У него был самый зычный голос и самые большие легкие. Воздуха в них хватало, чтобы дуть в горн почти минуту.

Бесполезно. Никто и не собирался подчиняться. Можно было подумать, что они и вовсе не слышали приказа, что уши у них залеплены воском или смолой, но некоторые все же обернулись, когда играл горн, а потом вернулись к прополке. Значит, всё они слышали, только притворялись.

Аалон Хорден небрежно махнул рукой. Таким жестом он много раз посылал своих людей в атаку. Иногда это значило верную смерть. Но сейчас они не ждали никакого нападения. Хотя солдаты и выставили перед собой копья, их наконечники были опущены вниз и едва не задевали кусты на грядках. Солдаты должны были согнать крестьян, и тогда Аалон Хорден объяснил бы еще раз, что надо идти в горы, добывать

камень, после строить дом, да не такой, какой они уже выстроили, а побольше.

Между грядками скопились лужицы. Чтобы не промокнуть, солдаты старались наступать на кучки только что вырванных сорняков и потому больше смотрели себе под ноги, чем вперед. Аалону Хордену почудилось, что он видит, как испаряется из них воинственный дух. Он и так знал, что солдаты недовольны его приказом, а теперь вдруг понял, что если не остановит их, не позовет обратно, то навсегда потеряет над ними власть. Их будто затягивало в трясину. И все же он не закричал, но опустился на корточки, взял в пальцы травинку, и ему стало интереснее смотреть на нее, чем на солдат.

Аалон Хорден взглянул на больную ногу. Она мучила его весь поход. Иногда боль была нестерпимой. Чтобы не закричать, он до крови прикусывал себе губу, готов был и вовсе ногу отрубить и прыгать дальше на той, что останется. Право же, так было бы легче... Он снял повязку. На том месте, где была рваная незаживающая рана, края которой стали фиолетовыми от заражения, он увидел розовую, пока еще очень тонкую кожицу. Сквозь нее проступали вены и пульсирующая кровь. Чем-то она напоминала замерзший пруд, где сквозь лед видно, как на дне колышутся водоросли.

Он не видел, кто из его людей ткнул-таки крестьянина наконечником копья в согнутую спину. Несильный удар мог порвать одежду и чуть поцарапать кожу. Так забавляются с пленниками, гоняя их по залу. Но наконечник на что-то натолкнулся. Человек покрылся слабым сиянием, разогнулся, взглянул на солдата. У того копье выпало из рук. Он посмотрел на свои ладони. От них шел дым, будто он схватил что-то горячее и обжег кожу. Солдат закричал, бросился бежать, но не обратно к Аалону Хордену, а совсем в другую сторону. Сделав несколько шагов, запутался в рваных полах одежды, упал лицом в проход между грядками и остался лежать.

– Какая самозащита! – бесшумно простонал Аалон Хорден. – Мне бы сотню таких людей, я бы с ними горы своротил. Ничего, что они не умеют сражаться. Я научил бы их.

Опять эта переоценка ценностей.

– Он скоро очнется, – услышал Аалон Хорден слева от себя, почти над самым ухом, но, посмотрев в ту сторону, увидел, что Олаф стоит от него метрах в семи. Да, здесь хорошо передаются звуки, но почему тогда он не слышал шагов?! Так и враг незаметно подкрадется. Руки у Олафа перепачкались черной жирной землей, кожа покраснела от солнца.

– Где ты был? – спросил Аалон Хорден.

– В поле.

– Почему? – Странный вопрос. Скорее, его надо было понимать не «почему в поле?», а «почему ты был первым, кто ушел?». Но Аалон Хорден не дождался ответа: – Ах, да, ты ведь из крестьян. К земле потянуло? Грааб тоже из крестьян. Да. Вы должны были сдаться первыми.

– Он встает.

Этот голос донесся справа. Аалон Хорден смотреть туда не стал. Он узнал голос Грааба. Упавший солдат встал на четвереньки, замотал головой, как собака, но всю грязь, конечно, с лица не стряхнул, потом поднялся, чуть покачиваясь подошел к человеку, которого несколько минут назад ткнул копьем в спину, заговорил с ним.

– Что здесь происходит? – спросил Аалон Хорден.

– Разве ты не понимаешь? – сказал Олаф. – Ну, подумай. У них нет оружия. Они не воюют друг с другом и могут вылечить любые болезни. Они вообще никого не убивают. Я не видел здесь мяса. Я не знаю, может, здесь и смерти нет.

– Рай?

– Рай.

– Так вот он какой. Не думал, что попаду сюда... – Кажется, он уже говорил это.

Он огляделся, поворачивая голову из стороны в сторону до хруста в позвонках, точно впервые видел весь этот мир – поле с овощами, окруженное кольцом гор, солдат, которым он уже ничего не мог приказать, – и едва не заплакал то ли от радости, то ли от горя. У него стало легко на душе.

Когда они вернулись к сараю, постового там не оказалось. Это никого не удивило. В сарае было темно. Свет пробивался сквозь щели между досками, но справиться с полумглой не мог. Раненые спали. Дыхание у всех было спокойным и ровным. Похоже, они уже выздоравливали.

В дверях Аалон Хорден столкнулся с постовым. Он все-таки возвращался, неся кувшин, над которым поднимался густой дым, скорее даже – туман, будто постовой зачерпнул его где-то в низине утром и смог сохранить.

– Что это?

– Отвар. Мне сказали, если его давать раненым, они быстро поправятся.

– Хорошо.

Он пропустил часового и не сделал никаких замечаний за то, что тот покинул свой пост. Кого здесь бояться? Только их самих.

Аалон Хорден задержал взгляд на развивающемся штандарте, секунд десять простоял неподвижно, а потом вырвал древко из земли, снял штандарт, скомкал его и запихнул за пазуху.

Тимор глядел на Аалона Хордена и мучился вопросом, почему тот спрятал штандарт. Ведь говорил же, что без него легион умрет, а может, он уже умер – этим-то все и объясняется. А Аалон Хорден стоял на дрожащих ногах, опираясь на древко, и сейчас опять напоминал того оборванца, каким был всего сутки назад. Приставать к нему с расспросами не хотелось. Мир опять изменялся.

Ночь была прозрачной, похожей на воду в озере, где вместо рыбок снуют люди, чьи тела отражают свет луны и звезд, но еще больше свет факелов, которые они держат в руках. Смола с факелов падала на землю, сочилась горящими каплями. Гулянья почти улеглись. Все успели устать. Кто-то побрел спать, кто-то остался. Тимор воспользовался тем, что его родители оказались в числе последних и не могли проверить, лег он в постель или еще нет. Ох, и зададут же ему трепку, если узнают, что он еще гуляет. Надо было что-нибудь положить в кровать, чурку какую, чтобы казалось, будто там кто-то спит. Кто станет к дыханию прислушиваться?

Аалону Хордену дали новую одежду – старую стирать и зашивать не стали, потому что она расползалась в руках. Он сидел рядом с Дейрой на лавке, и Тимор поначалу принял его за одного из ухажеров сестры, которому та отдала на этот раз предпочтение. Аалон Хорден смотрел в небеса, что-то показывал на них Дейре, тыкая в темноту пальцем и сопровождая это тихим рассказом. Слов Тимор не разбирал. Вряд ли это было любовным признанием. Ему очень хотелось послушать, но он боялся попасться Дейре на глаза. Она отчитала бы его за то, что он не спит. Темнота должна была помочь ему незаметно ускользнуть. Подвела хрустнувшая под ногой ветка. Так всегда бывает. Лицо Дейры стало раздраженным из-за того, что кто-то помешал ей слушать, а потом исказилось еще более, потому что она узнала Тимора.

– Что ты здесь делаешь?

– Гуляю, – сказал Тимор и попробовал перейти в атаку: – А ты что здесь делаешь?

– Иди домой.

– Хорошо. Аалон Хорден, можно я задам тебе вопрос?

– Задавай, если твоя сестра разрешит. – Он посмотрел на Дейру. Кажется, от этого она немного покраснела. Но Тимор мог и ошибиться. Он тоже смотрел на Дейру.

– Задавай, только побыстрее, – отчего-то смягчилась Дейра.

– Тот мир, из которого ты пришел, – какой он?

– О, я буду слишком долго отвечать на твой вопрос и все равно не отвечу. Ты не поверишь, но сейчас мне кажется, что того мира и нет вовсе. Так, сон все это был, а теперь я проснулся.

Он замолчал. Ему казалось, что если он не будет рассказывать, никто и не узнает о том, что он видел. Но читать его мысли было легко. Тимора затрясло, как от холода, хотя воздух был теплым. Он просто отравился видениями. Дейра этого не поняла. К мыслям Аалона Хордена она не прикасалась и решила, что Тимор замерз. Хотела отдать ему свою шерстяную накидку, сняла ее с плеч. Но Тимор отказался. Дрожь у него уже прошла. Только во взгляде остался какой-то холод, и если бы Дейра посмотрела ему в глаза, то испугалась бы.

– Как туда дойти?

– Дойти? Горы непроходимы.

– Но ты-то прошел.

– Нет. Говорю тебе, горы непроходимы.

Ему не хотелось сейчас рассказывать о переходе, когда им пришлось вначале съесть единственного коня (провизии-то они никакой не взяли, едва ноги унесли после поражения), а спустя неделю бороться с желанием отведать мертвечины. Их отряд сократился ровно вдвое. В горах они оставили двадцать человек. Вот указатели, по которым можно отыскать дорогу обратно. Трупы стали такими твердыми, что их не отличишь от камней, устилающих горные склоны. Сейчас их присыпал снег. Даже собака не унюхает.

Но как же дальше ему жить? Неужели никогда уже не испытает он вкус победы? Неужели забудет, как первым взбирался на стену замка, сжимая в одной руке штандарт, а в другой – меч, отбиваясь от наседавших на него солдат противника? Они хотят скинуть тебя вниз, в ров с водой, и это им почти удается, но следом за тобой лезут твои друзья, секунда – и они рядом, обступают тебя и растекаются по стенам замка, который через несколько минут падет... О, испытает ли он когда-нибудь еще это чувство? Как же жить без него?..

– Иди спать. – Дейра уже произносила эту фразу и видела, что толку от нее чуть, поэтому, чтобы загнать Тимора в постель, продолжила: – Придет отец, он тебя накажет.

Ха-ха. Какая страшная угроза... Тимору, наоборот, хотелось повстречать отца и кое о чем его расспросить, ведь он наверняка тоже прочитал мысли этих людей. Причем прочитал первым, когда Рай еще не наложил на них свой отпечаток. Он обещал Дейре, что пойдет домой, а на самом деле отправился бродить по деревне и искать отца. Того ни-

где не было. Потом Тимор ждал отца возле дома, сидя на крылечке точно так же, как сидел тем утром, когда в этот мир пришли люди Аалона Хордена. Но теперь он никого не дождался. Может, и к лучшему. Никто не мешал ходу его мыслей. «Они не могут лечить многие болезни и умирают от них». Раз за разом он прокручивал в голове то, что почерпнул в видениях Аалона Хордена, – наверное, чтобы лучше запомнить эти видения, а то они могли потускнеть или вовсе забыться, стереться из памяти, как сотрутся они из памяти самого Хордена через неделю-другую. Он и сейчас уже о многом забыл.

Но зачем они Тимору? Когда он разговаривал с Аалоном Хорденом, то не понимал еще этого, а теперь... они были нужны ему, чтобы пройти через горы. Он не знал, когда это произойдет. Может, через год, а может, пройдет гораздо больше времени, прежде чем он решится. Он должен почувствовать, что у него хватит сил одолеть эти горы и изменить тот мир...

Когда вернулись родители, Тимор уже спал, прислонившись спиной к столбу, удерживающему над крыльцом крышу. Голова его склонилась на грудь. Отец осторожно взял его на руки и отнес в постель.

Пауль Госсен

КОРОЛЕВСТВО ЗА $9.99, ВКЛЮЧАЯ НДС

Пауль Госсен родился на Алтае, но теперь живет в Германии. Ставя над его веселой миниатюрой рубрику «Дебют», редакция немного грешит против истины: дебютная публикация состоялась у Пауля еще в 7-м классе, когда фрагмент его фантастического рассказа был напечатан в «Пионерской правде». С тех пор об этом авторе поклонники фантастики ничего не слыхали. А напрасно...

Жил да был я. В Тридевятом Виртуальном Королевстве. Месяц – два бакса, полгода – трешка, а если арендовать на пожизненное пользование – $9.99, включая НДС.

Должность у меня – король. В реале я, правда... Но не будем о грустном. А здесь – король. Замок с башенками на холме, леса-поля... И все как настоящее. Хоть в лупу рассматривай, хоть руками трогай. По утрам рыцарские турниры, по вечерам балы. По вторникам крестовые походы на соседние царства-государства, по четвергам жду неприятеля к себе. Раз в месяц свадьба. Нет, гарем я не держу, действую по методу Синей Бороды: погулял немного – и супругу в расход. А то присосется пиявка, как в реале... Но не будем, не будем о грустном.

Казнь королевы – это всегда праздник. Зевак собирается целая пло-

щадь. «Да здравствует король!» – кричат, и все такое. Видели вы когда-нибудь глаза своей жены после вынесения ей смертного приговора? Я – каждый месяц. Очень, знаете ли, поднимает самооценку.

Так я и жил. Горя не знал, в реал лишь на работу ходил. Проблем с невестами в Тридевятом не было. Я им приворотное в бокал. Выпьют и влюбятся. В меня – Эрика Некрасивого. И не просто влюбятся, а втрескаются по уши. Можно руку и сердце предлагать, можно дурой называть – смотрят преданно, а глаза большие и голубые.

Невест я отбирал сам. На королевских балах. Для чего ввел специальный «Декрет о Золушке», который строго карал родителей, запрещавших дочерям посещать дискотеки. И девушки шли на мои балы, как загипнотизированные. Знали, чем все может кончиться, а все равно – подавай им острых ощущений. Я восседал на троне, тискал очередную королеву и выслушивал советы придворных.

– Ваше величество! Ваше величество! – шептал мне на ухо первый министр Джое Сильвера. – Обратите внимание на Якобину – дочку мясника. Вон ту блондиночку.

– Да они все блондиночки, – отвечал я.

– Она в желтом, ваше величество, – не унимался Сильвера. – А подол петухами расшит...

– Даже не смотрите, ваше величество, – сопел в другое ухо палач Том Байрон. – Подол с петухами – ну и вкус! Взгляните лучше вон на ту блондиночку.

– Да они все блондиночки, – вздыхал я.

– Она в голубом, ваше величество, – не унимался палач. – А подол с единорогами. Кристина – дочка звездочета. До чего аппетитная...

Надо признать, что все девушки в Тридевятом были практически на одно лицо. Носики-курносики, чуть надутые губки, обесцвеченные кудряшки. Матрицей для них послужило старое фото из журнала «Плейбой». Программист, понятно, девушек подретушировал, одел одну в желтое, другую в голубое. Но заголишь королеву, а там одно и то же, одно и то же! И никаких новых геометрических перспектив.

На этом я и погорел. Как-то во вторник напали мы на Новую Трансильванию – виртуальную империю, где правил Дракула II. Поход прошел успешно: разбили рыцарей, спалили окрестные деревни, осадили замок. Дракула II зубы в бойницу скалит, словами нехорошими нас кроет. Мои воины осыпают замок стрелами, но на штурм идти не хотят – опасаются чанов с кипятком. И тут заскрипели и открылись ворота замка. Глянул я: стоит в проходе девушка. Черноокая. В красном. А на подоле василиск вышит. Она-то нам ворота и открыла. Ворвались мы в замок. Дракула II дал деру в реал, но мы отвели душу на кухарках – по-

рубали всех в капусту. Потом забросил я черноокую на коня, и галопом к себе в Королевство.

Ну, а по возвращении сразу же приказал казнить королеву, достал склянку с приворотным и подступил к пленнице.

– Как зовут тебя, красавица? – спрашиваю.

– Рафаэла, ваше величество, – отвечает Рафаэла и падает передо мной на колени.

– Что же ты, Рафаэла, ворота открыла? Что же господина своего Дракулу II предала?

Заблестели в глазах чужеземки слезы.

– Замуж он меня звал, ваше величество. Уж и день свадьбы назначил. А я не хотела.

– Как так? – осерчал я. – Слово государя для программы – закон.

Разрыдалась тут Рафаэла пуще прежнего, руки заломила и говорит:

– Вас я люблю, ваше величество. Сиротой я росла, без матери, в детстве с папой на работу в казначейство ходила, а там, чтоб не скучать, с монетами играла. И попалась мне как-то заграничная монета с вашим профилем. Я как ее увидела, так в вас и влюбилась.

– Влюбилась? – удивляюсь. – Да я же Эрик Некрасивый.

– Для кого и некрасивый, – отвечает девушка, – а я ту монету за щеку спрятала, из казначейства вынесла и с тех пор любовалась вами втайне.

И достает из-за щеки золотой гульден с моим профилем.

– Опомнись, дура! – кричу, а самому приятно. – Я ж всех своих жен казнил.

– Так до того месяц с ними жили, – отвечает чужеземка. – Да за такое счастье и жизни не жалко.

Тут-то я и растаял окончательно. Плеснул приворотное в бокал, спрашиваю:

– Пойдешь за меня замуж?

Отодвинула Рафаэла бокал, глаза засверкали.

– Я, ваше величество, за вас и без всякого приворотного пойду. Ибо люблю вас сильнее жизни. Одного боюсь: все ваши жены блондинки были, а я черненькая – наскучу быстро. Пожалейте меня, ваше величество, выпейте приворотное сами и подарите скромной девушке месяц безумной любви.

Хорошо сказала. Я чуть сам не разрыдался. Осушил одним залпом бокал, глянул на Рафаэлу влюбленным взглядом, подхватил на руки и понес в тронный зал. Мы как раз кольцами обменивались, когда моей бывшей под окном голову отрубили. Непередаваемые ощущения!

И стали мы жить. В принципе, у черноокой под красным оказалось

то же самое, что у других под желтым и голубым. Но с небольшими отличиями. Тут чуть поуже. Там чуть пошире. Плюс родинка на интересном месте. А что моя Рафаэла в спальне вытворяла! Не перескажешь.

И вдруг...

– Ваше величество, – шепчет мне Джое Сильвера, – сегодня месяц, как вы с Рафаэлой свадьбу сыграли...

– Пора бы ее того... – потирает мозолистые руки Том Байрон.

– Как месяц? – удивляюсь. – А ведь и вправду... Так я же новую невесту еще не выбрал.

– Выберете, ваше величество, – это опять Сильвера. – Девушек в Тридевятом много. А с этой пора кончать.

– Постойте, – кричу. – А если у меня к ней серьезное чувство?

– Ваше величество, – умиляется палач, – тем острей будут ваши переживания в момент казни.

– Хорошо, – вздыхаю, – подготовьте указ, я его подпишу... на днях.

– Указ давно готов, – кланяется первый министр.

Что ж, имидж короля превыше всего. Взял я перо, занес над указом... И тут – ба-бах! – распахнулась дверь, и в тронный зал вбежала моя Рафаэла.

– Поздравьте, ваше величество! – кричит. – Я беременна.

– Не может быть! – кричат Сильвера и Байрон.

– Может, вот справка от придворного врача.

Что тут скажешь? Казнить Рафаэлу? И вместе с ней наследника престола? Фиг вам! Прогнал я первого министра и палача с глаз долой и закатил пир на все Тридевятое.

Ну, а через пару недель у Рафаэлы округлился живот. Почему так быстро? Я и сам поинтересовался. И Рафаэла мне объяснила, что у них в Трансильвании за год по три урожая снимают, а уж детишки растут – куда там нашим грибам.

И точно, вскоре родился наследник престола Феропонт Мудрый. Оргии в королевской спальне прекратились, начались пеленки-распашонки... Наследник оказался плаксой. Сирена, и только. Я поначалу крепился, уши затыкал. Потом стал все чаще задерживаться в реале. На недельку. На две. Летом взял отпуск и махнул со своей змеюкой на море. Читал ей Верлена, цветы как-то подарил, но потом... Ладно, я же обещал: не будем о грустном.

Вернулся я в Тридевятое только осенью. Гляжу: Феропонт подрос, на вид ему лет шестнадцать. Книжки по программированию читает, каратэ освоил. И Рафаэла не скучает: в мое отсутствие взяла государственные дела в свои руки, указы подписывает – только бумага шуршит.

– Ты где был? – спрашивает, и не слышу я в ее голосе былой любви. – Я тут без тебя две войны выиграла, наследника вырастила. А ты в реале с вонючими женщинами развлекаешься.

– Почему это «с вонючими»? – возмущаюсь.

– В реале все имеет запах. Значит, и бабы все вонючие. И ты мне зубы не заговаривай, ваше величество. Ответь лучше, когда в следующий раз пропадешь?

– Не знаю, – говорю. – Работа у меня. То да се.

– А раз не знаешь, – говорит Рафаэла, – подпиши указ о передаче власти наследнику.

Тут-то вся любовь у меня из головы враз вылетела.

– Измена! – кричу.

Но без толку. Первого министра Джое Сильвера по приказу Рафаэлы казнили. Что до палача Тома Байрона – то он его и казнил, переметнувшись на сторону королевы.

– Подпиши по-хорошему, – требует Рафаэла.

– Не подпишу, – ерепенюсь я. – Самозванка! Дрянь!

– Тогда, – говорит, – тебя отстранит от власти Королевский Совет. Как слабоумного.

– Это я-то слабоумный!.. – начал я, но тут двое стражников схватили меня за руки и повели на Совет.

Там уже ждали палач Том Байрон и наследник Феропонт Мудрый.

– Сколько будет 46790654 умножить на 6356865? – спрашивает Байрон.

– Я вам не калькулятор, – отвечаю.

– Да это же элементарно, – смеется Феропонт, – 297441870739710.

– У меня гуманитарное образование, – говорю. – Так что попрошу вопросы без циферок.

– Это запросто, – соглашается палач. – Расскажи наизусть «Виртуальный свет» Гибсона.

– Вы что – очумели? – кричу.

А Феропонт Мудрый начинает:

– «Курьер прислонился лбом к слоеному пирогу стекла, аргона и ударопрочного пластика. Над окраинами города висит боевой вертолет...»

– Заткнись, – кричу я. – Ты же программа. А я – человек.

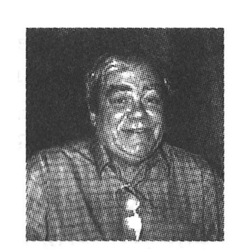
Но разве тут что-то докажешь?! Отстранили меня от власти, сослали в деревню коз пасти. Хотел я народное восстание поднять, да куда там! Крестьяне вилами побили, девушки обсмеяли.

Тут объявился из реала Дракула II, тот самый. Рафаэла упала в ноги Феропонту Мудрому и покаялась, что его настоящий отец – трансиль-

ванский император. Феропонт заключил своего нового отца в объятия и тут же скончался от неизвестной болезни. Вся власть перешла к Рафаэле – королеве-матери. Через день она вышла замуж за Дракулу II, и Тридевятое Королевство мирно вошло в состав Новой Трансильвании. Обставил меня император, как мальчишку. Я понял, что ловить больше нечего, и слинял в реал.

Такая вот история. Хотя убытков, если вдуматься, всего-то на $9.99. Было бы с чего расстраиваться.

Владимир Покровский



СКАЖИТЕ «РАЗ»!

Владимир Покровский, возможно, один из наиболее недооцененных авторов нашей фантастики. Он начал писать в середине 70-х, а к исходу 80-х благодаря таким своим произведениям, как «Самая последняя в мире война», «Танцы мужчин», «Парикмахерские ребята», обрел немалый авторитет у читателей. Тут-то и накатила волна переводной НФ, которая смыла с книжных прилавков почти всех, кто писал на русском... Сегодня Владимир Покровский публикуется, увы, нечасто. Тем большего внимания заслуживает этот серьезный по замыслу и прихотливый по исполнению рассказ.

Посвящается памяти Романа Подольного

Он появился никто не знает откуда, он никак не назвал себя, да это и не нужно стало потом. Очень скоро его уже знали все, и никто не мог ему ни в чем отказать. Его фотографии продавали в киосках, передавали из рук в руки, газеты писали о нем черт-те что, на его проповедях энергичные люди делали совсем хорошие деньги, хотя всем известно было, что при записи эффект пропадает.

Но все равно – по вечерам эти проповеди низвергались из открытых окон на землю, к ним прислушивались, их, порой с недоумением, пытались понять.

Приписывали ему влияние на парламент и обвиняли в тайном знакомстве с высокопоставленными политиками. То есть врали без оснований и без фантазии.

Его прозвали Черный; чем-то, и не только цветом лица, он очень напоминал головешку.

Темен лицом, горяч глазами, высок, неуклюж, искривленные жадные губы, судорожные движения рук – психопат, мессия, все стреми-

лись прийти к нему и сказать каждый свое; все, все спешили к нему, хотя бы просто в мыслях спешили, боялись, что не успеют, а куда не успеют — о том не думали.

Вот он у кинотеатра «Иллюзион», вокруг толпа, никто не спрашивает лишних билетов, к чему билеты, вот он стоит, смотри любой; все в плащах, блестят под дождем лица и плечи, желтый электрический свет заливает людей, будит воспоминание об уюте, а он в одном пиджаке, дрожит; пиджак светлый, промокший, мешковатые брюки, воротник рубашки на две пуговицы расстегнут, из-под него — гусиная шея, огромный кадык безостановочно ходит поршнем по желтому горлу.

— Скажите «раз»!

И все говорят:

— Раз!

Матерые мужики, студенты, коммерсанты, пожилые женщины — одни стоят, крепко обнявшись, другие отодвинулись друг от друга, ничего не видят, все глаза на него.

— Громче! — яростно сипит он. — Вы должны слиться! Раз!

И все говорят:

— Ра-аз!

— Два!

— Два-а-а!

— По счету «три»... — Он подается вперед, глаза внимательны, удивление и мольба.

Сочная зелень травы на газонах, афиши, рекламы, асфальт зеркальный, мягкое шлепанье капель, великолепный желтый вечер, сдержанно рычат машины на светофоре, дальний трамвай вносит в среднегородской шум свои неизменные двадцать пять децибел. Люди ждут, они счастливы — уже тем, что дано им сегодня ждать и не сомневаться в ожидаемом.

— По счету «три»...

Он пришел — мы не боялись его, и слухи о нем нас не пугали, даже самые странные слухи.

— Что нужнее всего на свете?

Люди кричат:

— Правда!

— Что гнуснее всего на свете?

Как затверженный урок:

— Ло-ожь!

— Я не Христос, который уговаривал только, я не убеждать вас пришел, я дам гарантию, что все вокруг будет честным, нужно одно — чтобы вы захотели сами. Даже нет — чтоб согласились, только это и нуж-

но. Не будет чувства вины, будет временное неудовольствие, боль от того, что ты плох, лишь внутреннее неудобство. Хороший человек есть понятие социальное, для себя-то каждый хорош, хороший человек есть человек надежный, то есть такой, на которого можно рассчитывать. Каждый откроется перед вами – во всем сокровенном, сполна, так же, как и вы откроетесь перед ним, и вы будете знать, в чем можно рассчитывать на этого труса, а в чем – вон на того хитреца. И они тоже будут знать, что вы это знаете, а раз так, то все для вас станут надежными, то есть хорошими, потому что ни от кого не надо будет ждать вам подвоха. Вы уже не будете «гостями в этом мире», не понимающими, что происходит, вы станете действительными хозяевами в своем доме; не будет пороков, останутся недостатки, которые можно учесть, которых все одинаково не хотят.

Он расставлял руки и кричал изо всех сил:

– Три!

– Три! – повторяли следом за ним.

Первое мгновение, мгновение именно того счастья, которое предчувствовалось, все именно так, как хотелось. Правда, почти счастье. Все понимают меня, я понимаю всех вокруг себя. Целиком.

– Будет плохо, – так всегда говорил Черный. – Первое время вам будет плохо, но это уйдет, ведь вам нечего скрывать, в сущности-то! Никто ничего не может сделать такого, чего бы уже не знали раньше другие. Зачем? Блажь.

Он говорил:

– Это непоправимо.

Некоторые спорили с ним:

– То, что вы предлагаете, это ужасно.

Он возражал:

– Я предлагаю только одно – не врать.

– Но вот это-то и ужасно!

По счету «три» люди замирали, словно принюхивались, поначалу они слепли и глохли, так ново было чувство, ими испытанное. Невозможно было в тот первый момент выделить особо чью-нибудь отдельную мысль, чье-нибудь отдельное чувство. Общий фон давил, бешеные перегрузки, информационные каналы мозга не выдерживали, отключались один за другим, поле восприятия суживалось, и наконец внимание обращалось на кого-то, кто близок.

Боль. Возмущение. Иногда – бегство.

– Это пройдет, – уговаривал Черный, переживая их боль как свою. – Нет больше понятий «правильно» и «неправильно». Вы – одно!

– Мысли людей станут для вас таким же непременным окружени-

ем, как звук, свет или запах. Не будет тщеславия, зависти, подлость спрячется и со временем исчезнет вообще.

Его трудно было найти, и трудно было на него не наткнуться. Почти одновременно видели его то на Преображенке, то в центре, то где-нибудь в Медведкове, слышали его простуженный голос. За ним охотились и органы, и структуры, и Бог знает кто, его охраняли, его жизнь была украшена сотнями легенд, невероятных даже в наше невероятное время. Он нажил себе массу врагов, отказывая в посвящении то одному, то другому:

– Вам нельзя. Вам – в последнюю очередь.

Это был совершенно неистовый человек.

Люди, прошедшие посвящение, с трудом возвращались к нормальной жизни. Постепенно способность ощущать чужие мысли исчезала, но от этого становилось еще хуже, и люди потерянно бродили по городу в надежде встретить его, а, встретив, получали заряд, которого хватало на куда большее время. Некоторые сходили с ума, многие попадали в больницу с нервным расстройством, кое-кто ни в чем своих привычек не изменял. Жизнь города была нарушена, потому что многое построено на обмане.

– Переход будет мучительным, но так нужно. Дальше пойдет хорошо, – об этом он с самого начала предупреждал.

Их сразу можно было узнать по взгляду, чуть сумасшедшему. Измученные, задавленные, гордые донельзя – вот какими они были, эти «новые люди», которых он создавал. Они сторонились других, тянулись к таким же, как и они, уходили в метро и на верхние этажи зданий, собирались там кучками и страшновато молчали.

В метро у них появились излюбленные вагоны, куда они набивались плотной массой; там они стояли, прижавшись друг к другу, – мужчины, женщины и дети. И старики. И никто больше эти вагоны не занимал.

Участились случаи самоубийств – странно.

А Черный носился по городу, бедно одетый, худой, всегда окруженный толпой жадных и добрых, смелых и трусливых, храбрых и подлых, благородных и так себе – каждый искал у него защиты от того, что когда-то произошло или еще только должно случиться.

Однажды в дом, где он ночевал, пришла женщина и предложила свою любовь. Ему вообще не давали покоя. Похоже, он и не спал никогда. Похоже, он и человеком-то не был, он... все это очень странно, если вдуматься.

Это была ночь, сентябрь, первый этаж, под окном шаги, разговоры. В комнате было темно, однако Черный не спал. Он лежал на кровати

одетый, свет с улицы не разбавлял тьмы, а как бы раздвигал ее пятнами.

Как только женщина вошла, Черный пробормотал:

– Фрагменты, фрагменты...

Он иногда совершенно не заботился о том, чтобы его слова были поняты. Это была его слабость как оратора, она принесла ему незаслуженную славу провидца.

А женщине он сказал:

– Вы первая, кому моя внешность понравилась сама по себе. Дурной вкус, наверное.

Женщина была почти невменяема.

– Люблю. Хочу быть рядом.

Он отказался, конечно.

– Мне нельзя.

А она все тянула свое, ничего другого ни слышать, ни говорить не могла. Солидная женщина, ни много ни мало сорок лет, сухая кожа, двое детей, старшему скоро в армию, даже удивительно, что пришла она так, с бухты-барахты, не думая, не рассчитывая, ну, казалось бы, с чего?

А Черный неожиданно для себя вдруг почувствовал, что именно этого ему не хватало, и сказал:

– Этого только мне не хватало.

Он стал говорить себе: это жалость, ей плохо, ей просто надо помочь, ее надо попытаться понять. И пристально посмотрел на нее.

– Не понимаю. Устал. Все мешается. Подождите. Хотите стать посвященной?

Женщина утвердительно сглотнула.

– Словами, словами, пожалуйста. Мысли потом. Хотите? Нет?

– Да.

– Так. Вслушивайтесь в меня. Сильнее, пожалуйста.

(Тысячи, миллионы людей считали его дешевым шарлатаном, презирали его, высмеивали его сентенции. Неохристос, подумайте! Полный профан, жулик, аматер, сумасшедший!)

И в какой-то момент, словно зудение, проявились в ней его мысли, даже не мысли, нет, его то самое – душа, суть, я не знаю, я плохо разбираюсь в терминологии. Душа эта дробно стучала, искаженная, чужая, она все больше и больше входила в женщину, пока та не поняла его полностью, так, как не дано понять никого, в первую очередь себя.

Вокруг творилось непредставимое. Люди сталкивались, как машины на повороте.

Он сказал:

– Вы же видите, мне нельзя.

Женщина стояла перед ним и глядела себе под ноги.

– Не могу без тебя.

– Я верю. Хотя причем тут «верю»? Знаю. И ты тоже знаешь про меня все. Нельзя мне.

– Не знаю. Глупости. Почему?

– Но ты же все видишь. Все понимаешь.

– Нет.

– Просто не хочешь понять.

– И не хочу тоже.

– У меня нет ни на что времени. Каждую минуту меня могут убить. Мне...

– Я тебя люблю. И ты сам хочешь, чтобы я любила тебя. Ты сам уже любишь меня.

Она ощутила себя тигрицей, она радовалась этому ощущению, она шла на Черного, и он боялся ее, но в последний момент закричал отчаянно, и в комнату вбежали чужие люди. Они тоже все понимали и не смели мешать. И так стояли они, окруженные другими сознаниями, он – мужчина, она – женщина.

– Мне нельзя.

С тех пор эта женщина везде сопровождала его. В сорок лет нервы ее были измотаны и глаза злы, потому что она бросила детей, одному скоро в армию, а другой в армию не пойдет, потому что плохое зрение. Первый, как всегда, самый любимый и самый битый. Иногда они приходили на посвящения, каждый раз неожиданно, и в те дни Черному становилось плохо от присутствия женщины, без которой он уже не мог обойтись, но которая была ему в тягость.

Сыновья, когда приходили, становились поодаль, оба невероятно длинные, тот, что помладше, тощий, нескладный, под очками огромные бледные глаза, а старший хоть куда парень, широкоплечий, напористый, из заводил. Всегда стояли угрюмые, непонятно было, зачем они приходили. Мать виновато приближалась к ним, и от нее разило неправдой, она знала, что Черный чувствует это и морщится, знала и пыталась с собой бороться, найти в себе правдивую нотку, однако ничего из этого не получалось. Черный так и не мог понять, тянет ее к детям или не тянет. Но ведь не могло ж не тянуть! А дети отчужденно цедили ничего не значащие слова, она оглядывалась, и Черный сбивался, терял нить. Они никогда не присоединялись к толпе слушающих. Просто смотрели.

Однажды – это было в какой-то гостинице, главный администратор которой только-только прошел посвящение, – к ним в номер вошел ее муж.

Горел ночник. Черный, как всегда, лежал на кровати одетый, и в его мысли невозможно было пробиться, а женщина, вдвойне одинокая, сидела у окна и злилась на проходящих. Без стука открылась дверь, и в номер вошел ее муж, полный, даже, если можно так выразиться, пышный мужчина, глуповатый, наивный во всех своих движениях, очень серьезный и очень несчастный.

– Пришел, – сказала женщина.

– Вижу, – отозвался Черный, не открывая глаз.

Муж неуверенно кашлянул.

– Здравствуй, Вера, – сказал он, глядя только на женщину, ни в коем случае не на постель.

– Хлопоты, хлопоты! Ну их! От одних хлопот помереть можно. – Произнеся эту фразу, Черный приподнялся и остро взглянул на гостя.

– Ты зачем? – спросила женщина мужа.

– Вера! – торжественно и грозно начал тот, но осекся, почувствовал неуместность тона, сник. – Нет, я все понимаю, но дети-то, дети! Им мать нужна.

– Они уже большие. Проживут без меня.

– Да. Ну да, конечно. Послушайте! – обратился он к Черному. – Вы бы вышли на минутку. Нам тут с женой...

– Никуда он не пойдет. Говори. – Лицо женщины было в тени и голос абсолютно спокоен. Холоден, мертв.

– Я бы ни за что, Вера, но ведь двадцать один все-таки год! Двадцать один!

– Все?

– Вернись, Вера.

– Все?

– Вера?!

– Он сейчас заплачет, – сказал Черный.

– Слушайте, вы! – Ее муж густо покраснел, даже в темноте заметно было. – Я, конечно, желаю вам полного счастья – и с женой моей, и в этих ваших великих начинаниях, я, так сказать, всей душой «за», но, по мне, лучше б вы сдохли!

Очень ударное вышло у него «сдохли».

– Шура, пожалуйста, – скучно сказала женщина. – Я тебя прошу. Я виновата перед тобой, но... ну и все. Иди, Шура.

– Вера, – горько просил тот. – Я тебя люблю, мы все тебя любим, это у тебя просто период такой, это пройдет, мало ли что в жизни бывает, никто тебе ни слова... Верочка! Ведь дети, нельзя такого!

– А о детях он врет, – вдруг сказал Черный, сказал громко, и сра-

зу стало ясно, что до этого они говорили очень тихими голосами. – Он и о любви врет.

– Не надо, я понимаю, – сказала Вера. – Я его знаю.

– Ему нужно, чтобы кто-нибудь за ним ухаживал. И старости он боится. И живет кое-как. Все привычки порастерял.

– Но это неправда, – испуганно сказал ее муж.

– Разве?

И тогда он взорвался. Он закричал – некрасиво морщась, тряся руками:

– Да мне плевать, что вы там читаете в моих мыслях! Я знаю, что говорю! Стал бы я врать. Ничего вы не понимаете, подите вы к черту, вы, медиум полоумный!

И отвернулся, и шумно задышал.

Черный продолжал говорить так же спокойно и холодно:

– Он все ждал тебя, когда ты вернешься, все слова отрепетировал, с какими тебя прогонять будет, а прогонять некого, не идет никто. Забыли, словно и не было такого человека. Да он просто ненавидит тебя!

– Не надо, – сказала женщина. – Пусть.

– Просто я терпеть не могу, когда врут.

– Я сама ушла. Зачем же совсем его добивать?

– Но ты же сама этого хотела, чтобы я это сказал! Я ведь слышал, – возмутился Черный.

– Я не знаю, чего я хотела.

– Ушла она от него, больно сделала! Не видишь разве, что он только радовался, когда ты ушла, он мечтал об этом, ведь так? Скажите, сознайтесь! Он только потом понял, что одному еще хуже, что без тебя ему не справиться.

Чем-то этот разговор был очень уж невпопад для ее мужа. Он таращился на них, тяжело, со свистом дышал, и казалось ему, что это вообще не люди, а муляжи, что женщина, за которой он пришел, стала уже не женщиной, а черт знает чем, что не осталось в ней ни капли родного, все, все куда-то исчезло – и платье другое, и лицо, и руки не те, а уж речи – так совсем не похожи на прежние.

И в ужасе он ушел.

Вера и Черный еще долго сидели у маленького стола, окунув лица в свет ночника, почти касаясь друг друга лбами, каждый думал о своем.

– К семи на Каховскую надо. Там ждать будут, – сказал наконец Черный.

– На Каховскую к девяти. К семи – на Коровий. Совсем у тебя с памятью плохо.

Черный зябко поежился.

– Все врут, все. Ничего не помогает. Сейчас даже больше врут. Самые отчаянные фанатики – и те врут, хотя зачем, казалось бы. И муж твой. И дети. Даже ты.

Он очень удивился, когда услышал в ответ:

– И ты тоже, миленький.

Все пошло как раньше. Проповеди, проповеди, посвящения, массы людей, знакомых и незнакомых, головная боль, ставшая постоянной, поездки, драки какие-то, вечно настороже...

– Счастье! Счастье – вот к чему я веду вас! Не порция мороженого на украденную двадцатку, не ночная интрижка – я зову вас к полному счастью. Только преодоление лжи, только правда! Скажите «раз»!

– Ра-а-аз! – перекатывалось по толпам.

– Вам нечего будет стыдиться, нечего прятать, потому что спрятать что-нибудь станет невозможным! Сожгите мосты, выбросите на помойку ваши смертельные тайны, эти бутафорские скелеты в ваших смердящих шкафах, смело взгляните в глаза жизни! Через страх преодолейте свой страх. Плюньте на уверенность, на свое знание жизни – вы узнаете куда больше!

Голова и горло – вот что подводило его.

Ищущие глаза, глаза восхищенные, глаза просящие – взгляни, взгляни на меня, осени меня своим вниманием. Иногда от этого становилось тошно. Но он говорил, осенял, посвящал непрерывно, и люди с чуть сумасшедшими глазами расходились в разные стороны, чтобы попытаться выжить в громадном болоте непосвященных.

Кто он, откуда пришел, где обрел способности – никто ничего не знал. И женщина тоже не знала, хотя очень хотела знать.

– Ты всех правде учишь, а сам скрываешь.

Но он ничего ей не отвечал, ему эти вопросы были очень неприятны. А, может быть, он и сам не помнил уже, кто он на самом деле.

Все шло вроде бы как и раньше, но в женщине после визита мужа что-то щелкнуло. Она все так же стояла за его плечом, охраняла, помогала, поддерживала, просто стояла – это ведь тоже много, но, пожалуй, давала все это она чересчур истово. Или неистово? Как правильно? В одном она изменилась – перестала заговаривать со своими детьми, когда тем случалось прийти. А когда младший присоединился однажды к толпе и со всеми закричал «раз», улыбнулась и ничего не сказала.

– Чего ты еще от меня хочешь? – отвечала она на упреки Черного. – Я ради тебя семью бросила, жизнь сломала, люблю тебя одного, ни шагу без тебя никуда, тебе этого мало? Не веришь?

– Верю, – говорил Черный, хотя видел прекрасно все ее мысли, видел все, но говорил «верю» и верил.

Иногда на проповеди приходил ее муж, каждый раз пьяный – он не то чтобы много пил, но как выпьет, все искал встречи с ними. Два раза кончалось скандалом, его хватали и уводили, и он исчезал вместе со своим горем и косноязычными угрозами. А однажды, тоже пьяный, он бухнулся на колени перед Черным и стал умолять его о посвящении.

– Нет, – ответил Черный. – Тебе в последнюю очередь.

А тот не верил, хватал его за ноги, плакал, ругался, но ничего не достиг.

Москва гудела. Она уже привыкла к той сломанной, искаженной, вывороченной жизни, которую навязал ей Черный, этот человек, пришедший неизвестно откуда и желающий непонятно чего. Она привыкла к словоизлияниям на каждом шагу, к постоянным перебоям в транспорте, а странные разговоры, странные поступки на улицах и в магазинах уже перестали ее удивлять, но волновали; в офисах тишина – люди то бешено заняты делом, то вдруг убежали куда-то, то от кого-то скрываются... Странные слухи, странные люди, странные повсюду дела.

Его уже отлавливали всерьез. Но ничто его не брало, он все так же тянул свою лямку.

– Я вас к счастью зову. К счастью!

Посвященные выставляли охрану – частная охранная фирма «Дэта», шеф которой был из «своих». Слишком много врагов. Слишком.

Ему устраивали ловушки, но сами же в них попадались – выдавали мысли – и уходили либо посвященными, либо искалеченными. Многие стали его бояться. Его и всех остальных посвященных.

И он был рад этому. Правда, теперь он скрывался, все время настороже.

– Мне не жизни жалко. Жалко, если я не успею.

Хотя сам понимал, что ни за что не успеть.

Вглядывался в каждую мысль, искал подвоха.

Посвященных становилось все больше и больше. Он открыл несколько талантов, такие люди сами были способны посвящать, он уделял им много своего времени, и женщина всегда была рядом, каждой мыслью, каждым движением.

Вместо одной у него теперь стало две жизни – жизнь с идеей и жизнь с женщиной. Он был благоразумен и не смешивал их, но не всегда получалось, иногда возникали ситуации трудносовместимые.

К лету Вера устала.

– Да люблю я тебя, люблю, – говорила она. – Думала, вот наконец настоящий мужик, а он со своими нюнями.

Женщины трудно воспринимают новое.

– Я же молчал.

– Да что я – слепая?

Оказалось, она больше любит говорить, а думать совсем не любит, все представляла себе что-то смутное, иногда даже пугала.

И однажды она ушла. Так просто, без подготовки, взяла и ушла, он и не заметил сначала. А когда заметил, не взволновался. Только удивился немного и почувствовал себя неуютно. В самом деле, мало ли куда она может отлучиться?

Настоящая тревога пришла к ночи, ко времени, когда надо было идти на ночлег. Он выспросил охраняющих, тщательно просеял их воспоминания и ничего не узнал. В момент одной из проповедей отошла и больше не возвращалась. О чем думала? Никто не знал. Как? Никто не слышал, о чем она думала? Но нельзя же слышать все чужие мысли, тут и на свои-то времени не хватает, а если еще и чужие, то и свихнуться можно. Неужели никто никогда не слушал ее? Ну почему никогда? Только очень давно, помнится. Но там ничего интересного.

Черный ринулся к ее мужу, он знал, где тот живет. Муж в три часа ночи лежал с полотенцем на голове и читал детектив. Он очень испугался, когда в доме вдруг появился Черный.

– Где Вера?

Муж растерянно отодвинулся от прохода, и Черный с рыщущими глазами ворвался в комнату. Там было частично убрано, пахло лекарствами и грязным бельем.

– Что значит «где»? С вами, где же еще!

– Сегодня не приходила?

– Нет. По... почему она должна...

– А дети? Может, они видели?

Оказалось, что старший давно в армии, а младший почти сразу после посвящения исчез из дома. Неокиники. Не какие-нибудь «Харе Кришна». Туалеты без стенок. Черт бы их драл. Куда только милиция смотрит.

Черный от нетерпения кусал губы. Он и сам не подозревал, насколько ему стала важна Вера. Он чуть ли не в первый раз за всю свою жизнь прислушался к себе – не притворяется ли он сам. И не понял.

Ей некуда было идти, кроме как к старому мужу. Черный схватил его за плечи, вгляделся, еще раз проверил воспоминания (тот безуспешно пытался сыграть благородное возмущение), потом повернулся и, ни слова не говоря, пошел к выходу.

– Стойте! Минуточку! Как же? – заторопился ее муж. – Подождите меня. Я сейчас.

Но Черный уже возился с входной дверью.

– Да подождите меня, в самом-то деле!

– Вы будете мне мешать.

– Нет, нет! Я тоже буду ее искать. В конце концов, я ее муж. Мой долг, мое право...

Он стал суетливо скидывать пижаму.

– Я все-таки муж. Пусть там... Не вы, а я. Черт знает что! Это я должен искать, а не вы. Я, конечно. Ведь сбежала от вас, сбежала, сбежала, значит... Да есть в этом доме хоть одни целые носки?!

– Быстрее!

– Сейчас-сейчас! Рубашку никак...

– Куда она могла пойти? – нетерпеливо допрашивал Черный. – Вспоминайте! Как следует вспоминайте! Ах, да не застывайте же вы!

– Куда? К сестре разве? Может быть, может быть...

– Вряд ли к сестре. Та на нее из-за детей сердита. Ладно, это потом. Одевайтесь.

И вот – спала Москва, одиноко катились сонные машины, в темноте редко сияли окна, щелкали автоматические светофоры, ни души вокруг, только два человека метались по улицам в поисках такси. Один из них, низкий и пухлый, дробно стуча сандалиями, бегал за каждой машиной, животом и грудью вперед, а другой, голенастый, размахивал длинными руками и время от времени пританцовывал.

Потом они сидели на заднем сиденье и говорили. Длинный постоянно перебивал, задавал вопросы, сам на них отвечал, а пухлый все время порывался спорить. В глазах у обоих светились тревога и нетерпение, но щеки пухлого сияли, грудь вздымалась и было видно, что ему приятны и эта тревога, и это нетерпение, и эта поездка в ночном такси. Шофер узнал длинного и теперь постоянно поглядывал в зеркальце заднего обзора. Но погони не было.

– Может быть, потому что она обо мне ничего не знала, ей было скучно со мной? Может быть, поэтому она ушла? А как рассказать?

– Разве можно понять, когда именно человек врет? – назидательным тоном возразил длинный.

Пухлый не совсем понял, к чему относится эта фраза, но все равно вступил в спор.

Ни у сестры, ни у кого-либо из знакомых Веры не оказалось. Когда иссякли все возможные варианты, они стали искать вслепую.

– Так даже лучше. Я ее по мыслям найду.

У каждого человека свои особые мысли. У них свой запах, свой цвет, свой тембр, на вкус и на ощупь они разные тоже. Мысли Веры или, если угодно, ее душа слабо пахли хорошим мылом, имели цвет

«серое на красном», иногда были одуряюще монотонны, жестки и угловаты. С этакой наркотической горечью, от которой трудно отвыкнуть. Так воспринимал Веру тот, кого называли Черным.

По запаху трудно найти в Москве человека. Черный с Вериным мужем прочесали весь город не один уже раз, они месили грязь в новых районах, проталкивались через запруженный центр, они встретили массу новых людей и множество раз кивали на ходу старым знакомым. Муж время от времени заговаривал о том, что, мол, как объяснить на работе, но Черный не вникал.

– Я тебя не держу. – И разговор сам собой кончался.

Почему-то никак не мог допустить Верин муж, чтобы его жену нашел Черный. Он спал с лица, поугрюмел, временами начинал ныть, а Черный, который теперь больше, чем когда-нибудь, напоминал головешку, упрямо шел от улицы к улице, рыскал вокруг запавшими глазами, бормотал невнятные фразы и только в самых крайних случаях позволял себе отдохнуть.

Оказалось, что Верин муж обожает высокоинтеллектуальные разговоры и экскурсы в психологию.

– Ты не можешь понимать меня, тем более целиком. Ты слишком прямой, как железная палка, где тебе, – подначивал он Черного, потому что ужасно хотел узнать про себя что-нибудь новенькое.

– Не мешай, – говорил Черный.

Мелькали мимо них стекла, витрины, коммерческие палатки и шопы, парапеты, красные буквы на белых квадратиках – «аптека», «еда», – попадались порой смешные вывески типа «Exchange валюты», их толкали прохожие, равнодушно обегали собаки, вой машин нагонял апатию и усталость, асфальт и брусчатка приводили в ужас, иногда Верин муж просто не помнил, зачем он живет, ему казалось, что так было всегда, плоховато, больно, однако такая жизнь – что тут поделаешь? Иногда – правда, редко – Черный становился почти сумасшедшим, и в эти минуты страшно было с ним находиться. Глаза его выпучивались, губы плохо слушались, кривились... хриплые, темные слова:

– Бараки, бараки! И жить-то всего ничего! Зачем?

После таких приступов он не мог заниматься поисками, Верин муж озабоченно пыхтел и тащил его на свою квартиру – ну что же это в самом деле такое, и ничего удивительного, нет уж, хватит, пора кончать, вот сейчас приедем домой, чайку попьем, отдохнем как люди, хватит, честное слово, хватит, а то черт знает что получается. Но всегда както так получалось, что домой они не попадали и ночевать им приходилось порой в самых неподходящих местах, спугивая бомжей и прочее московское бездомье.

Питались они кое-как, спали урывками, постоянно, до зуда в печенках, искали Веру, в то же время сами скрывались от непонятных преследователей (вдруг, резко – в переулок, в ближайший подъезд, молча, настороженно привалясь к стене, по пятнадцать минут, по часу – время теряем, время! Ну? Все? Пошли).

Через неделю, когда Верин муж уже совершенно не представлял себе конечную цель их бесконечных блужданий, Вера нашлась.

Это случилось вечером. Солнца уже не было видно, только-только начинало смеркаться. Оба – и Черный, и Верин муж – еле двигались от усталости. Глаза у Черного были воспалены, и он часто моргал. За всю неделю он не произнес ни одной проповеди, никого не посвятил – это его мучило. Мучило и то, что он не знал бы, что сказать, случись сейчас проповедь. Верин муж, обвисший и жалкий, плелся сзади и тихонько поскуливал от боли в ногах и сердце.

– Еще немного, и пойдем спать. Так нельзя.

– Нельзя, – сокрушенно вздыхал в ответ Верин муж. От этого слова саднило в мозгу, смысл был совершенно непонятен. Просто шесть букв. Кроссворд.

И вдруг Черный резко остановился посреди тротуара, вскинул голову кверху, закрыл глаза. Верин муж тупо встал рядом. Ему приятна была передышка.

– Она, кажется, – напряженно сказал Черный.

– Кто? – тупо спросил Верин муж. Ответа не последовало, и прошло много времени, прежде чем он понял, о чем речь. Он схватил Черного за рукав, взволнованно зашептал:

– Что? Что? Что?

– Здесь она, близко. – Черный досадливо поморщился. – Не пойму. Устал. Подожди. Подожди.

Верин муж, пьяно щурясь, прислушался тоже.

Два усталых гончих пса, толстый и тонкий, побежали на красный свет. Под свистки, под истерический скрип тормозов они перебежали на другую сторону, пересекли сквер, обогнули замшелую церковь, уткнулись в какие-то гаражи.

– Здесь! Где-то здесь!

Между гаражами был узкий проход, дальше небольшое пространство, пятачок, огороженный стенками и грязным забором. На ящиках из-под яблок сидела Вера, а рядом с ней – ее молодой друг. У Веры под глазом красовался синяк, на лице друга краснели царапины. Перед ними, на газетке, стояли две бутылки бормоты и лежала грубо нарезанная колбаса.

– Верусь!

– Здрасьте! – сказала она, в меру пьяненькая.

– Кто такие? – спросил ее друг, пьяный не в меру.

И снова ночь. Снова бредут они спотыкаясь, толстый и тонкий. Черный поддерживает своего спутника, тому совсем плохо. Сердце.

– Как же это? Как же?

Черный рассказывает всю подноготную очень подробно. У него под глазом синяк, на лице Вериного мужа краснеют царапины.

Она и сама не помнит, где подцепил ее этот тип. Кажется, в какой-то пельменной. Он ничем не походил на ее мужа, а с Черным его роднило только отсутствие документов. Молодой, злобный и нахрапистый, отупевший, протухший от вечного пьянства, «аб-со-лют-но неприспособленный», он от кого-то скрывался, ей не хотелось знать от кого, и она его не читала. Они шатались по Москве от магазина до магазина, тратили деньги, которые возникали неинтересно откуда, бегали от милиции, любили друг друга на дремучих пустырях среди консервных банок, рваных газет и кирпичей, она шла за ним безропотно и даже с желанием, вместе с ним тупела, вместе с ним ругала всех и вся, гладила тусклые волосы, обнимала...

Как она кричала на них, ни муж, ни Черный не узнавали ее, как издевательски плясала!

– Что, выкусил? Поздно, миленький, поздно посвящение отбирать, всех вас вижу, родненьких, умненьких! Срать я на вас хотела! Каждый в свою сторону гнет, а у меня своя сторона. – Она прижималась к своему молодому другу, тот мрачно хлопал глазами. – Пусть на месяц, пусть на неделю, да хоть на день – мне хватит. Вот он – мой! Э-э-эх, вы!

– Но как же это, как же? Этого просто не может быть!

И Черный начинает снова, с еще большим количеством подробностей, он выудил из нее все, даже то, чего она сама не помнила.

– Перестань! Перестань, я тебя умоляю! Я уже наизусть выучил!

Но Черный неумолимо рассказывает. Он рассказывает для себя. Ему ужас как надоело молчать. Только теперь он понял, что Вера давно уже не любила его, что и раньше не любовь была вовсе, а совсем что-то непонятное. Тут возникает вечный вопрос, что такое любовь, но Черный, взрослый мужчина все-таки, отбрасывает его и пытается понять, как получилось, что он был уверен в ее любви, а потом оказалось, что ничего такого и не было, а были усталость, скука, отвращение и всякие бабьи штучки.

Верин муж не способен думать вообще. Он заведен на один вопрос:

– Как же так?

Утром они подошли к метро, и Черный глухо сказал:
– Сегодня не буду работать. Отдохнуть надо. И подумать. Может быть, вообще ни к чему все это.

– Я домой пойду, – ответил Верин муж. – Просто посплю, приму ванну, а потом покушаю. Почитаю немного. Сто лет не читал. А с работы уволюсь. Какая к черту работа? Все равно не платят.

– Что же, пока.

– Пойдем ко мне домой, – попросил Верин муж. – Не хочется одному.

Они спустились на эскалаторе, еще часа пик не было, одни уборщицы, рыча машинами, надвигались на них строем. Пригромыхал поезд.

– Смотри, наши! – Черный указал рукой на битком набитый вагон. В глазах его блеснула гордость.

– Там сидеть негде, – сказал Верин муж. – Вон ведь сколько со свободными местами. Я туда не пойду.

– Пойдем! – тащил его Черный. – Ведь наши!

Вериного мужа хватило только на самое слабое сопротивление. Уборщицы остановились, с интересом наблюдая, как Черный тащит его в вагон.

– Черный, Черный! – заволновались в вагоне. – Тебя искали, ты куда-то пропал!

– Я знаю.

Неподвижные, снулые лица, мерно качающиеся в пронзительно белом свете, у всех одинаковое, чуть сумасшедшее выражение. Идиотическая отрешенность. Вой поезда, невообразимая теснота, можно поджать ноги и висеть, а главное – очень неприятное чувство, томление, почти страх. Будто все специально на тебя смотрят, следят исподтишка. Словно ты центр.

– Тесно как, – неуверенно пробормотал Верин муж.

– Что?

– Тесно, говорю!

Черный не ответил. Он, пожалуй, и не слышал ничего, рефлекторно переспросил, его лицо приобрело то же снулое, нечеловечески равнодушное выражение – взгляд мертвеца.

По вагону носилась радость. Черный пришел, сам Черный, надо же, как повезло сегодня! Его неповторимые, изначально родные токи. Он излучал силу и силу вбирал. Как я рад, говорил он, как я рад, люди, что я здесь, как мне этого не хватало, как смертельно я устал от пустоты и разреженности воздуха! Ну-ка, наддайте! Наддайте, милые, ничего не скрывайте, мы одно, чем нас больше, тем мы лучше и счастливее! Забирайте все, не стесняйтесь!

И началась игра. Он становился то одним, то другим, то сразу всеми одновременно, он каждый раз возвращался в себя неузнаваемым, то уродливым, то прекрасным. О, счастье! Все больше становился размах между низменным и высоким, настолько велика была разница, что казалось: никакой разницы нет, разве так уж сильно отличается Северный полюс от Южного? Ну, Черный, ну, мастер, что он делает с нами!

Верин муж заметил, что люди раскачиваются, подчиняясь своему собственному ритму, а вовсе не тряске вагонной, что ритм захватывает его, пытается проникнуть внутрь, и он твердо решил выйти на следующей остановке. Ему очень было не по себе. Черный полностью отключился, он с этими сумасшедшими, ну его, Черного, а с ним и всю телепатию заодно – или как там они ее называют!!!

Правды, прррравды хотелось! Что превыше всего на свете? И органной музыкой – пра-а-авда! Что гнуснее всего на свете? Как предаварийный скрип тормозов – ло-уо-уо-уооооожь! Глубже, глубже докопаться, все раскопать. Вот здесь, например: купил себе новые часы, потому что старые плохо шли – неправда, глубже – старые шли не так уж плохо, но хотелось поновее – еще неправда, еще глубже – мелочь какая-то, мелочь – а в глубине главное, вот здесь, чую – все вместе, как мяч, перебросили! – хотел настоять на своем, тоже человек, тоже имею право – теперь уже ближе, где-то здесь, еще, еще! – мелкая месть, за что, кому, вот она, ложь в самом начале, сейчас разберемся, все вместе, ну-ка?

Поезд притормозил, и толпу бросило вперед. Верин муж и сам не понял, каким образом его отлепило от двери, отнесло от Черного, зажало между двумя застывшими истуканами. Мертвая тишина, поскрипывание под полом, но, казалось, рев не утих и даже усилился. Чьи-то теплые руки бесцеремонно шарили в голове, он задыхался от духоты и мельтешения образов. Черный, Боже мой, где же Черный? И сердце болело, и ноги. Как говорится, болело все.

Это кто там скрывается, кто прячет свои мысли от нас? – сотня Черных всполошилась – это мой друг, не трожьте его, он здесь случайно, он не наш, на что сказали ему: какой он друг тебе, он твой враг и соперник, он держит в сердце месть и не мстит тебе только из страха – нет, не трожьте его – мы знаем, но, согласись, невозможно – и тысячи тысяч Черных из разных концов вагона умоляли, грозили, а миллионы миллионов других соглашались, но уже нарушилось равновесие Правды, уже проникла ненавистная ложь, так как согласие было дано из вежливости и немножко из страха, и это тоже было поставлено в счет другу Черного, а друг этот испуганно жался в уголке сознания – стойте, кричали Черные, зачем он вам, он сейчас сойдет, и мы продол-

жим нашу великолепную, нашу восхитительную игру – но остальные сказали: ты лжешь, ты не находишь нашу игру восхитительной – и сами Черные тоже сказали друг другу: ты лжешь, ты не так уж хочешь, чтобы его не трогали. Но ведь он не согласен, он категорически против, он – в последнюю очередь, и, в конце концов, он просто может не выдержать самого себя, я сам это сделаю, но потом. И Черные начали спорить друг с другом, а остальные повернули глаза к тому, кто скрывал свои мысли.

Не надо! Зачем?!

Сначала Верин муж почувствовал нарастающую тревогу, потом показалось ему, что окружающие активно, даже с какой-то радостью ненавидят его. Качание прекратилось, все замерли. Полная, жуткая тишина.

И множество голосов, множество воспоминаний вдруг выплыло на поверхность, самых ничтожных, забытых самым тщательным образом. Он выпучил глаза, открыл рот, схватился за сердце.

– Ду-у-ушна!

И то, чем он гордился всю жизнь, и то, чего он стыдился, и то, чего лучше бы не вспоминать никогда.

И оказалось, что он подлец, но не совсем подлец, а так, в меру, но от этого еще хуже.

Оказалось, что трус, но опять-таки не совсем, что мог бы и смелым быть, да и бывал иногда – из подлости или из эгоизма.

Оказалось, что никого никогда не любил, и жену не любил, и самого себя еле терпел, что тоже не слишком-то хорошо.

Оказалось...

– Ду-у-у-у-шнааа!!

– Конечная, – сказал репродуктор. – Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны.

Плотной толпой вынеслись из вагона люди, промчались по эскалатору, рассыпались по Москве. А Верин муж умер. Но не стоит так уж сильно расстраиваться по этому поводу, ведь и правда – ничтожный был человек, и правильно сделала жена, что ушла от него. Ее любой поймет. Дрянь человек.

А Черный? А что Черный? Он так и остался тысячью Черных, так и не смог снова соединиться. Впрочем, с ним случилось нечто более неприятное – он разуверился. Словно кто-то, еще более черный, чем он, шепнул ему на ухо: «Правда – она, может, и превыше всего, но и без неправды нельзя». Такая простая, всем доступная мысль. Да и как поймешь, где она, эта правда. Черный представил себе людей, которые не только не говорят, но и не думают лжи, представил, что все понимают

полностью всех и только себя не видят, потому что видеть себя в своем истинном свете не дано никому, есть даже в математике такая теорема. И бьют они, и ничтожат ложь, где только ни встретят, потому что, сами понимаете, ложь гнусна. Их, конечно, тоже бьют и ничтожат. И, конечно, любят, как самих себя. А самих себя ненавидят, потому что не понимают. И далеко ведь не каждый носит в душе Францию, далеко не для каждого понять – уже значит простить.

Черный слышит временами сигналы опасности, кто-то все еще ищет, все еще покушается на него, и он привычно прячется от угроз, пережидает сколько надо, а потом идет дальше, с кем-то сталкивается, кому-то говорит «здравствуй» и механически при том улыбается.

Потом он обнаруживает, что опять уже не один. За ним идут люди, много людей, им нужна помощь, и только он может им ее оказать. Ему уже трудно идти, ему уже загораживают дорогу, что-то говорят, чего-то требуют. Он немного приходит в себя и недоуменно оглядывается.

Множество жадных, просящих глаз.

– Посвящения!

– Нет, – отвечает он. – Посвящение – зло, я понял. Я не буду больше никого посвящать.

Но его не пускают. Его держат в круге, и прохожие говорят: вот Черный, сейчас у них начнется потеха.

– Вы не понимаете, – говорит он. – Я не буду этим заниматься. Все. Хватит.

А люди стоят.

И не повернуть, да и не хочется поворачивать, так привычно быть главарем, легендой, так легко себя уговаривать...

Ннну... ладно!

Он встряхивается (что это, мол, такое со мной), напускает на себя пророческий вид и зычно, с выражением вопрошает:

– Что превыше всего на свете?

– Пра-а-авда! – кричат люди.

– Что гнуснее всего на свете?

Истово, истово:

– Ло-о-ожь!

Он замирает на секунду, обшаривает сознания, поднимает привычно руки, зажигает глаза...

– Скажите «раз»!

И все говорят:

– Ра-а-аз!

И пошла потеха.

Людмила Козинец

ТАИМА

Печатая этот рассказ, редакция «ЗД» отдает дань памяти Людмиле Козинец — писательнице от Бога, очаровательной женщине и «организатору литпроцесса» (каким холодным и сухим кажется этот канцелярский термин применительно к Людмиле, работавшей в ВТО МПФ заведующей отделом рукописей и тратившей на своих молодых протеже — нынешних профессионалов — немало душевного тепла). Собственное ее творчество корнями уходило в славянскую мифологию и посвящено было, по сути, единственной теме — великой и всеобъемлющей теме Любви. А это значит — страсть, это значит — поэзия! Сколь страстными и поэтичными были ее произведения, хорошо видно из рассказа «Таима» (его первая и единственная до настоящего момента публикация состоялась в одной из тираспольских газет)... Кстати, в скором времени нас ждет знакомство с новой прозой Людмилы Козинец — с романом «Лилии фортуны», написанным в соавторстве. Увы, он выйдет уже после ее смерти...

Стукнули кованые перстни о дубовую столешницу, покрытую камчатной скатертью. Выпрямилась Хозяйка и властно оглядела сидящих за ранним ужином.

— Что ж, мужики, наливайте на посошок...

Самый старший кашлянул в крепкую бороду и осторожно потянулся к орленому штофу. Плеснуло в граненое стекло злое вино, соленые рыжики, размером в семишник, хрустнули на зубах.

— Хлебодаренье ваше принято. Граду, мору не будет. Я обещаю. Живите. А соседям своим, в Калиновку-то, звукните: мол, Хозяйку бы проведать не худо...

Тихие мужики долго кланялись тесовым воротам, комкая в руках шапки. И лишь за изгибом лесной дороги покрыли головы, и кто-то высказался матерно. На него шумнули. А он, молодой, лихой, — бровь заломил:

— А с чего ж мы ей кланяемся?

– Поди не поклонись. Александровка в ночь сгорела – дотла, в пыль, в прах... Михайловский острог, а? С голоду вымер! А в Ясенке, в Ясенке-то! Что ни младенец, то урод. Молчи, оглашенный, да кланяйся, да терпи!

Замолк бунтарь, губы закусил. А что сделаешь – женат уже, на сносях Катеринка светлая, не дай Боже...

И не знали мужики, не ведали, судача, что смотрит им вслед из окна Хозяйка. Темно ее чело, повитое черною парчою, тяжелы серьги в ушах, блистающие громовым камнем, тяжелы литые кудри, а тяжелее всего думы окаянные.

Выгнула стан, потянулась сладко, до боли во всех членах, ладонями веки закрыла.

– Эй, кто там?

Влетела из сеней девка, косницей алою пол метет:

– Чего изволите, Хозяйка?

– Баньку мне. Квасу на каменку, веников можжевеловых, стопку шалфейной да снегу у крыльца.

Остолбенела девка:

– Матушка, не погуби! Снегу-то где велишь взять? Май на дворе...

– Май?

Хозяйка обернулась к отворенному окну, да так, что свистнули полы чернецкого одеяния. И за окном закружилась метель, неслышно, невесомо ложась на цвет черемухи, на розовые колокольцы северного ландыша – грушелистки...

– Так снегу, говорю...

Был снег. Такие намел сугробы у крыльца баньки, а сверху на сугробы сыпался горький цвет черемухи.

В предбаннике разболокали Хозяйку. Расстегивали крючки у ворота, вынимали аграмантовые пуговицы из петель так внимательно, как вынимают кольца из воды на святки. Опускали юбки белые нижние вдоль высоких бедер, мимо круглых колен к узким ступням. И чулки с гладких ног скатывали, ботинки на серебряных подковах раскрывали.

Она окунулась в сладкий ржаной пар. Еще не раздышалась кожа, еще только вкруг ног вился жар, не проникая в русло кровотока. Но вот и березовым дегтем дохнуло, вот и влажные ленты пьянящего воздуха, приникая к коленям, поползли выше... щекотно... томно...

Сами собой упали руки, разнежились бедра, ноги раскрылись, легли на раскаленный полок. Безмысленно качнулась на гибкой шее гордая голова во влажности кудрей, во пламени чела.

О, невозможно же терпеть! О, недостойно же! И лишь одно возможно: вырваться из сладостного плена, мимо ошалевших в предбан-

нике сенных девок, пинком распахнуть дверь и упасть в чистый трезвый снег.

Велико твое волшебство, Хозяйка, да только снег тот пополам с черемухой...

Ласковый холод шипел на коже, превращаясь в солоноватые капли. Как хорошо броситься в ледяной пуховик, чтобы он медленно-медленно протаивал под слабым твоим, тяжелым телом...

– Шалфейной мне!

Притихшая, насмерть перепуганная, в поясном поклоне подает резной лафитник. Глоток, другой – вся горечь прошлого лета, полночной луны, степного забвения полощется в горле.

Зачем, зачем, отчего?

Зачем прошлым летом вышел к терему Хозяйки заблудший, заплутавшийся, залетный?

Зачем глупые сенные девки мыли зубы у ворот с забредшим?

Глаза ангельские, речь учтивая, наклон головы покорный – всего-то напиться просил. Дуры девки наперебой к колодцу кинулись, заскрипел замшелый ворот, ссыпалась цепь в колдовскую глубину.

Не уберегли. Позволили ему заглянуть в черный зрак воды. И взгляд его синий вынулся в ведре. Добро бы только сам жажду утолил, так эти дуры, напоив захожего стылой водой, Хозяйке же поднесли – испить и умыться.

Всё. Год почти – Хозяйка для всех, но не для себя. Кончилась Хозяйка. Как испила синего взгляда из жестяного ведра – всё. Взор ядовитый, как царская водка, плавятся в нем оковы обетов, обручальные кольца, ножницы пострига...

Одета черно, причесана туго, ходит ровно, говорит разумно. А на дорогу поглядывает.

Невместно Хозяйке! Баньку Хозяйке! Мысли жаром выкалить, негу веником колючим выбить – неповадно было бы!

А в снегу, как в раю. Бело, холодно, свято...

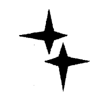
Только короткий свист сквозь зубы, только синий взгляд, губы алые, пальцы вкрадчивые.

Рванулась из рук, извилась змеею. А куда убежишь от речей медовых?

– Стой, красавица, королева, душа моя! Зла не сделаю, с лаской пришел...

Ласка, ласка – маленький хищный зверек с острыми зубками...

– На плече моем твои кудри рассыпаны, против губ моих – твои уста, черемухою пахнешь ты, черемухою... грудь твоя в моей руке, погибель... таима! Загадал я: увижу тебя сегодня – моя будешь!



Крикнула гневно:

– Да знаешь ли ты?!

– Да и знать не хочу.

Зачем, зачем? Зачем тебе Хозяйка? Твоя удача, что не знал...

Твоя удача.

Май отцвел, птицы затихли – птенцов берегут. А в малиннике возле терема то щегол трелью зальется, то крапивник легким посвистом.

Потайная дверца без скрипа, без шороха открывается, бежит по студеной росе Хозяйка, плечи шалью кутает, ночные туфли с ноги теряет.

Малинник колюч, да ягоды сладки. А во тьме синие глаза блестят, зубы белые светятся.

– Пришла, ланюшка... Ну, по здорову...

И за руку горячую, слабую – вниз на упругий мох, на узорчатый папоротник.

Шепот соловьиный, губы полынные, тело в судороге – коротка летняя ночь. Алым светом лицо умыло – пора, пора, пора мне, отрада...

– Куда бежишь, ланюшка?

– Пора, сердечко мое. Хватятся...

– Хозяйка, что ли? Слыхал, люта она. Что ты в тереме ее забыла, кто тебя к службе неволит? Какова такова Хозяйка, если ты, ланюшка, и минутки со мной побыть не хочешь?

– Бог с нею, с Хозяйкой, а только пора мне, сердечко...

– Увижу ли вечером?

– Приду, куда ж я от тебя денусь, погибель моя. Дай глаза твои синие поцелую...

– До тьмы, до звезды, ланюшка...

– До тьмы, до звезды...

В Калиновку звукнули. Переполошилась Калиновка, кинулась Хозяйке подаренье собирать. Собрали да и поехали.

В горнице за столом сидели чинно, косились опасливо.

Вышла Хозяйка, брови свела, оглядела гостей. Рванулись с лавок кланяться:

– Челом бьем тебе, матушка, медком да орехами...

– Вот что, мужики. Снимайтесь своею Калиновкой, уезжайте все да и со скарбом. Не жить вам тут более.

Да как, да что? Испуг летал по горнице, крыльями свет в очах гасил.

– Не погуби, Хозяйка! Слов нет – повинны, да уж мы отслужим...

– Нет. Не нужна мне Калиновка у Волчьего Лога. Уезжайте, мужики.

– Смилосердуйся! Бога за тебя молить станем...

Впервые дрогнуло ретивое у Хозяйки, впервые в объяснения вдалась:

– Не могу, мужики. Разуменье имейте, не моя воля...

Воля и вправду была не ее. В весеннем помете народился у старой нравной волчицы белый щенок с голубыми глазами. Знала Хозяйка судьбу Калиновки, видела. Дети... тяжелые багряные капли на разорванном синем горле... девушки, в муках и проклятиях рождающие белых волков...

Уезжать нужно было всей Калиновке, не было в деревне того человека, что одолел бы древнее заклятие. Не было!

– Словом, снимайтесь. Пять дней на сборы, но не более.

И только молния в черных очах сверкнула сухою грозой.

С тем и пошли мужики, тяжко задумавшись.

А Хозяйка у окошка маялась. День какой, все из рук валится. Зеркало расколотила, два бокала бемского стекла рукавом на пол смахнула, булавку в палец загнала. Девки по углам разбежались – кому охота под горячую руку-то... Руки горячие, плечи холодные, голова в огне...

Свистнул, сокол, свистнул, отрада. Бегом, босиком, с разлета пала ему на грудь, шею обвила. Но невесел что-то, сердечко мое...

– Ланюшка, ланюшка... проститься пришел...

Темным вихрем отпрянула – ждала ведь этого часа, знала ведь, а больно-то как!

– Что ж, сокол? Опостылела, разлюбил, другую нашел?

– Ланюшка... Хозяйка велит нам с места сниматься.

Боже, пощади мою окаянную душу! Есть же всему предел!

– Слышишь, ланюшка... упроси Хозяйку, укланяй, а?

– Невозможно...

– Попытать-то надо? Что ж у ней за резоны, с чего немилость? Может, как-нибудь обойти приказ? Старики в сполохе, по деревне вой. Жили-жили, не тужили – на тебе! Все обзаведенье кинуть, угодья. Ты ж Калиновку нашу знаешь? Речка, покосы, лесок... холили землю, лелеяли. Хлеба уж в пояс, как бросать? Куда мы ныне? Огороды оставим, хлеб не соберем, значит – голод...

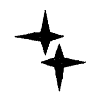
– Невозможно, сокол...

– Да что ей, стерве черной, надобно?!

– Тс-с-с, молчи, молчи...

– А и пусть слышит! Я ей... Доберусь я до нее, косы-то повыдергаю! Ланюшка, а правду говорят, что и кос у нее нету, а змеи вкруг головы...

– Правду...



– А правду говорят, что клыки у ней, как у...

– Правду...

– И копыто на ноге...

– Да...

– Что ж ты плачешь, ланюшка?

– Горько, сокол...

– Так не укланять?

– Нет, сокол.

– А ежели я попробую? Может, я бы и уговорил.

– Да! Ты! Ты толпу зимой купаться уговоришь!

– Не ревнуй, ланюшка. Значит, так. Хороши ночки в малиннике, да коротко лето. Собирайся, отрада.

– Куда? Зачем?

– Завтра в полночь приду за тобой. Со мной поедешь!

– Как это?

– А так. Рухляди много, обоз большой, кони добрые. Спрячу тебя в матушкиных пуховиках, а в первой же церкви обвенчаемся. И тогда уж... Смерть венца не рушит.

Целовались на рассвете. Мука мученическая, губы горькие.

Поедешь, сокол, в чужие края. Не увижу больше глаз твоих синих лукавых, головы покорной, кожи шелковой... не услышу смеха короткого, словно звон ручья на перекате...

Угар у Хозяйки. Уста запеклись, под глазами круги черные. Девки тенями носятся, на пылающий лоб капустные листья кладут, бадьян заваривают, брусникой моченой кормят. Подите все вон! Сокол мой меня покидает...

День в закат, звезды в небо, свист под окном.

Нет, нет, нет.

Только тело уже не слушается. Ноги сами – в туфли мягкие, руки сами – шаль на плечи. Да, да, да!

– Да!

– Ланюшка...

– Не говори со мной. Начнешь говорить – ничего не будет. Брось меня здесь... или веди с собою. Только не говори со мной!

Посмотрел властно, губами рот запечатал, твердой рукой плечи обвил. Моя. Пойдешь со мною.

Только раз оглянулась Хозяйка на темный терем. Но синеглазый сразу развернул ее лицом к тебе, зашептал жарко:

– Таима моя, жена моя тайная! Все! Не было там ничего, не было тебя в логове этом, не было! Только я был, только ночи в малиннике, цвет болиголова в твоих кудрях... Таима моя!

– Нет... нет... да!

А на просеке, заросшей вереском и черникой, кинулся в ноги светлый комок, облизал босые стопы шершавым языком. Белый волчонок льнул к ногам Хозяйки, поскуливая жалобно...

– Нет, сокол мой, отрада! Не трогай!

Не послушался, не успел услышать. Ухватил волчонка за вздыбленную шерсть загривка, отшвырнул в сторону. Зверь упал на спину, только лапы в воздухе мелькнули. Извернулся, вскочил, прижал уши. Низкий рык пронесся над просекой, даже травы покачнулись.

Прыгнул с земли, целя в горло, жуткий призрак с горящими кровавым светом зрачками. А за ним метнулась другая тень – серая, и пенная слюна капала с желтых клыков старой волчицы. И еще, еще катились зловещие тени из Волчьего Лога...

– Беги, отрада... беги, не оглядывайся, поднимай деревню в набат, уходите все сейчас же!

– Ты что, ланюшка?! Без тебя мне уйти? Как могла такое молвить... Мне б дубье потяжелей! Эх, не совладаем, много их, тварей! Да ничего. Уйдем. Ножки у моей ланюшки быстрые, я и вовсе сокол – сама же говорила, лётом, лётом домчу...

Так сыпал на бегу скорым говорком, продираясь сквозь густой осинник, таща за руку Хозяйку, принимая ее сопротивление за слабость, не слушая ее слов. А стая гнала их молча, лишь короткий хрип рвался из груди старой волчицы.

С плеч Хозяйки слетел платок, и стая кинулась на него, словно уже настигнув свои жертвы. Но шарахнулся в сторону белый призрачный волк, за ним и все, только старая волчица осторожно обнюхала пестрый кашемир.

Почти ушли. Хотела Хозяйка повторить все ранее сказанное, да дыхание уже пресеклось, она едва успевала ногами касаться земли.

Погоня снова была рядом, зловонное дыхание уже, казалось, обжигало шею... Только теперь волки вели себя необычно, обходили сбоку, нацеливаясь яростным клином между бегущими мужчиной и женщиной, как раз в крепкое соединение их рук. И первым бросился белый зверь.

Покатилась Хозяйка в сырую траву, успев увидеть с отчаянием, как щелкнули клыки, смыкаясь на подставленной мужской руке, как рванули когти шитое полотно рубахи.

Он сумел отшвырнуть чудовище. А тут и случай вмешался.

Оказались по дороге калиновские мужики, возвращавшиеся с ночной рыбалки. Долго разбираться им не пришлось. На серые черепа волков обрушились шесты от бредней, замелькали ножи...

Вытянув руки, бросилась Хозяйка в гущу битвы, телом своим разделяя две стихии – людей и зверей.

– Стойте! Остановитесь!

С тоской услышала далекий, такой далекий теперь голос:

– Ланюшка! Сюда беги, обходи их, проклятых!

Кто-то из мужиков рванул за плечо:

– Дура девка, что ты путаешься, огрел бы вот дрекольем...

И увидел ее лицо, облитое серебряным светом луны. Охнул, отшатнулся.

– Хозяйка...

И рассыпалась схватка. В одну сторону метнулись люди, сбившись тесной кучкой, в другую – откатились волки, припадая к земле, дрожа и воя.

– Хозяйка...

А она стояла уже каменная. Белая, как покойница.

– Прочь вы, серые. Завтра разговор будет. А вы, мужики... остерегала же вас! Чтоб с утра духу вашего в Калиновке не было! Не дразните беду...

И повернулась спиной к людям, побрела по дороге, окруженная прихрамывающими волками.

А мужики смотрели ей вслед, крепко держа за руки обеспамятевшего парня, любимца всей деревни, синеглазого песельника.

Быльем поросла Калиновка за двадцать лет, просели, мохом взялись строенные на века избы, завалились заборы, совы свили гнезда в бесприютной часовне. Покосились и рухнули кресты на погосте. Тиной, рогозом затянуло светлые пруды.

В чистый четверг по мелкому весеннему спорышу давно неезженой дороги прокатились тяжело груженые подводы. Остановил ладных коней хозяин, поглядел на запустенье, шапку снял, поклонился в землю. Два его белоголовых сына-погодка, трогая первый пух над губой, деловито окинули взором далекий холм, лесок, заливные луга. И благоверная сошла с телеги, обнимая пузатый, горящий медью самовар.

– Ниче-его-о, – кругло сказала, вкусно, словно яблоко антоновское разгрызла. – Ничего! Проживем!

– Проживем. Вот только Хозяйку бы навестить не худо.

А с тракта сворачивали на забытую деревенскую дорогу еще десяток телег...

К Хозяйке пошли втроем – деревенской старшиной. А старшине той – по тридцати восьми. Но мужики самостоятельные: в доброй одеже,

в смазных сапогах. Оно, конечно, для такого важного дела хорошо бы кого помудрее, да что ж делать, коли они теперь в Калиновке наибольшие.

А в тереме все по-прежнему: девки у ворот встретили, поклоны сдержанные отдали, в горницу провели, на лавки усадили. И горница прежняя, полы дресвой промыты, стол камчатной скатертью покрыт, напитки-заедки, все чином.

Скрипнула дверь, вошла Хозяйка, чуть склонив голову под тяжелой парчой. Двадцать лет минуло...

– Кланяемся тебе, Хозяйка, жемчугом поморским. Дозволения просим Калиновку строить...

И самый дорогой дар скатился на горсть розовых перлин – слеза с синих глаз. А под языком – другие слова, как малина перезревшая, сладкие: «Ланюшка моя, ланюшка, таима... Двадцать лет к тебе шел. Что ж делать, не нами судьба писана. У меня уж седой волос в бороде, а ты все та же! Хоть посмотри на меня, хоть вздохни, что ж ты позабыла все...»

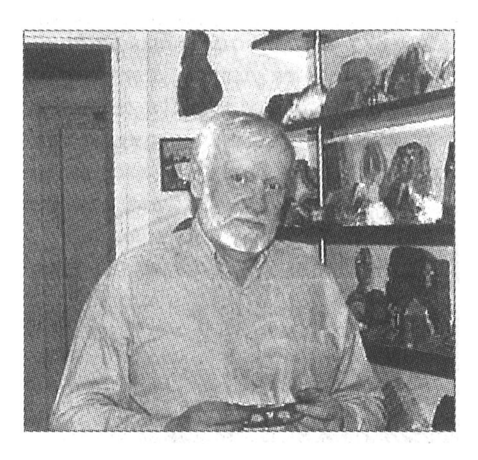
Подняла ресницы Хозяйка, глянула строго. А под ресницами зелень майская омутная плещется. У Хозяйки же чернее ночки глаза были...

Ланюшка, ланюшка. Хозяйка. Донюшка, донюшка. Хозяйка...

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Кир Булычев:

«Я не могу писать про взрослую Алису»



В феврале в Подмосковье в третий раз прошел фестиваль фантастики «Роскон», а на нем уже в третий раз вручался приз за лучшее фантастическое произведение для детей и подростков — «Алиса». По регламенту лауреата этой награды выбирает Кир Булычев из нескольких претендентов, выдвинутых оргкомитетом фестиваля. Два года назад «Алису» без особых споров вручили Андрею Саломатову, автору цикла повестей о роботе Цицероне и многих других детских книжек. В прошлом году лауреатом стал Сергей Лукьяненко: его роман «Танцы на снегу» адресован в первую очередь подростковой аудитории... А в 2003-м организаторы мероприятия столкнулись с серьезной проблемой: кому вручать награду? В номинационном списке было почти полсотни названий, но все они либо были подражаниями творчеству Джоанны Ролинг, либо имели весьма опосредованное отношение к фантастике. Чтобы определить лауреата, Киру Булычеву пришлось проделать большую работу... Словом, назрел серьезный разговор о детской фантастике...

— Ну, во-первых, какие у вас вообще впечатления о «Росконе»?

— Мне было очень приятно отметить, что «Роскон» год от года заметно прогрессирует. Если он и дальше будет развиваться такими темпами, то года через два у него вообще не останется конкурентов... А вот с призом «Алиса» еще нужно много работать. Если механизм вручения остальных на-

град вполне отработан (есть какие-то аналоги – призы, вручаемые на других фестивалях), то «Алиса» пока еще на стадии формирования. В этом году мы впервые по-настоящему выбирали претендента. Я прочитал более десятка книг. Мне больше всего понравились «Прогулки с говорящим котом» Светланы Лавровой и «Муза села на варенье» Валентины Дегтевой. В конце концов мы остановились на последней претендентке и были очень удивлены, что она оказалась дебютанткой – совсем еще молодой девушкой... И все равно нам необходимо повышать объективность этой премии и ее охват. Нужно, чтобы несколько человек занимались предварительным отбором – читали, оценивали...

— Фантастики для детей сейчас пишут очень мало. Все, что есть, — либо плохо, либо не фантастика... Вот минувшей осенью вышел сборник детских рассказов «Классики», и было очень странно увидеть в нем ваше произведение — настолько сильно оно выделялось из общего настроения книги...

– Объясняю. Перед самым отпуском позвонил мне Эдик Успенский и попросил какой-нибудь рассказ для журнала «Простоквашино». Я сократил повесть, которую делал совершенно для другого издания, отдал ему просто из товарищеских соображений и уехал. Когда я приехал, мне снова позвонил Эдик и сказал, что все напереkосяк: «Твоя повесть не пошла в журнале, ее поместили в сборнике, тебе сказать об этом мы забыли, просим прощения». Вот и все. Она там совершенно не к месту... Просто, я так понимаю, они сделали это из вежливости...

— Вы думаете, это вежливость, а не маркетинговый ход? Ведь ваше имя говорит читателям намного больше, чем, скажем, имена Москвиной или Дорофеева...

– Не знаю. Я так понимаю, что там представлено совсем другое поколение. И другое, я бы даже сказал, отношение к детской литературе. Я там нашел только один рассказ, с которым почувствовал себя солидарным и который был мне близок, – это рассказ Валерия Роньшина. Очень милое произведение, и я понимаю, для чего оно написано. Все остальное – при всем моем уважении к авторам – на мой взгляд, не литература, и даже не претензия на литературу. Это игра, в которую вы можете играть хоть сейчас со мной. Допустим, я придумываю первую фразу: «Я иду по улице – вижу, ноги торчат». Вы говорите вторую: «Я потянул за ногу – там моя бабушка». И так далее: «Моя бабушка говорит: дай мне мороженого. Я говорю: на фиг тебе мороженое, съешь арбуз. После этого мы все провалились сквозь землю». Рассказ готов. Ну, конечно, я утрирую. Но суть в том, что таких рассказов мы с вами можем написать великое множество... Нельзя ска-

зать, что я писатель другого поколения; поколение — это чепуха! Просто мне кажется, что детская литература должна быть в какой-то степени дидактичной, должна учить, что-то рассказывать... Я понимаю, что существует и Хармс, и масса других милых людей... Но это просто не моя литература.

— А что происходит сейчас с вашей героиней Алисой Селезневой! Она меняется или остается прежней!

— Алиса — это маска. Я не могу ее сменить. Несмотря на то, что отлично знаю, что всегда «Три мушкетера» лучше, чем «Двадцать лет спустя», что любой писатель, который эксплуатирует, скажем, адвоката Перри Мейсона или комиссара Мегрэ, в конце концов начинает приедаться. Он остается в том времени, когда начал писать об этом герое. Ведь если он переполз в другое время, то это уже другой характер, а от старого приходится отказаться, потому что маска не может существовать на другом карнавале. Она всегда статична...

— Значит, Алиса никогда не сможет повзрослеть!

— Представьте себе картинку. Молодая мать идет по книжному магазину и видит книжку «Алиса и... кто-то там». Она говорит своей дочке: «Ой, когда я была маленькая, я читала про Алису». Она берет книжку, а там рассказывается, как Алиса сделала аборт от своего однокурсника и как из-за этого у нее разболелись придатки... Конечно, я утрирую, но Алиса не может повзрослеть. Так же, как не может Пиноккио стать взрослым дядькой с деревянным носом... Приходит новое поколение детей, и я не могу его обманывать, я не могу писать про взрослую Алису. Ее нет, ее не может быть. Ведь тогда она станет человеком, как какая-нибудь Аня или Наташа.

— Когда-то вы говорили, что Кора Орват — это попытка создать взрослую Алису или даже реинкарнация Алисы...

— Да, так задумывалось. Более того, я их потом познакомил и заставил вместе действовать — чтобы для себя самого как-то их разделить. Был такой опыт, но, как мне кажется, он вышел не очень удачным. Я ведь все время очень серьезно думаю, как перестать строить дом из кирпичиков, которые использовал я сам или кто-то другой. Это свойственно не только мне — даже Стругацкие в последней своей книжке, на мой взгляд, строили из старых кирпичей. Любой Дюма это делал. Каждый раз надо находить какие-то новые ходы. Я их искал всегда. Так, уже давно я начал делать фэнтези — придумал «Заповедник сказок». Это попытка уйти от Алисы в стиле science fiction к какой-то другой Алисе, не отказываясь от нее совсем.

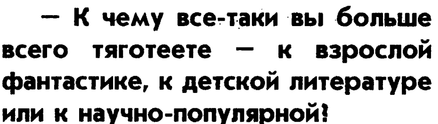
— Алиса путешествует в Эпоху сказок, а вот, скажем, в реальную

Крито-микенскую эпоху она попасть может?

— Такой цикл уже есть. Называется «Алиса в лабиринтах истории». У них там в классе историческая практика, и они должны разгадывать тайны прошлого. Повесть, которая недавно печаталась в «Пионерской правде», называется «Принцы башни» — она про сыновей Эдуарда и про Ричарда III. В первой книжке были динозавры, потом неандертальцы и так далее.

— А чем детская фантастика принципиально отличается от взрослой?

— Конечно, есть внутреннее деление. Для меня взрослая фантастика — это в первую очередь литература предупреждения. А детская фантастика не может быть таковой, потому что я не имею права всерьез пугать ребенка. Я его могу пугать детскими страшилками — но это другое. Тут обязательно в конце придет мама и включит свет. Вот американская массовая культура — она во многих отношениях детская. Поэтому она очень любит страшилки. А потом все время включается свет, и за окном гуляют... У них все немного не всерьез. Вот в Лондоне все время говорят: «Так страшно... могут забраться воры... участились грабежи... надо ставить замки...» Но все равно во всех домах двери стеклянные! Потому что не придет же в голову грабителю бить стекло, это же неприлично!



— К чему все-таки вы больше всего тяготеете — к взрослой фантастике, к детской литературе или к научно-популярной?

— Я не могу сказать, к чему я тяготею... Хотя есть у меня работа, которую я никак не закончу, но она все равно для меня самая главная — это цикл «Река Хронос». Да, это для меня главная работа...

— Кстати, когда будет непосредственное продолжение первых трех томов?

— Я уже три года назад написал половину четвертого тома. Мои герои уже приехали в Москву и поселились в квартире мамы Врангеля... Недавно издательство «АСТ» предложило мне выпустить все готовые книги из этой серии в двух огромных томах — страниц по 900 каждый. И вот я думаю, как бы сделать так, чтобы не было временных разрывов... Буду работать...

— А какова судьба серии научно-популярных книг, которая планировалась в издательстве «Дрофа»?

— Там периодически меняются главные редакторы, научные редакторы, консультанты, кто-то уходит, приходит... Последнее, что было: новый главный редактор, человек серьезный и рассуждающий экономически, предложил мне сделать серию черно-белой. А я ведь почему соглашался на этот проект два года назад? Потому что мне обещали полноцветный офсет. Планировалось выпус-

тить восемь красивых научно-популярных книг, качеством напоминающих энциклопедии «Аванты». Что дальше будет, я не знаю. Знаю только про одну книжку: ее делали Татьяна Новикова с Федором Домогацким и довели практически до конца. Это книга «Награды». Все иллюстрации подобраны, и новый текст я написал.

— На «Росконе-2003» прошел киносеминар «Неизвестный Булычев», были показаны малоизвестные картины по вашим произведениям... Расскажите, как складываются ваши взаимоотношения с кинематографом.

– С самого начала ко мне пришли сразу два очень хороших режиссера – Роман Качанов и Ричард Викторов. Потом появился Георгий Данелия... Я вдруг стал очень популярной в кино фигурой, потому что я был кандидатом, а затем – доктором наук. Я помню, когда Володя Тарасов делал мультфильм «Перевал», то он очень гордился и всем рассказывал: «У меня на картине работают два доктора наук. Фоменко – художник, а Можейко – сценарист». Тот самый Анатолий Фоменко... Причем мы с ним так и не познакомились, никогда друг друга не видели. И как историк я категорический противник его теорий! Но в работе над этим мультфильмом он участвовал в качестве художника...

Когда люди собираются и вдруг приходит актер – все сразу начинают обращать на него внимание, разговаривать с ним. Потому что он пришел «с той стороны» экрана... В такой же роли – только наоборот – выступал и я. Я приезжал куда-нибудь в Репино, а все говорили: «Вот доктор наук, он сценарии пишет». Я был им интересен, потому что я из другой сферы жизни...

— А что происходит сейчас?

– Сейчас фантастика – дорогое занятие для кино. Но я думаю, что пройдет время, и все вернется. И где-то уже в ближайшие два-три года будет возрождаться наш фантастический кинематограф. Уже интерес появился. Недавно мне позвонили со Студии Горького и спросили, не хочу ли я войти в худсовет.

— В какой-то момент были разговоры о телесериале про Алису...

– Все это было на уровне разговора. Так же, как хотели делать про Алису 26-серийный мультфильм. Они даже в свое время редактора наняли, и комната была, где они читали все книжки подряд... Но потом все это лопнуло, не получив финансовой поддержки.

Зато недавно в Польше вышел фильм по моей повести «Умение кидать мяч». Когда-то была наша телевизионная постановка, в ней главную роль играл актер Пороховщиков. А поляки сделали современный молодежный вариант...

— Ну, и напоследок традиционный вопрос: какие ваши новые произведения мы сможем прочесть в ближайшее время?

– Совсем недавно я сдал в журнал «Если» несколько глав из книги «Падчерица эпохи: История российской фантастики. 1917–1945 гг.». Они начнут печататься этим летом...

— Это то, что когда-то давно печаталось в альманахе «Хронограф» или продолжение?

– То, что печаталось когда-то, я полностью переписал. И дописал еще несколько глав. За последнее время об этом историческом периоде стало известно много нового. И самое главное, появилось целое поколение критиков и просто знатоков старой фантастики – они выдвигают новые требования, которым нужно соответствовать...

Кроме этого, я недавно закончил новую большую книгу для детей. Это роман-фэнтези, и в нем нет Алисы. Его я предложил в издательство «Эгмонт». Они взяли не сразу – попросили что-то сократить, что-то переделать. Но мне интересно с ними работать, потому что это интеллигентные люди и хорошие профессионалы. И главное: они сотрудничают с хорошими художниками, а мне так надоели уродливые книжки! Так надоело, что торговцы-оптовики диктуют издательствам требования, согласно которым книга просто не может быть хорошо оформлена... Эту ситуацию обязательно нужно менять!

Беседовали Андрей Щербак-Жуков и Ксения Молдавская

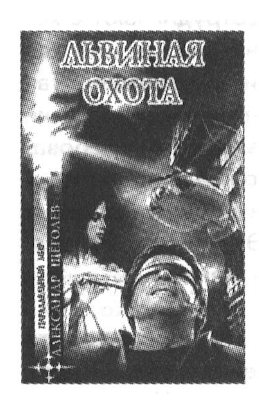
Рецензии

Дар из шкатулки Пандоры

Щеголев А. Львиная охота: Роман. – М.: Вече, 2002. – 448 с. – (Параллельный мир). 7000 экз. (п) ISBN 5-94538-204-3

Все-таки жаль, что Андрей Чертков, составитель антологии «Время учеников» (на страницах которой авторы разных поколений, политических и литературных взглядов отдавали долг памяти Учителям, оживляя миры и героев, созданных талантом братьев Стругацких) решил ограничить количество выпусков сакраментальной тройкой. Многие писатели, как выясняется, так и не успели выговориться до конца. Например, Александр Щеголев, чей роман «Львиная охота» представляет собой расширенный и

переработанный вариант повести «Пик Жилина», опубликованной в третьем томе антологии. Главный герой, бывший межпланетник, бывший разведчик и бывший революционер, а ныне вольный писатель, возвращается в город, где много лет назад боролся со страшным наркотиком, скорее даже – с породившим его всепоглощающим мещанским безразличием. Боролся, надо сказать, небезуспешно, город нынче не узнать. Люди, не так давно глушившие себя наркотиками и алкоголем, буквально помешались на здоровом образе жизни. Правильностью дыхания и целебной гимнастикой они озабочены настолько, что герой начинает всерьез подозревать неладное – еще до того, как штурмовой вертолет «Альбатрос» похищает его случайного собеседника прямо с привокзальной площади...



Не надо быть «люденом», чтобы опознать произведение, которое послужило для Щеголева источником вдохновения. Это «Хищные вещи века» – одна из самых тревожных повестей ранних АБС. Недаром советская критика в свое время так на нее ополчилась: мещанский рай получился у Стругацких чересчур сладким, хищные вещи – слишком привлекательными. В «Львиной охоте» антураж остался почти неизменным. Жилов вместо Жилина, «жмурь» вместо «слега» – изменения чисто косметические. Но вопросы, волнующие щеголевского Жилина-Жилова, достаточно далеки от тематики «Хищных вещей...». Реальное всемогущество – вот чем искушает своих персонажей петербургский писатель. Полная и абсолютная власть над миром, которая по определению может принадлежать лишь кому-то одному, – что делать с этим даром из шкатулки Пандоры? Что стоит изменить в первую очередь, какие тенденции поддержать, а какие извести под корень? Или, может, лучше отказаться от этой возможности в пользу кого-то другого – более мудрого, доброго, здравомыслящего? Жилов выбирает последний вариант – пожалуй, самый распространенный в нашей фантастике. Ведь это так просто – переложить ответственность за судьбу человечества на чужие плечи, спрятать голову в песок: дескать, я не я, и лошадь не моя! И пусть за неправильное решение совесть мучает кого-нибудь другого... Почему так много писателей выбирает именно этот выход из ситуации? Вопрос, увы, чисто риторический.

Безусловно, все эти проблемы совершенно спокойно можно было затронуть и без обращения к творческому наследию АБС. Сам автор честно признается: хотел, дескать, *«написать новую книгу Стругацких, на обложке*

которой значилась бы фамилия Щеголев...» Но тут же добавляет: *«Именно новую книгу – с собственными идеями и героями. Превратить гордыню в рабочий инструмент, а простую стилизацию вывести на уровень расщепления сознания... Безумная, конечно, затея. И вместе с тем – высшее проявление любви».* То есть гордыня, конечно, присутствует, но меру своего нахальства писатель осознает. А повинную голову, как известно, меч не сечет.

Анатолий Гусев

В Академии Внеземелья

Прокопчик С. Корректировщики: Роман. – М: ЭКСМО-Пресс, 2003. – 512 с. – (Абсолютное оружие). 10 000 экз. (п) ISBN 5-699-01960-X

«Захватывающая интрига, лихо закрученный сюжет со многими неизвестными...» Именно так подмывало начать разговор о новом произведении автора криминальных романов Светланы Прокопчик, дебютировавшей на поприще писателя-фантаста. Но не поднялась рука, не хочется лукавить. Интриг-то в романе «Корректировщики» полно, даже чересчур, а вот насчет «многих неизвестных» – видимый перебор. И это станет явным для каждого, кто прочитает эту талантливую книгу.

...Надвигается конец света – человечеству грозит уничтожение общего информационного Поля. Единственные, кто может предотвратить грядущую катастрофу, – уникальные специалисты-»корректировщики», способные воздействовать на это самое поле. И еще: ожидается выход «темной лошадки» – квазикорректировщика Вещего Олега, то ли Спасителя, то ли Антихриста. Вот нехитрый «внешний» сюжет книги, как нельзя лучше вписывающейся в серию «Абсолютное оружие».

Начало романа, где подробно, скрупулезно даются выкладки *«теории информационного Поля»* и описываются удивительные возможности «реал-тайм корректировщиков» («рутов») и «пост-корректировщиков» («постовиков»), а также антикорректоров и блокаторов, немного настораживает, заставляя ожидать чего-то в духе раннего Головачева. Однако это всего лишь увертюра к повествованию, в центре которого находится жизнь студентов конца XXI века, обучающихся в элитной высшей школе – Академии Внеземелья. Зачеты, экзамены,

курсовые, дипломные проекты, шпаргалки и, естественно, дружба, любовь, ревность, интриги, зависть. И даже до боли знакомая «общественная работа». Нет-нет, да и ужаснешься: «Господи, да неужели же через сто лет все вернется на круги своя?!» «МолОт» вместо комсомола, какая-то правящая Партия, ведающая распределением студентов, отправкой «особо достойных» на стажировку за границу. Мрачненькая перспектива. Выходит, *«все опять повторится сначала»*? Замкнутый круг, из которого СНГ не вырваться? Впрочем, автор очень расплывчато говорит о структуре общества будущего. Для сверхзадачи произведения это неважно. Но в чем же она тогда?

По мере прочтения романа «Корректировщики» возникла еще одна литературная параллель. Отчего-то вспомнилась знаменитая Лидия Чарская с ее романами о жизни девочек-гимназисток «Княжна Джаваха», «Вторая Нина». Романистка начала XX века искренне, без сюсюканья и умиления писала о том, что на самом деле волновало тысячи девочек-подростков. В этом и крылась колоссальная популярность ее книг... Так вот, читая роман Светланы Прокопчик, постоянно чувствуешь, что автор – женщина. Так обнаженно, правдиво написать о первой любви, первых предательствах и разочарованиях, жестокой травле сокурсников может, во-первых, только дама и, во-вторых, только на основе личных впечатлений. Автобиографичность книги улавливается во многом. Уже хотя бы в намеренном созвучье фамилий автора и героини: Прокопчик – Пацанчик. И все же писательнице удалось избежать перехлестов, которые привели бы к превращению боевика в слащаво-сентиментальный любовный роман. «Корректировщики» – это именно фантастический боевик, но боевик, написанный женщиной. Где углубленное внимание к частной, камерной, внутренней жизни человека превалирует над смакованием любовных эпизодов и сцен рукопашных или ментально-астральных поединков (впрочем, последние в рецензируемой книге тоже имеются).

Игорь Черный

Антиподы

Володихин Д. Убить миротворца: Роман, повесть. – М.: АСТ, 2003. – 384 с. – (Звездный лабиринт). 10 000 экз. (п) ISBN 5-17-016664-8

К слову «империя» в России отношение особое. Сплошные эмоции: либо любовь до гроба – либо ненависть до белых глаз и скрюченных пальцев. Но что же такое, собственно, империя, доподлинно не знает никто. Историки,

социологи и политологи предлагают взаимоисключающие толкования, и даже литераторы, принадлежащие к одной школе, до сих пор не могут договориться о терминах. Дмитрий Володихин, один из основателей литературно-философской группы «Бастион», сделал в романе «Убить миротворца» очередную попытку разобраться, что же олицетворяет собой это понятие для современного человека. Представители двух параллельных миров встречаются на страницах книги вследствие необъяснимого физического феномена (как выясняется позднее, вызванного искусственно). И между мирами, и между людьми мало общего: в одной Вселенной – множество национальных государств, одинаково ярких и непохожих друг на друга, в другой – повсеместное торжество единообразия и политкорректности; один из героев – офицер космофлота с планеты Терра-2, яростно сражающийся за свободу и веру против преобладающих сил противника, второй – тихий, неприметный обыватель, гражданин монолитной Женевской федерации, объединяющей все страны мира... Может показаться, что автор пытается противопоставить традиционные, «имперские» ценности ценностям, так сказать, либеральным. Однако на самом деле перед нами две империи, только империи-антиподы. Одна, Российская, с государем-императором во главе, – империя по самоназванию, тут ничего разъяснять не надо. Но ведь и Женевская федерация, основанная якобы на принципах свободы, равенства и братства, точно такая же империя, хотя и неявная. Перед нами конечный продукт процесса глобализации, где *«все животные равны, но некоторые равнее»*: на поверхности – никаких контрастов и перепадов, все выкрашено в ровный, монотонно серый цвет, в глубине – скрытая иерархия и тайная полиция, стремительно накапливающаяся социальная энтропия...

Формально роман Володихина можно отнести к жанру «космической оперы»: какие бы мировоззренческие споры ни вели между собой герои, главные события происходят все-таки в мире, где сражаются и умирают солдаты Аравийской лиги и Независимого государства Терра, Латинского союза и Поднебесной империи – и многих-многих других государств. По масштабности и красочности описание космических баталий напоминает лучшие романы Роберта Хайнлайна. И все же монархисту Володихину гораздо легче романтизировать войну, чем либертарианцу Хайнлайну: его персонаж не бомбит мирные города, не топит гражданские транспорты, не расстреливает детей и женщин только потому, что это **чужие** дети и

женщины... В этом смысле американский писатель честнее и беспощаднее: его «Звездная пехота», если помните, начинается как раз с описания карательной акции на планете, которая имела смелость – или глупость? – поддержать противников Земли. Не исключено, впрочем, что это вполне сознательный ход. Меня не оставляет ощущение, что Дмитрий Володихин писал свою книгу с расчетом на скандал, на конфликт, на серьезную драку. Отсюда многократное повторение тезиса «Мы – русские», отсюда обилие империй в мире, который представляется автору более перспективным... Но чтобы стать полноценным объектом провокации, текст должен быть, по выражению Дм. Быкова, *«агрессивно невежественным»*. Володихин же каждый свой тезис подкрепляет мощной аргументацией, тут все настолько прочно увязано, что не возникает никакого желания спорить. Да, мы русские – но мы ничем не лучше и не хуже тех же самых «латино» или китайцев, мы просто другие, и это замечательно. Да, Российская империя благоденствует, но это никоим образом не мешает существованию консульской республики или анархо-синдикалистской коммуны, созданных выходцами из той же России... Автор просчитался, скандала не получилось, и осознавать это лично мне в данном случае достаточно приятно.

Василий Владимирский

Букварный мир

Стивенсон Н. Алмазный век, или Букварь для благородных девиц: Роман / Пер. с англ. Е.Доброхотовой-Майковой. – М.: АСТ, 2003. – 448 с. – (New Wave). 5000 экз. (п) ISBN 0-17-016660-5

Традиции нужно соблюдать: издательство «АСТ» привычно начало знакомить нас с футуристическим циклом Нила Стивенсона со второй книги. Тем самым была, увы, нарушена драматургическая задумка автора.

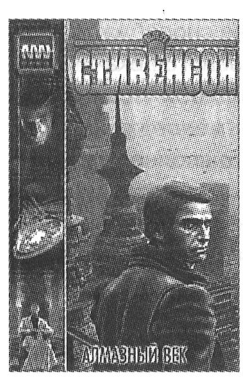
Вначале был роман «Snow Crash». Перевод его названия пока не устоялся; с равным успехом это может быть и «Лавина», и «Снежный обвал», и «Снегопад», и «Метель», причем предпочтительнее варианты, имеющие вторым значением «белый шум» на экране телевизора – это обусловлено уже эпиграфом романа. Из «Снегопада» мы должны были узнать, как же наш мир дошел до жизни такой, какой она описана в «Алмазном веке». Хитрость (и даже коварство) автора заключается в том, что будущее, нарисованное во втором романе, с точки зрения героев первого тома так же трудновообразимо, как и с нашей точки зрения.

Логика развития мира Нила Стивенсона вовсе не линейна, но она есть – и, к сожалению, при нарушении порядка издания книг утрачивается.

«Алмазный век, или Букварь для благородных девиц» (издан в отличном переводе Е.Доброхотовой-Майковой) – роман концептуальный во многих смыслах.

Концепция нанотехнологий, тотально захвативших быт, сама по себе не нова. У Стивенсона она выступает как основа описанного им мироустройства – точно так же, как для современного информационного мира принципиальной технологией являются компьютерные сети. «Алмазный век» основан на системах наносборки всего мыслимого и немыслимого – от искусственной пищи до островов и живых организмов.

Это – базис. Надстройка же куда интереснее. Социальное устройство описанного Стивенсоном *«прекрасного нового мира»* движимо множеством парадоксов. Глобализация стала тотальной, информационные технологии и системы наносборки обеспечили единство мировой экономики и положили конец межгосударственной разобщенности. Мир стал един. Но при этом социальную структуру стал диктовать индивидуальный выбор каждым человеком наиболее симпатичного именно ему образа жизни. Каждый может присоединиться к любому сообществу («филе»), если сообщество его примет. Практически на одной территории могут соседствовать «филы» марксистов-маоистов, неовикторианцев, руссоистов, конфуцианцев, гандистов, приверженцев бесчисленных религий и сект, сообщества открытые и закрытые, тоталитарные и либертарианские. Каждая партия или группа получила возможность на практике построить для себя (но только для себя!) свою Утопию.



В итоге единый мир оказался куда более раздробленным, чем мир разобщенный.

Ирония этой картинки сама по себе показательна. Например, убежденный антиглобалист увидит в ней аргументы в пользу своих воззрений, а сторонник теорий культурной и экономической глобализации – в пользу своих. Каждый из них будет прав, продолжая при этом заблуждаться, что как нельзя лучше иллюстрирует оправданность созданной Стивенсоном модели мироустройства. Мечты сбылись, но мир, в котором **каждый** человек может обрести при желании свою Телемскую обитель, оказывается местом, до крайности неуютным **для всех**.

Другая важная авторская концепция – интерактивная педагогика. Здесь Стивенсон следует путем вполне традиционным, хотя и не отказывает себе

в удовольствии над традицией слегка поиздеваться. Воспитание «нового человека» в романе описано как универсальная технология, но результат все равно зависит от непредусмотренного «человеческого фактора». Нелл, маленькая девочка из деклассированной семьи, случайно получает интерактивную говорящую книгу-букварь, которая учит ее читать, дает ей через игровые ситуации образ оптимального поведения, ориентируясь при этом на реальные потребности ребенка в принятии тех или иных решений. За десять с лишним лет книга проживает с Нелл целую жизнь, создавая из нее поразительно цельную и сильную личность, человека, готового на творчество и насилие, на благородство – и на принесение горьких жертв. Букварь создает из Нелл настоящего лидера.

Но та же самая книга в других случаях воспитывает личности совершенно других типов. Итог зависит еще и от персоны, которая стоит за тем или иным экземпляром книги, даже если роль этой персоны сводится к произнесению заданного книгой текста. И в тех случаях, когда букварь используется без «живого» чтеца, а с искусственным генератором речи, итогом воспитания оказывается «винтик», идеальный подчиненный...

Подходя к финалу романа и рецензии, я испытываю примерно одинаковую неудовлетворенность. Рецензия заведомо не способна передать богатство и очарование романа, а финал «Алмазного века» автору, на мой взгляд, просто не удался. Стивенсону понадобилось подвести черту под сюжетом, и он описал один из более-менее локальных кризисов созданного им мироустройства. Получилось это вполне искусственно.

Утешаюсь тем, что такой финал никак не умаляет сложности и занятности построенной в романе художественной модели, которая и определяет мою оценку этой книги.

Я ее люблю.

Сергей Бережной

Аргументы писателей и факты истории

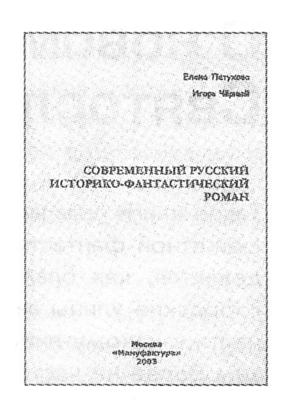
Петухова Е., Черный И. Современный русский историко-фантастический роман. – М.: Мануфактура, 2003. – 142 с. 300 экз. (о) I8BN 5-93084-030-X

Полноценная литературоведческая книга в мире фантастики – большая редкость. Таких выходит по одной в год или даже два. Еще того реже подобные издания могут претендовать на монографическую основательность, академизм, добротную классификацию собранного материала, добротную аналитику... Чаще – эмоции, публицистические

выступления. Работа Е.Петуховой и И.Черного – это как раз монография в привычном смысле слова, и притом очень достойная монография.

Во «Введении» и библиографическом разделе авторы перечисляют издания заявленной тематики, выделив тексты и писателей, особенно важных для данной работы. В дальнейшем на протяжении всей книги Е.Петухова и И.Черный работают с научно-справочным аппаратом в традиционном академическом стиле, всюду подтверждая свои выводы ссылками на источники.

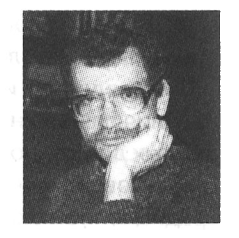
В 1-й главе содержится «предыстория темы», то бишь материал по периоду до 90-х годов XX века. Авторы монографии исходят из тезиса, согласно которому «подлинный расцвет» исторической фантастики наступил не ранее 90-х. Следующие главы соответствуют авторской классификации названного бранча фантастической литературы: два основных ее направления – это «альтернативная история» и «криптоистория». Первое из них объединяет романы, сюжет которых построен по принципу «а что было бы, если бы история в какой-то момент распорядилась иначе, нежели это произошло в реальности-1?». Второе направление определяется следующим образом: *«В середине 90-х годов XX века... появилась специфическая разновидность фантастического романа – “криптоистория”, то есть тайная, скрытая история. Авторы таких произведений как раз и занимаются тем, что предпринимают попытки разгадать загадки истории, проникнуть за ее кулисы»*. О криптоисторических романах современной фантастики говорится много и с большим энтузиазмом. Е.Петухова и И.Черный считают (и небезосновательно), что криптоистория исправно служит демифологизации некоторых персон, процессов, событий, суть которых в политических или иных целях была искажена. *«Писатели-фантасты в своих криптоисторических романах, в отличие от коллег по цеху, занимающихся контрфактическим моделированием в произведениях “альтернативной истории”, пытаются показать события прошлого так, как это было на самом деле»*. По обоим направлениям читателю предложен пространный разбор основных, получивших наибольшую известность произведений.



Книга насыщена фактическим материалом, написана легко, логика, приводящая авторов к обобщениям, вполне аргументированна. Издание будет так же полезно библиотеке какого-нибудь академического учреждения, как и любому серьезному любителю современной фантастики.

Дмитрий Володихин

Виталий Каплан



ТОТ СВЕТ В ОКОШКЕ

О новом романе Святослава Логинова

Такие книги появляются нечасто. В общем потоке динамичной и остросюжетной фантастики «Свет в окошке» (М.: ЭКСМО-Пресс, 2002) выделяется, как благородный конь арабских кровей среди заполнивших городские улицы автомобилей. И не в том дело, что роман трудно отнести к какому-либо поджанру: это не фэнтези, не science fiction и уж тем более не часто упоминаемая в последнее время «сакральная фантастика». И даже не блестящий язык тому причиной, одного этого мало, чтобы говорить о «лица необщем выраженье». Важнее другое: автор в последнюю очередь ставил перед собой цель развлечь читателя, и потому философская составляющая текста здесь дается не «в нагрузку» к приключениям тела, как это чаще всего бывает. В романе Логинова идея ведет за собой и сюжет, и фон.

О чем эта книга? В двух словах — о жизни и смерти. Начинается все с того, что главный герой, Илья Ильич Каровин, умирает в глубокой старости. И оказывается в странном месте, которое можно назвать «тем светом», «потусторонним миром» — а можно и не называть, ибо оно не имеет ничего общего с представлениями о посмертии всех без исключения религий.

Там, в этой «модели Логинова», нет ничего, кроме бесформенной вязкой среды, называемой «нихилем» — иначе говоря, ничем. Но каждый попавший туда обнаруживает у себя на шее кожаный мешочек, кисет. И лежат в том мешочке монеты, большие и малые. Монеты — не что иное, как воспоминания об усопшем живых людей. Пока человека

помнят – не переводятся в мешочке загробные деньги. И с помощью этих денег можно сделать многое. Можно сотворить из нихиля вещи – любые, какие ты только способен себе представить. Можно омолодиться или вообще заполучить иное тело. Можно обрести разные способности – к примеру, понимать любой язык или мгновенно узнавать малознакомого человека. Причем по законам загробного мира нельзя отнять эти деньги путем насилия. Выманить, выцыганить – легко, но любое физическое насилие оборачивается колоссальным штрафом для агрессора и немалым доходом для пострадавшего. Разница же идет непонятно куда – видимо, на поддержание порядка.

И там, в посмертии, есть человеческое общество. Люди же всегда как-то устраиваются... и загробный мир не исключение. Кто побогаче, тот, естественно, живет в роскоши, кто беднее – ютится на городской окраине, в так называемой Отработке. А огромному большинству именно это и предстоит, ведь поток воспоминаний, «мнемонов» и «лямишек», рано или поздно иссякает. Коротка наша память, часто ли вспоминаем мы своих прадедов или хотя бы дедушек с бабушками? И если некому стало вспоминать покойного – он умирает уже там, в «модели Логинова». Умирает второй, окончательной смертью. Просто рассыпается, исчезает. Был – и не стало его.

Не всем, однако, это суждено. Некоторых помнят долго – Тутанхамона, Магомета, Гитлера... Ведь, согласно авторскому допущению, совершенно неважно, как именно вспоминают – с любовью или с проклятием. Главное, чтобы хоть как-нибудь помнили. И потому «знаменитые покойники» в большинстве своем благоденствуют. От простых смертных они отгородились стенами Цитадели – огромной крепости, охраняемой древними ассирийскими воинами. А поскольку воины – на полном довольствии и им, как и великим, гарантирована жизнь вечная, то многие мечтают о такой карьере. Что крайне трудно, практически невозможно. Здесь, кстати, развивается одна из сюжетных линий: Илья Ильич, встретив в загробном мире своего погибшего в молодости сына, пристраивает его на сие хлебное место, разработав хитрый план. Выполняет родительский долг, после чего, израсходовав практически все свои средства, влачит жалкое существование.

Такова диспозиция. А дальше начинаются вопросы.

Разумеется, нет нужды доказывать, что «модель Логинова» не имеет ничего общего ни с какой религиозной системой. Автор, убежденный атеист, специально решил сконструировать принципиально внеморальное посмертие. Герои его, как правило, не задаются метафизическими вопросами. Они принимают устройство тамошнего мира как нечто само собой разумеющееся. Почему они столь нелюбопытны, мы

еще поговорим. А пока попробуем понять авторскую мысль. Зачем ему потребовалась именно такая модель? Что она призвана иллюстрировать?

Ну, во-первых, безусловную этическую идею: нужно помнить наших усопших. Грешно их забывать, низко это, недостойно человека. И автору сие вполне удалось. Многие признавались, что, читая роман, постоянно вспоминали своих почивших близких.

Во-вторых, мировоззренческую установку автора: все в мире подчиняется безликим законам, которые вне морали. И даже если существует жизнь после жизни – она все равно устроена по таким же слепым, бездушным правилам. В модели Логинова нет никакого посмертного воздаяния, никакого не то чтобы милосердия, но хотя бы механической справедливости. Гитлеру со Сталиным там лучше, чем доброму, честному, но безвестному человеку. Короче говоря, печален и бессмыслен свет, что этот, что тот.

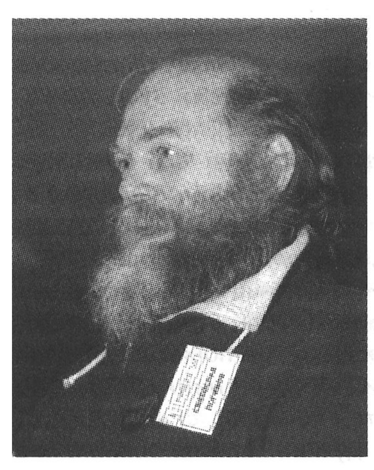
Прежде чем не соглашаться с такой философией, надо ее все-таки до конца понять. Ведь она при всей своей безрелигиозности все-таки сложнее и противоречивее плоского диалектического материализма. Первое, что бросается в глаза, – это куда больший пессимизм. Материалисты хоть развитием могли утешиться, прогрессом, здесь и того нет. Пожалуй, такие взгляды ближе к римским стоикам. Как ни крутись, все равно помрешь. Ну ладно, получишь ты некое продолжение земной жизни. Может быть, относительно долгое. Может быть, и уютное – поначалу, пока тебя еще вспоминают. Но ведь все равно потом обратишься в прах... то есть в нихиль. Причем уже навсегда. Так какие выводы? Как надо жить здесь? Добиваться, чтобы тебя помнили? Так ведь и помнить могут по-разному. Могут как Сократа... а могут и как Герострата... И зло (если оно и впрямь масштабное) запоминается куда лучше добра.

Конечно, ни в какой посмертный нихиль, ни в какую «долину Лимбо» Логинов не верит – это не более чем литературный прием. Но вот в то, что пока нас помнят, мы не окончательно умерли, – похоже, верит. Он здесь не одинок, многие атеисты и агностики говорят нечто подобное. И действительно, фраза красивая. Жить в памяти потомков...

Но возникают «неудобные» вопросы. Что именно живет в людской памяти? Сам ли человек, то есть его неповторимая личность, или некая совокупность представлений о нем? Если нет личного бессмертия, если с биологической смертью наше сознание гаснет навсегда – много ли радости в том, что благодарные внуки сохранят наш светлый образ? Оно еще может кое-как греть сердце, пока мы живы, пока не пересекли черту... Но радость живых – это не радость мертвых. Если их нет

– то и воспоминания наши им бесполезны. Нам – да, нам они нужны, иначе озвереем. Но тогда и незачем говорить о «неокончательной смерти». Тут как с беременностью – нельзя быть беременной «чуть-чуть». Или да, или нет.

Все это само по себе столь логично и безнадежно, что удивляют неоднократно встречающиеся в тексте нападки на религию (точнее, на христианство). Вот, к примеру: *«Привыкнув к мысли, что на небесах сидит грозный надсмотрщик, добропорядочный христианин перекладывает на бога ответственность за собственные поступки и искренне полагает, что если бы не божий запрет, он непременно стал бы насильником и убийцей. Что ж, ему виднее, быть может, он и станет. Насильничать, грабить, убивать — характерно для рабов, которым вдруг перестала грозить плетка. Рабы божии в этом смысле не являются исключением. А человеку неверующему приходится быть человеком самому, без помощи божественных кар. Единственный его помощник — совесть, без которой вполне может обойтись благопристойный христианин»*. Это-то еще зачем? И без того «модель Логинова» настолько несовместима с христианством, что на ее территории незачем с ним спорить. Все равно что разорвать бумажного тигра, думая, что победил могучего хищника. Конечно же, в «долине Лимбо» христианство оборачивается по меньшей мере сладеньким самообманом. Впрочем, о том еще апостол Павел говорил: *«...а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша»* (1 Кор., 15:14). Как истинный атеист, Логинов, быть может, подсознательно ощущает в христианстве вызов. И «Свет в окошке» – попытка на этот вызов ответить. Но на столь искусственной арене реальный поединок невозможен. Религия там обречена уже самими правилами игры.



Воинствующий безбожник
Святослав Логинов

Конечно, нападки на религию можно списать на психологию Ильи Ильича: действительно, он достаточно цельная натура, его атеизм смотрится вполне естественно, тем более в контексте его стандартной советской биографии. Но хоть и нельзя поставить знак равенства между

Логиновым и Каровиным, последний слишком уж часто озвучивает авторскую позицию, это явным образом следует из текста.

И здесь уместно вспомнить разговор между Ильей Ильичом и Гоголем, ушедшим из Цитадели и предающимся самоосуждению в туманных просторах нихиля. Гоголь полагает, что попал в ад, что нет для него надежды: *«Кругом одни трупы нарумяненные, а я первый среди вас. Душно...»* После нескольких бодрых попыток влить в Николая Васильевича оптимизм Каровин отступается: *«Гений умер, остался лишь христианин...»* И тогда Илья Ильич стреляет из главного калибра: *«На самом деле вы умерли не в пятьдесят втором году, а в ту минуту, когда швырнули в огонь вашу книгу».*

Легко Илье Ильичу судить Гоголя, эффектно звучит его приговор. Но ведь Логинов «перекидывает стрелки», поскольку внутренний ад Гоголя надо же чем-то обосновать – а религиозные переживания для автора не являются чем-либо значимым. Однако любой верующий человек понимает, что самое ужасное тут – крушение всех жизненных представлений при нерушимости самой веры. Гоголь страдает оттого, что по-прежнему верит в Бога, стремится к Нему – и понимает, что навеки завяз в этом игрушечном посмертии. *«Книги, написанные по глупости, которые я устал проклинать, не дают сгнить ветхому Адаму, отчего нет освобождения душе».* Вполне логично – в чем же еще видеть свою беду Гоголю, перенесенному из христианской парадигмы в «модель Логинова»? Не грехи, оказываются, его держат, а книги. А поскольку книга, творчество – это святое, то, спалив второй том «Мертвых душ», Гоголь, согласно авторской логике, совершил святотатство, предал самого себя, и в этом-то как раз его трагедия. И чтобы доказать это, потребовалось «всего лишь» вырвать писателя из свойственного ему мировоззренческого контекста и поместить в абсолютно иную философскую ситуацию. Но не лукавство ли – подобный прием? И конец этой главы – *«Илья Ильич молча смотрел вслед. На сердце было страшно и отвратно. Еще какая-то часть души скончалась в эту минуту»* – не есть ли это подсознательное ощущение своей неправоты? Автора или его главного героя – поди уж тут разбери...

Однако вернемся к самой «модели Логинова» – она порождает и другие вопросы. И прежде всего – о происхождении этого странного посмертия. Согласно авторской концепции, бессмысленно искать причины. Ну, вот так оно есть. Само выросло. С монетками, кожаными мешочками, системой штрафов, тарифами на воздух, правилами о личной неприкосновенности... Как-то плохо верится. А вот фигура некоего демиурга, устроившего все это, напрашивается сама собой. Приме-

чательно, что герои об этом совершенно не задумываются. Но читатель-то поневоле начинает измышлять гипотезы. Природа не терпит пустоты (нихиля). И раз уж религиозные объяснения автором исключаются, приходит мысль о некоей сверхцивилизации (или о земной цивилизации далекого будущего), решившей таким вот образом облагодетельствовать умерших. Действительно, нетрудно сочинить псевдонаучные объяснения. Сканирование сознания и копирование его на некий носитель, создание виртуальной среды, которую эти оцифрованные души примут за «тот свет». Плюс анализ воспоминаний живых людей и, соответственно, пополнение персонального счета каждого «покойного». Достаточно всего лишь машины времени, ментоскопов... и прочей аппаратуры. Если вдобавок приравнять человеческую личность к записанной в клетках мозга информации... В общем, в атеистическую парадигму вполне укладывается — хотя наверняка можно выдумать и что-то поизящнее.

Однако никому из героев такие мысли и в голову не приходят. Ну, разве что кроме единожды упоминаемого физика, который с фанатичным упорством исследует свойства нихиля. Остальным и до того дела нет. Оказались на том свете — и живут себе, пока не помрут.

Странно, не правда ли? Легко объяснить это авторским недосмотром, но картина тут сложнее. Нелюбопытство тамошних обитателей — далеко не единственная их особенность. Это лишь следствие из главной причины: они **иные**, нежели при жизни. Смерть обожгла их, что-то такое с ними сделала. Они уже неспособны меняться, неспособны всерьез переосмыслить свою жизнь. Да и все, что они там продумывают, они уже продумали на этом свете. А на том — лишь повторяются. Чем Илья Ильич в конце книги отличается от себя же в ее начале? Чем кающийся Гоголь в нихиле отличается от кающегося Гоголя в Петербурге? Даже царь Тигли — и тот лишь реализовал в посмертии те свои идеи, которые пришли ему в голову еще в земной жизни.

Потому же герои Логинова (за редчайшим исключением) не желают каяться. Впрочем, если понимать покаяние в христианском смысле, то у них и нет такой возможности. Покаяние — это ведь не только констатация печальных фактов, но и движение воли, направленное на исправление. «Метанойя», по-гречески — «изменение ума». Если герои Логинова и могут устыдиться каких-то своих дел и мыслей, то сделать следующий шаг — отринуть грех и начать жить по-новому — они не в состоянии. И речь даже не о невозможности добрых дел в изображенном мире — тем более что кто творил добро здесь, творит его и там (Корчак, Ушинский, мать Тереза). Важнее другое: в мире опредмеченного нихиля человек как бы консервируется, внутренне остается таким,

каким туда и попал. Почему так? Православный ответ к модели Логинова неприменим – хотя и в православии считается, что за гробом покаяние невозможно.

Правда, в «модели Логинова» встает очень сложный вопрос о детях, умерших здесь в младенчестве и вырастающих **там**. Они ведь являются в мир посмертия, неся лишь ту или иную генетическую обусловленность, но не сложившиеся черты личности. И, быть может, как раз они (и только они) способны в том мире меняться внутренне, по-настоящему грешить и по-настоящему каяться. Девочка Анюта (мать-изуверка задушила ее сразу после родов) кажется единственным **живым** человеком среди «нарумяненных трупов». Все остальные обречены следовать выбранной еще здесь судьбе, а ее судьба творится там, и вовсе не без ее участия. Вспомним и эпизод, когда Анюта рассказывает, как дети из загробного приюта придумали и сами же уверовали в легенду о счастливой Поляне, куда попадают умершие звери. Помимо того, что это очень трогательно и пронзительно, есть тут и философская подкладка. Дети ведь занимались самым настоящим религиозным творче-

Тот свет глазами художника Здислава Бекшиньского

ством, проявляя те стороны души, которые у прочего населения посмертного мира отсутствуют.

Некоторые читатели сравнивали «посмертие по Логинову» с чистилищем. Вряд ли это справедливо. Ведь нет самого главного – очищения. Весь смысл чистилища (как понимают его католики) – это необходимость пострадать, чтобы искупить неизжитые при жизни грехи и тем самым оказаться достойным рая. То есть чистилище – это **осмысленное** страдание. А в «модели Логинова» страдание, когда оно там есть, – совершенно бессмысленно. Из него ничего не вырастет. Оно просто есть, от него не избавиться – и все дела. Куда больше это напоминает ад. Там как раз все бессмысленно, там нет никакой надежды, и самое страшное – не страдание как таковое, а именно эта бессмысленность и неотменимость. И финальный эпизод романа лишь подчеркивает инфернальную бессмыслицу. Вконец обнищавший Илья Ильич, со дня на день ожидающий распада, вдруг получает щедрый дар: его спустя девяносто лет вспомнил умирающий старик, в младенчестве своем видевший Каровина. Спустя девяносто лет воспоминание всплыло – и Илья Ильич получил свой мнемон. Последний. Больше о нем вспоминать некому. Окончательная смерть отодвинулась на несколько месяцев. Несколько месяцев не жизни, а жалкого, бесполезного и безнадежного прозябания в Отработке. Стоит ли оно того? Такое вот посмертие – вторая ли это попытка или жестокая насмешка? Из текста, пожалуй, вытекает последнее.

Конечно, «модель Логинова» не вписывается в христианское миропонимание, но есть в ней нечто, значимое и для христианина. А именно: в жизни есть смысл именно тогда, когда впереди маячит неизбежная смерть (которая лишь дверь в иное бытие). Когда можно надеяться, можно выбирать между верой и неверием. Когда можно меняться. Когда сама неизвестность, встающая перед каждым из нас, делает возможной и веру, и надежду, и любовь. Сними это покрывало тайны, поставь человека лицом к лицу с непреложной реальностью, лиши его возможности усомниться в ней – и это будет уже не жизнь. Взглянув на чудовищную «модель Логинова», лучше начинаешь видеть то, что не всегда замечаешь здесь, в слишком уж привычной для нас реальности. Независимо от субъективных намерений писателя, у него получилось убедительное «доказательство от противного». Роман ведь не о загробном мире, роман именно о нашей здешней жизни. Логинов показывает посмертие без спасения. А дальше уже каждому решать, что же такое настоящее спасение и нужно ли оно лично ему. Решать именно здесь, потому что **там** будет поздно.

Арбитмания

ПРОЛЕТАЯ НАД ГНЕЗДОМ...

Мировая культурная традиция издавна посылала нам сигналы о том, что Фантастика и Психушка есть вещи не просто совместные, но даже исторически глубоко взаимосвязанные, порою почти неразделимые. Как Иголка и Нитка, как Аверс и Реверс, как Серп и Молот, как Хлеб и Рама. Норма всегда была предсказуема, уныла и строго конечна – в то время как аномалия имела репутацию субстанции бурлящей и неисчерпаемой, как Вселенная. Приземленные люди, не способные выдумать пороха, благополучно произрастали в просторных кабинетах с видами на карьеру. Напротив, люди с фантазией высокого полета готовы были – при наличии точки опоры и рычага – быстренько поставить весь мир на уши; но им-то приходилось коротать дни в запертых снаружи кельях с небьющимися окнами, низкими потолками и стенами, обитыми тремя слоями мягкого поролона. Правда, до того как угодить под замок, фантазеры успевали капитально наследить в сайенс-фикшн, саспенсах и хоррорах: на целую свору затейливо сбрендивших докторов Калигари, Мабузе, Стрейнджлавов, Шульцев, Хассов и Но приходился всего один штатный доктор-психиатр – где уж ему было уследить за всеми будущими пациентами!

Число литературно-киношных психов, и без того немалое, особенно умножилось в середине минувшего столетия. Опасный афоризм гениального Нильса Бора (*«Эта идея недостаточно безумна, чтобы быть верной»*) дал толчок массовому призыву в фантастику разномастных типажей Безумного Ученого (Mad Scientist). Самой деликатной ипостасью БУ явился седой всклокоченный изобретатель автомашины времени Эммет Браун из кинотрилогии Роберта Земекиса – всеми остальными следовало попросту набивать палаты для буйных. При этом законы фантастического жанра оставались строги и неумоли-

мы. Героям произведений, суровым адептам чистого знания, вменялось в обязанность иметь какой-нибудь бзик, сдвиг, крен, прибабах, заморочку в мозгах. На творца, лишенного хотя бы малюсенькой мании, господа редакторы поглядывали косо. Лучшим пропуском в бессмертие молчаливо признавалась постоянная прописка в Кащенко; без ученой степени борцу научного фронта еще кое-как разрешалось существовать, но вот без крупных тараканов в голове нечего было и пытаться изобрести что-то посложнее сковородки с антипригарным покрытием.

Впрочем, не научниками едиными полнились психбольницы. Давняя «Кукушка» Милоша Формана была лишь первой ласточкой: к началу третьего тысячелетия нас захлестнула волна политкорректной западной моды на милых безумцев со справкой – моды, которая уже принесла солидные кинонаграды американским «Играм разума» Рона Хауэрда и нашему «Дому дураков» Андрея Михалкова-Кончаловского. То, что в девятнадцатом веке для грибоедовского Чацкого выглядело злой сплетней (*«В горах был ранен в лоб, сошел с ума от раны»*), для какого-нибудь полковника Буданова из века двадцать первого становилось не только удобной отмазкой, но и знаком приобщенности к сонму героев времени. У проблемы открывалось второе дно. Избушка-психушка поворачивалась к творцам передом, а к врачам задом. Линейных безумцев – так сказать, психов «а натюрэль» – теперь быть не могло по определению. За каждым маячила своя сермяжная правда. Согласно упомянутым выше законам жанра фантастики, любой патентованный сиделец в доме скорби мог вдруг оказаться либо хранителем-сеятелем достоверных сведений о грядущем Апокалипсисе (Сара Коннор в «Терминаторе-2» Джеймса Кэмерона), либо тихим гостем из космоса (Прот в «Планете Ка-Пэкс» Иена Софтли), либо визитером из будущего (Коул в «Двенадцати обезьянах» Терри Гильяма), либо уж, на худой конец, автором романа про Понтия Пилата. Поэтому, право же, мамаше из «Шестого чувства» М. Найта Шьямалана не стоило печалиться о душевном здоровье сыночка, утверждавшего, будто он видит мертвецов: он ведь ДЕЙСТВИТЕЛЬНО общался с потусторонним миром. Да и дочурку из «Экзорсиста» Блэтти-Фридкина не следовало терзать томографом, электрошоком и амфетамином: она ПО-НАСТОЯЩЕМУ была одержима Дьяволом, грубияном и матерщинником. *«И тебя вылечат!»* – обещала супруга булгаковско-гайдаевскому Ивану Васильевичу Бунше, хотя неясно было: от чего тут надо лечить? Управдом-то на самом деле путешествовал в эпоху Ивана Грозного, был искушаем царицами, но не отдал шведам

Кемскую волость. Кстати, и одна из самых знаменитых в России шведок, домомучительница фрекен Бок, тоже зря бормотала свою мантру *«Тра-ля-ля-ля-ля-ля! А я сошла с ума!»*. Поскольку лучшее в мире привидение с мотором и впрямь летало над крышами Стокгольма, пугая ночных похитителей мокрых пододеяльников.

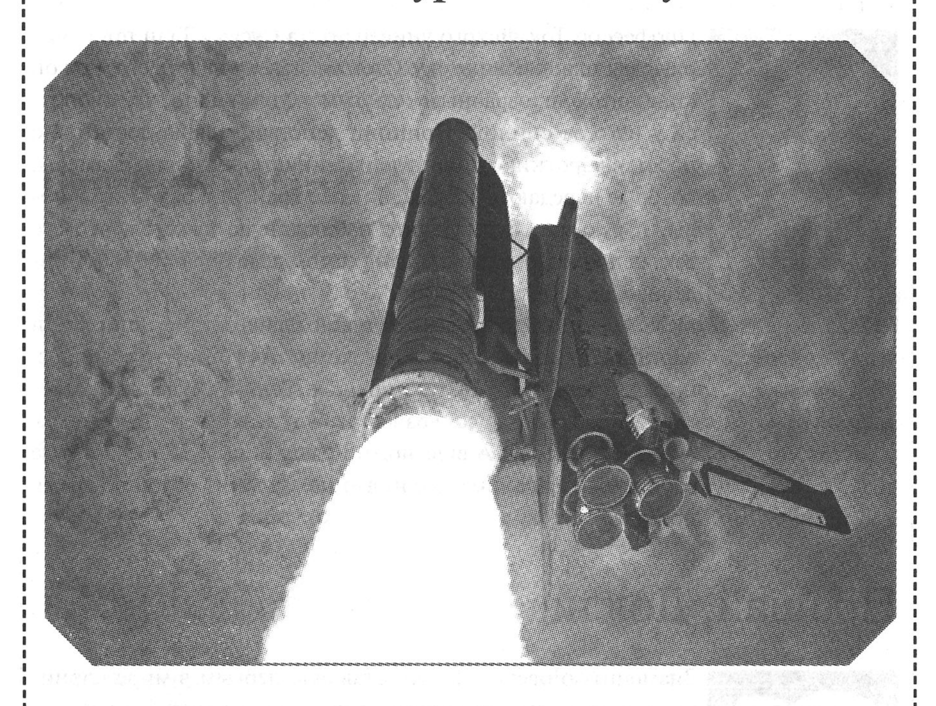
Увы. Фантастика отняла у честных сумасшедших выстраданное ими право городить настоящую полновесную чушь – без всякой там примеси Тайного Знания или Божественного Прозрения, без намека на Нобелевку или «Оскара». Простодушный Швейк из книги Ярослава Гашека, ненароком попав в эпицентр безумия, еще не подозревал, что все подсмотренные им людские мании и мозговые перекосы будут со временем уворованы и каталогизированы фантастами; каждая обретет новое толкование. Человек считает себя Кириллом и Мефодием? Ничего страшного: нормальный результат клонирования (или неудачного переноса матрицы чужого сознания). Беременный господин? Ну, это вообще классика: грустец Шварценеггер в «Джуниоре» Айвена Райтмана проделывал такое на раз. *«Одного держали в смирительной рубашке, чтобы он не мог вычислить, когда наступит конец света»*? Это явно про математика Коэна из фильма «Пи» Даррена Аронофски. Кто-то *«выдает себя за шестнадцатый том Научного энциклопедического словаря»*? Читайте финал романа Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»...

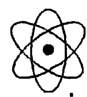
Отдадим должное самим фантастам: многие из них старались соответствовать своим сюжетам и персонажам. Вспомним, к примеру, американца Филипа Дика, уходившего в сумеречную зону с помощью коктейля из психоделиков. И хотя наш Сергей Снегов в романе «Люди как боги» тоже давал коллегам-соотечественникам совет, как эффективнее снести себе крышу (с помощью песенки о сереньком козлике – метод Андрэ), не стоит считать безумие советских фантастов благоприобретенным. Скажем, писатель А.П.Казанцев, признанный патриархом НФ, с юности баловался электронной пушечкой и искал в бороде зелененьких тунгусских инопланетян без помощи ЛСД. А, например, писатель В.И.Щербаков, несколько лет руливший выпуском 90% фантастики в СССР и тоже вроде не замеченный в поедании псилобициновых грибочков, на старости лет застенчиво признался в кровном родстве с этрускопришельцами и сообщил миру о своих беседах с Богородицей... В общем, похоже, среднюю часть обидной формулы «ФАНТАСТИКУ пишут ЖУЛИКИ для ИДИОТОВ» тоже надо корректировать. Чтобы уравновесить все ее компоненты.

Роман Арбитман

НАУЧНЫЙ ФРОНТИР

Газета в журнале. Выпуск 1





База данных

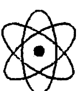
Если папа не стекольщик...

Профессор Токийского университета Сусуму Тачи придумал и сделал плащ-невидимку. Стоит человеку надеть его, как он становится «прозрачным»: другим людям видно, что творится у него за спиной. Принцип действия плаща достаточно прост: в воротнике установлены миниатюрные видеокамеры, которые передают изображение на экран. А экран – это и полы, и рукава... В результате наблюдателю кажется, что его взгляд проходит насквозь, а на самом деле он видит лишь видеоизображение.

Кому может пригодиться такой плащ, кроме шпионов и воришек? У профессора Тачи готов ответ и на этот вопрос: прежде всего он думает о хирургах. Если из чудесной ткани сделать перчатки, руки врачей не будут закрывать им «оперативный простор». А еще можно сделать прозрачным днище самолетов: тогда пилотам ничто не заслонит обзор во время посадки.

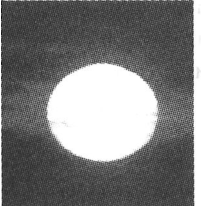
Прощай, Долли!

Знаменитую овечку Долли, ставшую первым в мире клонированным млекопитающим, пришлось усыпить, поскольку она была неизлечимо больна – страдала от пневмонии, артрита и ожирения. Общий диагноз – преждевременное старение: всего Долли прожила шесть с половиной лет, в то время как овцы обычно живут до 12. Учитывая, что ее матери, когда у нее изымали клетки для клонирования, было шесть лет, ученые пришли к выводу: клонированные клетки, развившись в новорожденный организм, продолжали стареть с заданной скоростью. Ничего сенсационного в этом нет – давно известно, что скорость старения обусловлена длиной теломеры – хвостика ДНК, который укорачивается при каждом акте деления. И хотя попытки «стабилизировать» теломеру продолжаются, о результатах говорить пока рано.



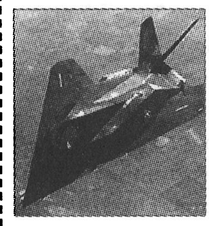
Необычным во всей этой истории был уровень шумихи, развернутой СМИ вокруг несчастного животного. Как же, раз можно клонировать овцу, то очень скоро то же самое научатся делать с человеком! Откуда ни возьмись появились адепты клонирования – бескорыстные и не очень: гинекологи Рид и Антинори, секта «КлонЭйд»... В ответ правительства многих стран законодательно запретили все эксперименты подобного рода... Что ж, похоже, страсти кипели зря: если человечество и продвинулось в познании бытия, то совсем ненамного.

Солнце в кармане



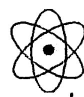
Сцена из фантастического романа: к кровоточащей ране подносят волшебную лампу, и рана заживает буквально на глазах. Нет, регенерация здесь не при чем: речь идет о воздействии на микроорганизмы при помощи интенсивных световых вспышек, что эквивалентно жесткому ультрафиолетовому облучению. Аппарат «Биоквант» создали наши соотечественники – ученые из МГТУ им. Баумана. Устройство лечит порезы, ожоги, герпес, псориаз, экземы... Пока еще ни один микроорганизм после встречи с «Биоквантом» не выжил.

Атомный самолет



Американская компания «Нортроп Грумман» (именно она выпускает для Пентагона знаменитые самолеты-невидимки «Стелс») совместно с представителями военно-воздушных сил США разрабатывает беспилотный разведывательный самолет, оснащенный атомным двигателем. Такой аппарат с ядерным источником энергии на борту может находиться в воздухе месяцами...

Стоит отметить, что советские и американские конструкторы пытались воплотить эту идею еще в 50-х годах прошлого века. Однако работы были прекращены, поскольку «ядерные» самолеты получались чересчур тяжелыми. Сейчас же эксперты опасаются, что в случае аварии аппарат с реактором на борту превратится в так называемую грязную радиоактивную бомбу.

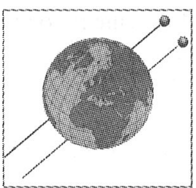


У стен есть голос...

В Дальневосточном техническом университете придумали, как научить тоннели, мосты, дамбы, здания, корабли, самолеты и даже ракеты жаловаться на «плохое самочувствие». То есть вовремя предупреждать о том, что они испытывают запредельные нагрузки и могут разрушиться. Это стало возможным благодаря «интеллектуальной оптоэлектронной измерительной системе», которую встраивают в конструкции.

Система работает по типу нервной системы человека: она не только чувствительна, как кожа (различает понятия «горячо», «холодно», «тяжело», «легко»), но и обладает зачатками «интеллекта». Рассчитав приближение критических перегрузок, она сообщает об этом человеку-оператору или сама выполняет заранее предусмотренные действия.

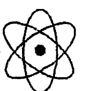
Охотники за нейтрино



В ледяных недрах Антарктики установлен телескоп, оснащенный датчиками AMANDA. С его помощью международная команда физиков и астрономов надеется отыскать в глубинах космоса следы нейтрино. Эти невидимые, незаряженные и почти невесомые частицы, в отличие от других видов излучения, ускоряются, пролетая мимо планет, звезд и даже галактик. Нейтрино вырываются на свободу во время таких катастрофических событий во Вселенной, как столкновение «черных дыр», вспышки гамма-лучей или крушение звезд.

Необычность этого телескопа в том, что он нацелен не на небо, а в глубь Земли. Дело в том, что нейтрино высоких энергий от далеких галактик свободно проходят сквозь нашу планету. «Только по нейтрино можно судить о катастрофах во Вселенной с огромными энергетическими затратами», – полагает Стивен Барвик из Университета в Ирвине (Калифорния).

Что же касается датчика AMANDA, то это массивная 400-метровая система, состоящая из 308 оптических детекторов, каждый из которых размером с шар для боулинга. Примене-



ние подобных устройств уже позволило ученым исследовать ранее не изученную область неба.

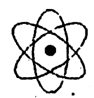
Видеть руками

«Если человек не может видеть глазами, надо научить его “видеть” руками, спиной, головой», – уверен доктор биологических наук Грант Демирчоглян, главный научный сотрудник НИИ физкультуры и спорта. Он создал прибор, благодаря которому человек воспринимает окружающий мир в виде легких уколов тока. Работает прибор так: светочувствительная матрица (модель сетчатки глаза) принимает картинку. Визуальный образ преобразуется в электрический сигнал. По сути, получается своеобразный переводчик – с языка зрения на язык тактильных ощущений. Когда вокруг светло и пусто, как в чистом поле, по коже бегают лишь легкие мурашки. Появляется кто-то – покалывания становятся ощутимее. С помощью такого «глаза» можно даже телевизор смотреть!

Одеколон для гепарда

Американское Общество охраны дикой природы решило выяснить, как действуют на животных различные ароматы. Исследователи проверили на обитателях Нью-Йоркского зоопарка запахи специй, вытяжек из различных растений и 19 марок дорогих духов. Выяснилось, например, что самки гепарда просто сходят с ума от мужского одеколона «Obsession». Учуяв необычный запах, они долго принюхиваются, а потом начинают кататься по земле и царапать ее когтями. Если же к флакону приближается кто-то из сородичей, животное мужественно защищает свою находку. Исследователи полагают, что столь необычное действие «Obsession» связано с тем, что в одеколоне содержится мускусная эссенция...

Как известно, в жизни животных обоняние играет решающую роль. Помещенные в клетку, они страдают от «обонятельной диеты», что часто вызывает у них депрессию. Представители Общества охраны дикой природы полагают, что звери нуждаются в ароматерапии.



Стивен Строгац (США)

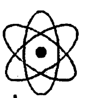
ГЕРОИ 1953-го

Десятки тысяч слов посвятили газеты и журналы 50-й годовщине открытия химической структуры ДНК. Конечно, Джеймс Д. Уотсон и Фрэнсис Крик заслужили хорошую вечеринку, но жаль, что пресса забыла упомянуть о другом научном подвиге, которому в этом году также исполнилось 50. А ведь его последствия могут оказаться не менее важными, чем последствия открытия двойной спирали.

В 1953 году Энрико Ферми и два его коллеги по Лос-Аламосской научной лаборатории - Джон Паста и Станислав Улам - разработали концепцию «компьютерного эксперимента». Компьютер стал «телескопом разума», средством исследования недоступных для наблюдения процессов вроде столкновения «черных дыр» или бешеного танца субатомных частиц - явлений, которые слишком велики или быстры, чтобы быть объектом традиционных экспериментов, и слишком сложны, чтобы с ними совладала математика карандаша и бумаги. Компьютерный эксперимент дал нам третий способ заниматься наукой.

Ферми и его коллеги придумали этот революционный подход, чтобы лучше понять энтропию - тенденцию всех систем приходить в состояние все большего беспорядка. Дабы наблюдать ожидаемое скатывание в хаос с беспрецедентными подробностями, Ферми и его команда создали виртуальный мир, симуляцию, существующую внутри электронного чудовища, прозванного Маньяком, - самого мощного компьютера той эпохи. В эксперименте использовалась упрощенная модель вибрирующей атомной решетки, состоящая из 64 идентичных частиц, которые связаны между собой.

Эта структура была похожа на струну гитары, но с одной особенностью: обычно струна ведет себя «линейно» - оттяните ее в сторону, и она вернется назад, оттяните вдвое дальше, и она вернется с удвоенной силой. Усилие и ответ пропорциональны. Однако связи между реальными атомами ведут себя по-другому. Двойное растягивание не приводит к двойному усилию. Ферми предполагал, что этот нелинейный характер химических связей мог оказаться ключом к неизбежному увеличению энтропии. К сожалению, он же выводил из игры традиционную математику. Такая нелинейная система не могла быть проанали-



зирована разделением на части. Можно сказать, это торговая марка нелинейной системы: сумма ее частей не составляет целого...

Неустрашимый Ферми и его сотрудники дернули за «виртуальную струну» и позволили Маньяку вкалывать, вычисляя сотни одновременных взаимодействий, корректируя все силы и положения, запечатлевая струну в серии «мгновенных снимков». Ученые ждали, что ее движения выродятся в случайную вибрацию, музыкальной формой которой станет бессмысленное шипение, напоминающее белый шум по радио.

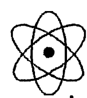
Результаты компьютерных вычислений удивили. Вместо шипения струна сыграла жуткую, почти инопланетную мелодию. Начавшись с чистого тона, она постепенно «обрастала» серией обертонов; одновременно менялся тембр. Затем внезапно началось обратное движение, обертоны удалялись в противоположном порядке, и наконец звук вернулся почти точно к исходному тону. Эта странная мелодия повторялась снова и снова, причем всякий раз - с небольшими вариациями.

Ферми нравился этот результат: он нежно называл его «маленьким открытием». Он и не предполагал, что нелинейные системы отличаются такой склонностью к порядку.

За прошедшие 50 лет ученые и инженеры узнали, как эксплуатировать нелинейные системы, используя их способность к самоорганизации. Лазеры, применяемые теперь повсюду - от операции на глазах до сканеров в супермаркете, основаны на триллионах атомов, испускающих световые волны в унисон. Сверхпроводники передают электрический ток без сопротивления - побочный продукт миллиардов электронных пар, шагающих «в ногу».

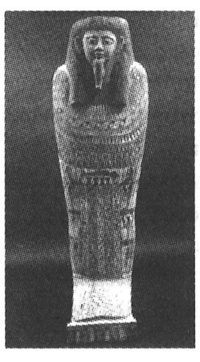
Но, возможно, самый важный урок опыта Ферми состоит в том, насколько слабы даже лучшие умы при анализе динамики больших нелинейных систем. Столкнувшись с мириадами пересекающихся обратных связей, наш обычный метод мышления «проваливается». Чтобы решить большинство важных проблем современности, нам нужно изменить способ, которым мы занимаемся наукой.

Например, рак не будет вылечен одними только биологами. Его решение потребует объединения обоих больших открытий 1953-го. Раковые образования ведут к расстройству биохимических сетей, которые руководят деятельностью тысяч генов и белков. Как учили нас Ферми и его коллеги, комплексная система, подобная этой, не может быть понята путем каталогизации ее частей и правил, управляющих их взаимодействиями. Нелинейная логика рака будет понята только совместными усилиями молекулярных биологов - наследников доктора Уотсона и доктора Крика - и математиков, специализирующихся на комплексных системах, - наследников Ферми, Пасты и Улама.



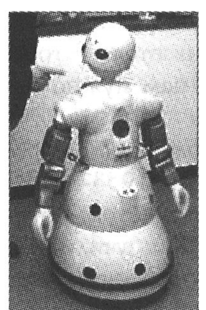
База данных

«Правда всегда одна...»



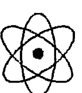
Эпидемиолог Марк Нельсон из Мельбурнского университета провел исследование, результаты которого должны окончательно развеять миф о проклятии мумии Тутанхамона. В 1922 году экспедиция Говарда Картера и лорда Карнавона нашла усыпальницу этого фараона, правившего Египтом почти за полторы тысячи лет до нашей эры. Это единственное известное захоронение египетского правителя, не тронутое древними мародерами. Через несколько месяцев после его обнаружения лорд Карнавон скончался от неизвестной болезни, вследствие чего и возникла легенда о «проклятии фараона». Согласно поверью, люди, присутствовавшие при вскрытии гробницы, погибали буквально один за другим... Марк Нельсон проследил судьбы 26 человек, которые первыми вошли в ту гробницу. В результате было установлено, что их средняя продолжительность жизни составила... 70 лет!

Железная няня



В Японии поступил в продажу робот-няня, способный не только скрасить одиночество, но и помочь по дому. Модель называется «Вакамару», ее рост примерно метр, а вес – 30 килограммов. Конструкторы придали роботу человеческие очертания, однако для большей устойчивости передвигается он все же на колесах.

«Вакамару» создан в первую очередь для того, чтобы присматривать за детьми. Робот знает более 10 000 слов и способен задавать вопросы вроде «Что-то ты сегодня поздно?» или даже «Где ты, черт побери, пропадал?». Встроенные в его голову телекамеры и аудиодатчики различают лица и голоса не только хозяев, но и их гостей. Мало того, железная няня умеет анализировать различные ситуации. Скажем, если детишки нашалят, робот отправит их родителям соответствующее



послание по электронной почте, сопроводив его «уличающими» фотоснимками. Отключить же ябеду невозможно! Спрятанные внутри аккумуляторы позволяют роботу непрерывно работать в течение нескольких часов, при этом их подзарядка производится автоматически.

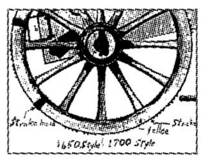
Стоит «Вакамару» не такие уж безумные деньги – 8500 долларов. Фирма-производитель рассчитывает не только на родителей, но и на пожилых людей, которые страдают от одиночества.

Само-верто-лет

Профессор Казанского технического университета Владимир Павлов и его сын Виталий создали «гибрид» самолета с вертолетом. Самолетное крыло они заменили тонким вращающимся диском, который установлен над фюзеляжем и из которого на взлете и при посадке выдвигаются лопасти, превращающие его в несущий винт, как у вертолета. Самолеты с дисковым крылом могут летать чуть ли не со сверхзвуковой скоростью и садиться где угодно. Это особенно важно для работы в чрезвычайных ситуациях – например, в Арктике или Антарктике.

На Всемирной выставке инноваций, научных исследований и новых технологий в Брюсселе проект Павловых был удостоен серебряной награды. А всего на счету российских ученых после той выставки 40 медалей: 24 золотые, 11 серебряных и пять бронзовых!

Колесо времени



В Словении обнаружено самое древнее колесо из всех известных в мире. Оно было сделано из ясеня и дуба 5100–5350 лет назад. Его радиус – 70 см, а толщина – 5 см. До сих пор древнейшими считались колеса, найденные в Швейцарии и Германии. Их возраст оценивался в 5000 лет.

Раздел «База данных» подготовлен по материалам газет «Комсомольская правда», «Известия», «Еженедельного журнала», а также по собственной информации «ЗД».

Точка отсчета

Эдуард Геворкян

КОСМОДИЦЕЯ

«На экране произошли разительные перемены. Исчезли блеск и величие; жалкие развалины ничем не напоминали прежние грандиозные сооружения. От космолетов остались только ржавые обломки. Людей не было видно».
Айзек Азимов «Конец Вечности»

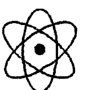
Огнем и дымом прочеркнули небо обломки «Колумбии». Для семерых астронавтов дорога домой будет длиться вечность... Было сказано много правильных и утешительных слов. Все будет хорошо! Будет ли?

На первый взгляд дела идут неплохо.

Мы готовы поддержать работу МКС в меру сил и возможностей. Более того, Комитет по обороне обратился к президенту Путину с просьбой выделить средства на многоразовую авиационно-космическую транспортную систему воздушного старта.

Китайцы продолжают наращивать космические мускулы, вывод человека на орбиту - вопрос, наверное, месяцев. И вряд ли они шутят, когда заявляют о намерении построить в ближайшем будущем лунную базу.

Американцы потихоньку оправились от шока и не собираются сдавать позиции. Оборонные структуры резко активизировались, и Агентство по перспективным научным исследованиям Министерства обороны назвало компанию, которая реализует программу RASCAL. Речь идет о создании нового экономичного многоразового носителя для вывода грузов на орбиту. Марсианская программа постепенно набирает обороты, марсоходы споро бегают по моделям марсианских пустынь. Президент Буш в минуту просветления распорядился начать разработки ядерного ракетного двигателя...



Энтузиастам космической экспансии есть чему радоваться, не так ли?

Но откуда тогда сильное ощущение, будто мы топчемся на месте? Тому есть причины.

Кто сейчас помнит о проектах «Зенгер», «Х-33», «Гермес» и им подобных? Реализуйся они в свое время - и сегодня орбитальный туризм стал бы экзотикой не круче вояжа на Гавайи. Ныне же приходится заново изобретать «космические велосипеды». Ведь тот же проект воздушно-космического старта - всего лишь реанимированная разработка Глеба Лозино-Лозинского двадцатилетней давности. В научно-популярных журналах тех лет можно найти изображения самолетов «Мрия» или «Руслан» с многоразовым аппаратом на горбу. Ничего принципиально нового не предлагается.

Историки науки легко могут вспомнить, что и ядерный двигатель - проект не первой свежести. Американцы еще в 1955 году начали создавать реакторы NERVA для полета на Марс. За 18 лет в Неваде были испытаны 20 реакторов, причем некоторые из них показали неплохие результаты. Правда, максимальный ресурс двигателя составил всего лишь 50 секунд, и разочарованные американцы программу свернули.

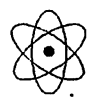
Мы тоже не отставали. В конце 50-х при Семипалатинском полигоне создали НПО «Луч», началась разработка ядерного двигателя. В 1975 году было проведено испытание реактора ИВГ-1, и через несколько лет наши ученые обошли американцев как по температуре, так и по ресурсу работы, продолжавшейся более часа.

Об этих наработках вспоминают теперь лишь во время очередных конференций, на которых объявляются новые сроки полета на Марс. Сейчас поговаривают о 2017 годе.

Историю космонавтики XX века иногда сравнивают с шахматным матчем - на каждый ход «вероятного противника» следовал другой, разыгрывались красивые партии. Кажется, Тайманов сказал, что шахматы - это трагедия одного темпа. Потеря темпа в космонавтике очевидна. Но уместно ли сравнение с игрой? Не дают ли такие аналогии лишний довод противникам космической экспансии? Любая игра рано или поздно заканчивается, а игроки возвращаются к серьезным делам.

Собственно говоря, все доводы «антикосмистов» сводятся к трем пунктам.

Первый. Как можно тратить средства и ресурсы на полеты к другим планетам, пока на Земле есть миллионы голодающих и бездомных?!



Мы уже видели, как сытые и богатые помогали сирым и убогим с помощью бомб и ракет. Да и кто будет заниматься перераспределением в пользу бедных - ООН? Идея выдохлась. Мировое правительство? Где оно? Некая сверхдержава? С ней мы даже не в средневековье, а в рабовладельческий строй вернемся дружными рядами. Не так уж и давно человек, который был не в состоянии прокормить себя и семью, не только решался права голоса, но и свободы вообще. Впрочем, можно представить фантастическую ситуацию, когда голодные и бездомные, как уже бывало не раз, отнимут и поделят, причем глобально. Выжившие станут поедать друг друга, а потом все начнется сначала.

Второй довод. Идет великий передел мирового порядка, а потому - не до космоса. Военные и коммуникационные аспекты еще туда-сюда, а вот про пыльные тропинки далеких планет забыть немедленно. Тесно стало на нашей планете, пряников на всех уже не хватает, свары будут крепчать год от года. Не исключено, что возврат к откровенному противостоянию может подстегнуть космическую гонку, но если передел дойдет до логического завершения, то Землю унаследуют крысы и скорпионы.

Третий. Человеку вообще нечего делать в космосе, чуждой и враждебной среде. Место homo sapiens - дома, вот и надо обустраивать свой дом, не предаваясь пустым мечтаниям. Жизнь - хрупкая штука, ее надо холить и лелеять, а не подвергать испытаниям. Этот довод - самый коварный, потому что он апеллирует к эмоциям.

В давние времена, когда я работал в одном научно-популярном журнале, мне довелось встретить фаната освоения космического пространства. Его страстные речи сводились к следующим тезисам.

Смысл любой формы жизни сформулирован давным-давно. Сказано: «плодитесь и размножайтесь». Все остальное от лукавого... Отсюда следует, что экспансия - естественное состояние жизни, поскольку при неблагоприятных обстоятельствах эндемики вымирают первыми. Космическая экспансия неизбежна для сохранения человечества, так как ограничение рождаемости - генетическое преступление. Космос - это lebensraum для жизни, достигшей определенного уровня развития. Задача любой жизни - подавить конкурентов. Поэтому цивилизации, активно осваивающие космос, будут подавлять аналогичные попытки у других. С этой целью будут инспирироваться войны, разваливаться империи, пропагандироваться ограничение рождаемости и так далее... Вывод: препятствующий космической экспансии человечества есть вольный или невольный пособник хитрых альенов, присматривающих за нами со своих тарелок.

Тогда я воспринял эти речи как бред.

В ближайших номерах
«Звездной дороги»
читайте повести и рассказы
Кира Булычева,
Эдуарда Геворкяна, Клайва Баркера,
Льва Вершинина
Подписные индексы журнала –
81935 (каталог «Роспечать»)
или 38429 (Объединенный каталог)
9 771607 255308